

ISSN 2308-6947

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

СЕВЕРО-ЗАПАД В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 28

Под редакцией В. Н. Никулина

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2022

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

С28

Рецензенты

Н. А. Серогодский, д-р ист. наук, проф.,
Кубанский государственный университет;

Д. В. Ковалёв, д-р ист. наук, проф., Коломенский государственный
социально-гуманитарный университет

Редакционная коллегия

А. Ю. Дворниченко, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *В. В. Кондрашин*, д-р ист. наук, проф. (Институт российской истории РАН); *В. Н. Никулин*, д-р ист. наук, проф. — отв. редактор (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *Л. Н. Жданович*, канд. ист. наук, доц. — отв. секретарь (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *З. А. Тимошенкова*, канд. ист. наук, доц. (Псковский государственный университет); *Е. Н. Швейковская*, д-р ист. наук (Институт славяноведения РАН)

В оформлении обложки использована картина К. Ф. Юона «Деревня Новгородской губернии» (1912).

С28 **Северо-Запад в аграрной истории России** : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. — Вып. 28. — 165 с.

Сборник содержит статьи по актуальным проблемам как общероссийской, так и региональной аграрной истории дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Затронуты вопросы экономического положения страны, социального развития российской деревни, общественного движения.

Адресован научным работникам, преподавателям, студентам-историкам и всем, интересующимся отечественной историей.

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

© БФУ им. И. Канта, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иванов В. И.</i> Включение волости Шуя Корельская в состав владений Соловецкого монастыря: «анатомия» одного крестьянского конфликта начала XVII века	4
<i>Черкасова М. С.</i> Северная деревня на раннем этапе церковной реформы (вторая половина XVII века).....	15
<i>Дубман Э. Л.</i> У истоков военно-промышленной колонизации лесостепного Заволжья в начале XVIII века.....	25
<i>Нарыкова Н. М.</i> Феминизм и развитие женского сельскохозяйственного образования в России (вторая половина XIX — начало XX века).....	36
<i>Кабытов П. С., Барينوва Е. П., А. Н. Брянчанинов:</i> от либерала к консерватору.....	47
<i>Никулин В. Н.</i> Законодательство об управлении сибирскими крестьянами во второй половине XIX — начале XX века	60
<i>Карпачёв М. Д.</i> Неземледельческие промыслы в жизни крестьянства Воронежской губернии на рубеже XIX—XX веков	78
<i>Дианова Е. В.</i> Распространение сельскохозяйственных знаний в Вологодской губернии в начале XX века	91
<i>Александров Н. М.</i> Дискуссии о преимуществах и недостатках общинной формы крестьянского землевладения в начале XX века (по материалам местных комитетов Костромской губернии) .	102
<i>Роднов М. И., Тагирова Л. Ф.</i> Сельскохозяйственные переписи как источник для изучения последствий Гражданской войны	113
<i>Жданович Л. Н.</i> Первая сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка СССР (по материалам губерний Северо-Запада).....	122
<i>Наухацкий В. В.</i> Аграрная политика и восстановление сельского хозяйства Ростовской области после освобождения от фашистской оккупации.....	134
<i>Томилин В. Н.</i> Сталинский план преобразования природы и некоторые итоги его реализации	145
<i>Логунова И. В.</i> Неквалифицированные работники сельскохозяйственных предприятий Центрального Черноземья в условиях аграрной реформы 1990-х годов (социально-экономический аспект).....	155
Об авторах	164

В. И. Иванов

**Включение волости Шуя Корельская
в состав владений Соловецкого монастыря:
«анатомия» одного крестьянского конфликта
начала XVII века**

Рассматривается один из эпизодов расширения владений Соловецкого монастыря в эпоху Смуты начала XVII в. Анализируются события, предшествующие царскому пожалованию Шуерецкой черносошной волости. Показаны некоторые особенности организации крестьянских морских зверобойных промыслов.

The article deals with one of the episodes of the expansion of the Solovetsky Monastery's possessions in the era of the Time of Troubles at the beginning of the 17th century. The events preceding the royal award of the Shueretskaya state volost are analyzed. Some features of the organization of peasant sea hunting are shown.

Ключевые слова: монастырское землевладение, крестьянские промыслы, Поморье, Смута XVII в.

Keywords: monastic land ownership, peasant crafts, Pomorie, Troubles of the 17th century

Рост феодального, и в частности церковно-монастырского, землевладения осуществлялся в России различными способами. М. И. Горчаков на широком круге актов материалов XV—XVI вв. представил примеры 11 способов формирования

патриарших владений: пожалования князей; покупка; вклады, мены, залог, выкуп, колонизация, наследование; разного рода присоединения, приписка церквей и монастырей [1, с. 81—149]. Обобщая практику северных монастырей, можно выделить три основных пути расширения владений: частноправовой, публично-правовой и смешанный. Под первым мы имеем ввиду разнообразные виды сделок церковных землевладельцев с отдельными крестьянскими хозяйствами на приобретение всего комплекса или отдельных частей их земельных и промысловых угодий. Формы актов, которыми они закреплялись, могли иметь очень широкий спектр и не всегда соответствовали сущности сделки. Особо следует рассматривать сделки духовных корпораций между собой и в значительно большей степени со светскими феодальными землевладельцами (с чем правительство активно боролось во второй половине XVI в. и формально запретило Соборным Уложением 1649 г.).

Второй путь — это различного рода пожалования верховной властью черносошных или дворцовых земель, обычно с живущими на них крестьянами. Причины таких пожалований были весьма разнообразны и не всегда в полном объеме отражались в княжеских и царских грамотах. Часть жалованных грамот (нам представляется — значительная) в действительности только заверяла, закрепляла за монастырями и иерархами земли, приобретенные ими разными способами, в том числе частноправовым образом. При этом правительственные акты могли под различными предлогами или умолчанием увеличивать размеры таких приобретений. Подобные случаи частного приобретательства, дополненные и закрепленные государственными пожалованиями, следует рассматривать как третий — смешанный — путь.

Так, Кемская волость приобреталась Соловецким монастырем преимущественно частным образом. За XVI в. известно более 90 актов о переходе крестьянских владений в руки монастыря. К 1582 г. половина земельных и рыболовных угодий волости уже была, очевидно, монастырской, а в июне 1591 г.

монастырь получил царскую грамоту о пожаловании второй половины этой волости, хотя реально к этому времени он купил у крестьян (по имеющимся купчим, данным и другим актам) намного больше половины угодий [2, № 259, 260; 3, с. 260—268].

В отличие от Кемской волости, волость Шуя Корельская в начале XVII в. оставалась единственным чернососным «островком» на Карельском берегу Белого моря [3, с. 320—342]. Эта волость имела и другую, древнюю, судя по всему, особенность — она представляла собой анклав Водской пятины, окруженный землями Обонежской пятины. В научной литературе этот факт не нашел отражения [4, с. 184].

Формирование территории Водской земли (впоследствии пятины), очевидно, происходило на самых ранних этапах новгородской истории, поскольку «воть принадлежала к числу тех племен, из объединения которых сложилось Новгородское государство» [5, с. 100]. Следует отметить еще одну своеобразную черту Шуи Корельской — кроме основной территории ей принадлежали земли к северу от Кемской волости (луки Гридино и Калгалакша), удаленные от ее границ более чем на 100 верст.

Волость Шуя Корельская была включена в состав соловецких владений, можно сказать, чисто публично-правовым способом — по жалованной грамоте царя Михаила Фёдоровича от 19 сентября 1613 г. [6, № 14]. Ко времени ее издания Соловецкий монастырь имел в этой волости лишь 1 двор, 2 дворовых места; 2 лука (из 38) земельных и промысловых угодий; 31 копну (из 597) сена, то есть около 5% тяглых угодий. Причем куплены они были всего за год до перехода волости в монастырь [6, № 11, 12].

Среди причин пожалования названы разорение и сожжение церкви; малочисленность населения; отсутствие пашенной земли; иные кормятся морским промыслом, а иные кормятся у монастыря; оброк в Новгород Великий не дают. Практически

все эти причины выглядят надуманными. Запустение волости началось во времена опричнины, еще в 1569/70 г., «от Басаргина приезде и правезу и от немецких людей воины, и от морового поветрия, и от голоду» [7, ф. 281, д. 5921, л. 4, 10, 17], но уже к концу XVI в. была восстановлена одна из двух церквей, число же крестьянских хозяйств достигло докризисного только через 70 лет после того, как волость потеряла черносошный статус [3, с. 522].

Такое пожалование объясняется, на наш взгляд, прежде всего слабостью государственной власти в условиях Смуты, которая стремилась заручиться подобным образом поддержкой крупного монастыря. Однако прежде чем обращаться к московскому правительству за грамотой, монастырское руководство, пользуясь своим влиянием и военно-административным ресурсом (помимо слуг и служебников монастырь содержал отряд стрельцов [8, с. 221—223]), провело «обработку» шуерецких крестьян путем своеобразной акции устрашения.

Основным источником о событиях, предшествующих передаче Шуерецкой волости в состав монастырских владений, являются сохранившиеся в архиве Соловецкого монастыря материалы следственного дела о столкновении в 1611 г. крестьян двух соседних волостей, расположенных на побережье Белого моря, из-за угодий промысла морского зверя (нерп и зайцев). Указанный источник дошел до нас в копии, созданной в монастыре в начале XVIII в., то есть примерно через 100 лет после событий [7, ф. 1201, оп. 1, д. 430]. Этот список явно неполон (выявлена одна очевидная лакуна [7, ф. 1201, оп. 1, д. 430, л. 3]) и представляет собой скорее выборку документов из следственного дела. В современном виде состав дела о конфликте кемских и шуерецких крестьян выглядит следующим образом:

1) явка шуерецких крестьян Третьяка Кирилова «с товарищи» в Сумском остроге воеводе Максиму Васильевичу Лихареву да голове Елизарью Денисьевичу Беседного — 27 августа 1611 г.;

2) челобитная крестьян Шуи Корельской Макарка Ларионова и Стефанка Родионова властям Соловецкого монастыря (без даты, но явно 1612 г.), к которой прилагаются памяти шести шуеречан;

3) челобитная крестьян Кемской волости Агафона Иосифова с. Кологривова да Иванка Филиппова с. Лисицы властям Соловецкого монастыря (без даты, но явно 1611 г.);

4) опросные речи пострадавших кемлян, проведенные по челобитной кемлянина Агафона Осипова сын Кологривова монастырским властям — 27 августа 1611 г.;

5) первая отпись пяти шуерецких крестьян о возвращении им вещей, конфискованных у них монастырскими людьми;

6) вторая отпись шуерецкого крестьянина Стефана Родионова сына — 1 сентября 1612 г.;

7) третья отпись шести крестьян Шуерецкой волости о возвращении им вещей, конфискованных у них монастырскими людьми, — 30 октября 1612 г.

Судя по представленным в деле документам, конфликт развивался следующим образом. Трое шуеречан промышляли на Ивановых лудах морского зверя и 22 августа 1611 г. на них напали кемляне (4 чел. «со многими людми»), били и грабили. В ответ на это шуеречане (8 чел.) 26 августа напали там же на кемлянина Филиппа Кологривова и его покрученика Анисима Трофимова Озерченина. Пострадавших досматривал 27 августа старец Саватий с целовальниками: у Филиппа голова была прошиблена до крови, а у покрученика левая нога переломлена наполовину и «по спине, и по рукам выбит насмерть» [7, ф. 1201, оп. 1, д. 430, л. 1—2, 5—7].

На следующий год соловецкие власти организовали настоящую карательную экспедицию, которую возглавили трое монастырских слуг (высшие светские чины монастырской администрации) в сопровождении монастырских стрельцов. Дата в источнике отсутствует, но учитывая, что две из трех отписей шуеречан датируются сентябрем и октябрем 1612 г., можно утверждать, что это произошло не позднее августа 1612 г. На

Кемском острове, в Лех лудах, на Чёрном острове, на Валитове острове, на Салной корге, в Ивановых лудах и на иных малых островках застигли не менее 18 шуеречан, у которых конфисковали все, что было: суда, снасти, сети, орудия, инструменты, одежду, посуду, продовольствие, различное имущество и промысловую добычу. Тем самым шуерецких крестьян лишали возможности не только вести промысел морских млекопитающих, но и вообще заниматься рыбной ловлей и обычной для прибрежной зоны хозяйственной деятельностью. Вряд ли кто-нибудь из них мог легко восстановить утраченное, многим, очевидно, грозила нищета. Чтобы вернуть свое имущество, шуеречанам пришлось признать принадлежность промысловых угодий соседней Кемской волости (то есть монастырю) и отказаться от их использования впредь. Кроме того, пострадавшим кемлянам «за увечья» заплатили 9 руб., сумма значительная по тем временам. Позднее почти все те угодья, где происходили столкновения в 1611—1612 гг., кроме Кемского острова, Лех-луда и Салной корги, были признаны Шуерецкими [6, № 26; 7, ф. 1201, оп. 1, д. 317, л. 3—4].

Судя по всему, этим не ограничивались договоренности с монастырем. Явно связана с этим конфликтом покупка монастырем в конце сентября 1612 г. земельных владений (2 лука), мельницы, двора и дворового места в Шуе Корельской [6, № 11, 12]. А главное — эти события, без сомнения, предопределили переход в сентябре 1613 г. чернососшной волости Шуя Корельская в состав монастырских владений.

Материалы этого дела дают редкую возможность представить не только особенности крестьянских морских промыслов, но и условия жизни крестьян-промысловиков.

Организация промысла. Промысел морских млекопитающих велся небольшими группами, обычно 3—4 человека. В 1612 г. на Ивановых лудах промышляли трое: Степан Родионов из с. Ловушка (хозяин); Дмитрий Андреев из с. Горлов (складник) и казак, нанятый Степаном (имя в источнике не упомянуто). Складник — это пайщик, самостоятельный кре-

стьянин, который вносил в дело определенную долю своих средств [9]. Он, таким образом, являлся совладельцем промысла, хотя занимал подчиненное положение в этой артели (вероятно, и доля его была намного меньше, чем у главы). Казак — это просто наемный работник, который предоставлял свою рабочую силу, скорее всего, не совсем квалифицированную.

Инфраструктура промыслов. В деле фигурирует избушка — «лонская» (прошлогдняя) на Ивановых лудах, построенная братьями Кологривовыми и, возможно, другими кемлянами.

Суда и судовые снасти. Среди конфискованных судов названо несколько карбасов. Карбас — небольшое парусно-гребное судно [10]. Найденное на севере Норвегии плоскодонное судно, которое считают карбасом, имело 4,5 м в длину и 1,35 м в ширину [11, с. 275]. В материалах нашего дела фигурируют три карбаса. Один из них, очевидно более крупный, назван двоевесельным [7, ф. 1201, оп. 1, д. 430, л. 10]. Кроме того, одно судно с парусом не имеет особого названия и какого-либо определения. В общинных документах Шуерецкой волости XVII в. нам не удалось выявить ни одного упоминания карбаса. Этот термин, видимо, имел хождение в монастыре и других монастырских владениях для обозначения мелких морских судов. Шуеречане помимо крупных судов (лодья и сойма), обычно все остальные называют просто судном с определением его использования. Явно, что эти суда отличались друг от друга какими-то конструктивными особенностями, но в чем они заключались, источник не поясняет. Наиболее часто встречаются названия: судно мурманское (оклад 10 руб.), судно весновское (оклад 2 руб.), судно осеннее (оклад 1 руб.), судно ежжало (оклад 0,5—1 руб.), судно нерпье (оклад 1 руб.), судно (оклад 1 руб.). Указанные суммы обозначают окладную величину. Размеры оклада (они взяты из окладной книги 1663/64 г.), очевидно, определялись среднегодовой доходностью судов, а не их торговой ценой. Оклад мог относиться к цене как 1:2 или 1:4 [3, с. 534—541].

Суда, которые были захвачены у шуеречан во время конфликта на промыслах, могли относиться только к последним четырем категориям: осенним, езжалым, нерпым. Все они были парусными (всего было конфисковано 9 парусов), примерно одного класса (имели оклад не более 1 руб.). Судно весновское (оклад 2 руб.) было «с парусом, повотцом, якорем и со всею судовою снастью» (в 1673/74 г. оценили в 5,5 руб.). Другое судно (без уточнения) — «со всею снастью деревяною, с якорем и с парусом, дрог и ноги, и вожи» (в 4 руб.) [12, ф. Разряд-I, оп. 2, д. 43, л. 2, 11]. Упомянутые судовые снасти предназначались для укрепления и управления парусом: дрог — фал, снасть для подъема паруса (мог быть длиной 13 саж.); ноги — веревочная снасть для крепления мачты к бортам; вожи — ремни или веревки, которыми привязывают парус к лодке [13; 14; 15, с. 95, 181].

Сети и другие орудия. Основным орудием промысла морских млекопитающих были сети. Источник разделяет сети заячьи и нерпичьи. Последних было намного больше. Отдельно заячья сеть упоминается лишь трижды, но есть сводная запись об 11 заячьих и нерпичьих сетях. Можно предположить, что в этом случае заячья сеть была не одна. Нерпичьих сетей, не считая сводной статьи, имелось 14 штук, при этом в двух случаях указан размер — 100 и 200 саж., а последняя имеет еще и оценку — 5 руб. [7, ф. 1201, оп. 1, д. 430, л. 1]. Высокая цена определялась тем, что эти сети делались, очевидно, из кожи. Издавна, еще в актах XV в. [2, № 17; 16, № 300], в Поморье такую сеть называли юндой [17, с. 128]. При ловле морских животных использовали кокоты — багры, имевшие металлическое острие с загнутым концом, насаживаемое на шест [18], и кутила — остроги (гарпуны) для охоты на морского зверя [18], захвачено 2 штуки и кутило с ремнем. Для обработки туш и кож использовался кляпик сальный — нож с коротким широким лезвием, на конце загнутым к обуху [10]. Их было захвачено 6 штук. Один нож назван «угорским» — это, по всей видимости, нож, который позже стал именоваться финским.

Промысловая добыча. Всего у шуеречан было отобрано добычи: один заяц, опущенный на вожжи; две заячьи кожи; заячий ремень (6 саж.) и вожжи; а также 65 нерп и 11 нерпичьих кож; нерпичьего сала 80 пуд. «с осминою». Сало топили в котлах, было отобрано 4 котла. Количество добычи невелико, так как сезон ловли морских животных продолжался обычно до декабря, а конфискация была произведена в самом начале сезона, в августе. Известно, что в 1678 г. шуеречане заготовили 1520 больших кож и 1355 «кожеев» [19, с. 173].

Кроме ловли зайцев и нерп, осенью занимались и рыбной ловлей. В источнике отмечено 5 «тонких» сетей [7, ф. 1201, оп. 1, д. 430, л. 4] и 6 сельдяных переметов. Перемет в данном случае обозначал длинную ставную сеть, которой перегораживали залив моря [20]. К тонким сетям или, возможно, к переметам прикреплялись кнеи — мелкоячеистый мешок в середине сети или невода, где скапливалась пойманная рыба. Их отобрали 15 штук [10].

Одежда и обувь. Большой интерес представляют сведения об одежде, которую брали с собой на промысел. Самой распространенной верхней одеждой были кафтаны (9 штук): 4 из сермяжного сукна (один из них назван промышленным), 2 шубных (подбиты мехом, очевидно), 1 «белый нерпичий». Последний явно представляет собой специальный маскировочный костюм промысловика, который позволял незаметно приблизиться к стаду. Брали с собой и наиболее теплую одежду: шубу одевальницу овчинную, шубу баранью ценой 21 алт., шубенко сальное. Теплые головные уборы: трех теплый из зеленого сукна (5 алт. с копейкой), трех синий, трех зеленый. Странно, но на промысле были изъяты две женские шапки «камчатые» (камка — шелковая цветная узорчатая ткань [10]). Женщин на промыслах не было, и вряд ли они туда ездили. Следовательно, эти шапки были куплены по дороге или уже промысле. Из обуви мы встречаем только поршни дубленые и поршни заячьи.

Продовольственные запасы. Среди продуктов питания на промысел брали хлеба печеные (на 20 алт. с гривною); хлеба (3 шт.); крупу житную полмеры (6 алт.); крупу и толокно (полмеры); ржаную муку (3 меры); масло топленое (около 10 гривенок — 4 кг). Казак, который работал, очевидно, на хозяйских харчах, имел с собой только специи (перец на 2 алт.) и такое лакомство, как вишневые ягоды (на 6 денег, вероятно сушеные).

Церковные принадлежности. Обязательным для православного человека был нательный крест «с ворота» (6 ден.). Упомянуты также просто крест (7 коп.), возможно настольный, и деревянные складни.

В этом источнике отмечено много других инструментов, посуды, бытовых, спальных и промысловых принадлежностей.

Список источников и литературы

1. *Горчаков М.И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988—1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871.

2. *Материалы* по истории Карелии XII—XVII вв. / под ред. В.Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.

3. *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI—XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007.

4. *Аграрная история* Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.

5. *Гадзяцкий С.С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. М., 1940. Вып. 6.

6. *Карелия в XVII веке* : сб. док. / под ред. А.Н. Андреева. Петрозаводск, 1948.

7. *Российский* государственный архив древних актов.

8. *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV—XVII в. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем севере в древней Руси. Пермь, 1927.

9. *Словарь* русского языка XI—XVII вв. М., 2000. Вып. 24.

10. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1980. Вып. 7.
11. Дубровин Г. Е., Окороков А. В., Старков В. Ф., Черновиков П. Ю. История северорусского судостроения. СПб., 2001.
12. *Научный архив Карельского научного центра РАН.*
13. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1977. Вып. 4.
14. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1986. Вып. 11.
15. *Словарь промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв.* СПб., 2003. Вып. 1.
16. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова.* М. ; Л., 1949.
17. Никольский В. В. Быт и промыслы западного побережья Белого моря. М., 1927.
18. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1981. Вып. 8.
19. Алексеева Я. И. О промысле морского зверя у Карельского берега Белого моря (территория Шуерецкой волости XVII—XVIII вв., Поньгамской волости XIX — начала XX в.) // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней : сб. тез. докл. науч. конф. Архангельск, 2020.
20. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1988. Вып. 14.

**Северная деревня на раннем этапе
церковной реформы
(вторая половина XVII века)**

Рассмотрен ранний этап церковной реформы на Севере России. Приводятся факты протестных вступлений на уровне сельских приходов. Анализируются нормативные документы церковных властей разного уровня, регулирующие покаянную практику сельского населения. В них акцент делался на выявлении ранних фактов проявления раскола.

The article discusses the early stage of the introduction of church reform in the north of Russia. The facts of protest entries at the level of rural parishes in different counties are given. The normative documents of the church authorities of different levels regulating the penitential practice of the rural population are analyzed. They focused on identifying early facts of the manifestation of the split.

Ключевые слова: церковь, реформа, Север России, крестьянство, исповедь, раскол

Keywords: church, reform, North of Russia, peasantry, confession, disunity

В 1653—1660-е гг. в России проводится церковная реформа, названная по имени патриарха Никона (1652—1666), хотя отдельные новшества (исправление богослужебных книг, еди-

ногласное пение) начали внедряться еще при его предшественнике, патриархе Иосифе (1642—1652). Процесс этот развивался сложно, вызвав многочисленные протесты в разных слоях русского общества.

В дискурсе той эпохи постепенно утверждаются два неравнозначных по статусу термина: 1) официальный, с резко негативной коннотацией *раскольники, расколицы, мятежники, непокорники*; 2) самоназвание для не принимавших реформу — люди старого согласия, старого обряда — *старообрядцы, староверы/староверцы, старолюбы/старолюбцы* [1, с. 4; 2, с. 29—30; 3, с. 432—433]. Одной из причин открытия на севере весной 1682 г. новых епархий — Устюжской и Холмогорской — было распространение здесь раскола, задача борьбы с которым на них возлагалась [4, с. 193—271]. На фоне груборепрессивной политики государства и церкви в 1670—1690-е гг. на севере возникает мощный старообрядческий протест (массовые саможжения, вооруженные выступления, наиболее длительным и драматичным из которых стало Соловецкое восстание 1667—1676 гг. [5, с. 26; 6, с. 13]).

В статье представлены выявленные автором архивные данные о реакции на реформу Никона крестьян разных владельческих категорий (монастырских, митрополичьих, архиерейских, помещичьих, государственных) и низшего духовенства, их взаимодействие на уровне основного звена церковной организации — сельского прихода. Постараемся показать регулирование архиереями отношений сельского клира с традиционными крестьянскими сообществами, народные взгляды на церковные нововведения, оценку действующей церкви и ее обрядов, усиление исповедной/покаянной практики как способа выявления раскола. Считаю продуктивным современный подход к церковному реформированию XVII в. «изнутри» как к сложному и противоречивому взаимодействию реформаторства и традиционного уклада народной жизни и религиозности [7; 8, с. 5—10].

Еще до официального введения реформы в грамоте вологодского архиепископа Маркела в восточную десятину его

епархии на Усть-Вымь и Оквад от 3 июля 1651 г. говорилось о единогласном пении и чтении в храмах [9, ф. 1260, оп. 1, №933]. В окружном послании ростовского митрополита Ионы на Белоозеро 1652 г. отражен общий курс на церковное *дисциплинирование*: приходским попам вменялось в обязанность следить не только за соблюдением единогласия и троеперстия, но и за тем, чтобы «никто не был бы без отца духовного и без покаяния» [10, с. 172—177].

К реализации этой политики привлекалось черное духовенство местных монастырей. В послании ростовского митрополита Ионы архимандритам и игуменам предписывалось «учить в своих паствах по трижды к покаянию и к причастию». Приходские священники сдавали монастырским настоятелям и иеромонахам старые издания богослужебных книг и деревянные сосуды, а взамен получали новоисправленные служебники и требники, а еще оловянные сосуды для причастия — «потир, дискос, лжицу, копие и звездицу». Поручные записи отражают активное привлечение архиерейской властью к внедрению обрядовых новшеств не только местного клира, но и выборных церковных старост [9, ф. 1260, оп.1, №4992—4995].

В указной грамоте митрополита Ионы в Устюжский и Усольский уезды в феврале 1661 г. говорилось, чтобы «в нынешний 169-го года Великий пост православные христиане с женами и с чады и с домочадцы приходили к своим отцам духовным каяться грехов своих» [9, ф. 1260, оп. 3, №38]. Акцент делается на семье/доме: супругах, детях, слугах. Противящихся этому «бесчинников» следовало приводить на архиерейские дворы и смирать, «смотря по вине». В марте 1661 г. об одном таком бесчинстве архиерею стало известно из челобитной местных попов. В Подосиновской волости Устюжского уезда «расколщик и церковной развратник» Терешка Мохов с двумя сыновьями устроили дебош в трапезной церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Они не пустили пришедших к своему отцу, духовному попу Ивану, прихожан с женами и детьми

исповедаться и причаститься [9, ф. 1260, оп. 3, № 40]. В 1688 г. в поручной записи местного духовенства по заподозренному в расколе церковному дьячку С. Ульянову из Антоньево-Черноозерской пустыни в Ирдомской волости Белозерского уезда содержалось обещание о том, что он будет «Иисусову молитву по-новоисправному творити и креститься тремя первыми персты и во всем святой церкви повиновение приносить и никакого церковного раскола не творить» [9, ф. 1260, оп. 3, № 8002].

После самовольного оставления патриархом Никоном своего поста и отъезда в Воскресенский монастырь Новый Иерусалим (1658) наступило межпатриаршество (1658—1666). В эти годы в проведении реформы усиливается роль государства: царя Алексея Михайловича и Монастырского приказа, воеводской власти на местах [3, с. 428—429; 11, с. 121—132]. В епархиальные центры рассылались царские грамоты, а многочисленные списки с них через архиерейских приставов доставлялись в отдаленные сельские приходы епархии. В 1660—1661 гг. в них говорилось о соблюдении поста, покаянии и причастии Тела и Крови Христовой [9, ф. 1260, оп. 3, № 27]. Идущие от официальных органов наставления такого рода объяснялись необходимостью коллективных молитв о «победе над супостаты», поскольку Россией в 1650—1660-е гг. велись войны с Речью Посполитой и Швецией [9, ф. 1260, оп. 1, № 1895]. Это можно рассматривать как одно из проявлений *конфессационализации*, активного и широкого вмешательства государства во все области церковной и духовной жизни, концепция которой развивается в современной историографии.

В это время обостряются и ранее дававшие о себе знать линии напряжения между сельским клиром и верхушкой крестьянской общины. В мае 1661 г. архиепископу Маркелу была направлена челобитная от церковного старосты, казначея и прихожан церкви Всемилоственного Спаса в с. Брусничном в Тошенской волости. Их возмущало поведение попа, растрата им мирских денег «себе на пропой», нарушение тайны исповеди и недобросовестное исполнение церковных обрядов («в светлую

неделю пения нигде не было, все пил да бражничал») [9, ф. 1260, оп. 1, №1957]. В допросных речах отражено индивидуальное сознание: поп Данило «укорял меня тайною моею и всякими духовными делами, в чем я ему в духовне калялся в своих многогрешных грехах. И они то все многие прихожане слышали» [9, ф. 1260, оп. 1, №1957, л. 6 (1661 г.)]. Человек, несомненно, стыдился публичной огласки своих прегрешений, допущенной его исповедником, что, несомненно, дискредитировало священника в глазах верующего.

Ранние факты противодействия реформе относятся к 1660-м гг., до церковного собора 1666—1667 гг. В 1665 г. священник Лука из Никольской церкви в с. Беседное Тошенской волости Вологодского уезда в своей челобитной архиепископу Симону жаловался на церковного старосту и прихожан, не позволивших ему служить по новому служебнику, купленному, скорее всего, на деньги прихода [9, ф. 1260, оп. 1, №2500]. Прихожане эту книгу «заперли в коробье», потребовав у Луки возврата денежной суммы.

Смена в приходах старых богослужебных книг на новые шла медленно. Часть сельского духовенства в Белозерском и Каргопольском уездах в 1665 г. продолжала использовать в литургии дониконовские издания, а просфирницы пекли просфоры с изображением старого, восьмиконечного креста, а не четырехконечного, как предписывалось реформой [9, ф. 1260, оп. 1, №2466]. В 1680/81 г. из белозерских приходов архиерей по-прежнему получал челобитные об изображении на просфорах старого креста, поскольку четырехконечный «латинский кржж» воспринимался как ненавистный, запавший в память народа со времен польско-литовской интервенции эпохи Смуты. Для внедрения новшеств в приходах порой не хватало стандартных печатей с новым крестом.

Опираясь нередко в продвижении новых обрядов не на местных попов, а на выборных от приходской общины церковных старост, архиепископ тем самым видел в них своих «святительских богомолцев». В 1680/81 г. староста Ильинской

церкви (и по совместительству художник) Ф. Агеев изображал на иконах и хоругвях четырехконечные кресты. Однако местные попы «не слушали святителского новоисправленного указа... соборное повеление и свиток соборной положили себе в ложь и безстрашие», что вселяло смуту в сознание «несведущих мирских людей» [9, ф. 1260, оп. 1, № 5550]. Под свитком в данном случае можно понимать материалы церковных соборов 1666—1667 гг. [3, с. 426—427]. Исправление икон по-новому предполагало подрисовку к изображаемым персонажам трооперстного крестного знамения [2, с. 129—131].

В апреле 1665 г. в духовном приказе вологодского архиепископа Симона рассматривалось дело по изветной челобитной двух попов Никольской церкви в Комельской волости. Речь шла о группе помещичьих крестьян, неприязненно отзывавшихся о приходских попах: те «хуже свиней, живут со своими попадьями и похваляются». Церковь же — это грачевник: «как, де, грачи слетаются в лес, так и приходские люди приходят к церкви шуметь да кричать» [9, ф. 1260, оп. 1, № 2611, л. 1—3]. Своим односельчанам бесчинники не велят ходить на исповедь, отказываются от мясо-молочной пищи на пасху, не пускают в свои дома священников «с молитвою и святынею», ни с каким приношением в церкви не ходят. В расспросных речах отражены взгляды, присущие известному еще до реформы народному антицерковному движению «капитоновщина»: это крайний аскетизм-постничество, отказ от мяса, неприятие института брака, церковных таинств и непосещение церкви [1, с. 163—169; 12, с. 547—551]. В. С. Шульгин оценивал «капитоновщину» как одно из направлений крестьянского старообрядческого движения после 1653 г. [13, с. 131].

Возвращаясь к делу 1665 г., отметим, что в полученных допросных речах крестьян содержатся любопытные признания одного из них о причинах неявки на исповедь. Поп Антоний «молод и в словах не воздержателен, к нему сердце не воротитца и совести своей объявить нелзе». Другой обвиняемый тоже выражал личное неприятие действующего попа. В выска-

званиях крестьян интересно соприкосновение церковно-книжной и народно-устной традиций духовной культуры. Один, хоть и неграмотный, внимает книжному чтению во время службы, а затем поучает мирских людей и даже попов, за что его не любят и те и другие. Коснулся он и своей частной жизни — жену имеет, но «по закону с ней не живет, потому что лета его отошли» [9, ф. 1260. оп. 1. №2611, л. 4].

Продолжение дела рассмотрела В.С. Румянцева по документации Вологодской съезжей избы при воеводе А.С. Зубове в марте-апреле 1666 г. из фонда Тайного приказа в Российском государственном архиве древних актов. Она расширила масштаб антицерковных настроений, охвативших помимо помещичьих еще и монастырских крестьян в вотчинах Павло-Обнорского, Введенского Корнильева и Спасо-Прилуцкого монастырей в Комельской волости, в Лежском волоке, а еще на землях служилого иноземца Ф. Довларова.

Были среди них и женщины, допускавшие перед воеводой весьма дерзкие высказывания («... в церковь я не хожу потому, что ныне там по новому служебнику служат; а с мужем не сплю уже три года»). Так частная жизнь вписывалась в контуры антицерковного протеста. Грамотным из 70 допрошенных оказался только один, признавшийся в знакомстве с «капитоном» Ермолкой. Были установлены поездки и переселения крестьян целыми семьями из Вологодского уезда в Вязниковские капитонские скиты — наиболее значительные центры этой ереси [1, с. 176—178].

На раннем этапе реформы в приходах не было ни доктринального, ни обрядового единообразия. Однако его не было и в более раннее время, как свидетельствует судебная документация о кружке вологодских еретиков 1628—1629 гг. [14, с. 439—446]. Грамотное городское белое и черное духовенство проявило интерес к униатству белорусско-украинского толка, которое после Смуты воспринималось вернувшимся из польского плена патриархом Филаретом с особой настроженностью.

Следуя требованиям собора 1666/67 г., сельские попы сдавали игумену Павло-Обнорского монастыря Иосифу в 1670 г. старые книги и сообщали о наличии в их храмах новоисправленных служебников, потребников, оловянных сосудов [9, ф. 1260, оп. 1, №4841—4843]. Согласно наказной памяти архиепископа Симона сыну боярскому К. Макарову, посланному в 1678 г. для сбора тиунских доходов, тот должен был следить за церковным благочинием. В ходе инспектирования храмов он продавал оловянные сосуды: по 15 алт. за потир и по 10 алт. за дискос, а служебники — за 24 алт. [9, ф. 1260, оп. 1, №5025]. При недостатке или отсутствии денег у церковной общины допускалось переписывание новых книг вручную. Чаще старoverы переписывали вручную дониконовские издания [5, с. 37—39]. Здесь же речь идет о ручном изготовлении книги, значит, стоимость печатных книг не всем приходам была доступна либо количества их не хватало.

В челобитной архиепископу Симону 1677 г. богородицкий поп из Череповской волости Белозерского уезда Г. Кузьмин жаловался на прихожан, что они не дают ему служить по новым книгам. Крестьяне же на допросах говорили, что у них «ученых людей в грамоте нет, oprичь земского дьячка» [9, ф. 1260, оп. 1, №4484]. Будучи неграмотными, прихожане не могли сравнить тексты в новых и старых книгах. Действительные же причины их конфликта с попом заключались в публичном разглашении им тайны исповеди: «...Он же в пиру духовными делами укорял». Внутриприходская атмосфера омрачалась тем, что попы позволяли себе «поносные» речи относительно «похвальбы» отдельных крестьян «о блуде и в чем ему духовные дети на исповеди каютца».

Обрядовая практика на местах в 1670-е гг. оставалась не унифицированной. В феврале 1672 г. в челобитной попа Артемия из Троицкой церкви Киснемской волости говорилось, что у них первый священник служит по новым книгам, а второй — по старым, на левом клиросе пение звучит единоголосное, «наречное», а на правом — старое, многогласное. Это

приводит к «помрачению тьмою неведения и смущения», великому расколу и мятежу. Архиепископ Симон предписал попу Артемию незамедлительно доносить в духовный приказ обо всех случаях непослушания прихожан и обрядовых нестроениях. Посланный в эти приходы архиерейский сын боярский К. Возимский призывал священников «божье славословие исполнять чинно и немятежно, а каждому священнику детей духовных поучать» [9, ф. 1260, оп. 1, № 3722].

При наличии в приходской церкви двух священников нередко случались их доносы друг на друга с просьбой «дать оборонь от сего супостата и мятежника» [9, ф. 1260, оп. 1, № 6983]. Атмосферу неупорядоченности внутри клира отражает челобитная двух сельских попов из Белозерского уезда архиепископу Симону. Ныне в их церкви, писали священники, «много несогласия стало: хто служит по-старине, тот то и хвалит, а хто служит по-новому, тот то и хвалит» [9, ф. 1260, оп. 1, № 3366].

Антицерковный протест 1665 г. в Комельской волости напомнил о себе спустя 20 лет. В ноябре 1685 г. по царскому указу были преданы смертной казни инициаторы самосожжения 50 крестьян двух деревень (монастырской и помещицкой). Авторитет самосожжений в глазах остального крестьянства был весьма значим. В 1691 г. жители Богословской Кохтышской пустыни «священство похуляют, говоря, что мы, де, и раньше без попа и игумена живали, а и ныне их не надобно, а расколники, кои згорели, велики перед Богом».

Дальнейшее исследование данной проблемы видится нам в изучении ранних форм демографического, а именно исповедного учета старообрядцев в Петровское время.

Список источников и литературы

1. *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986.
2. *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700—1740. М., 2000.

3. *Белякова Е. В.* Соборы 1666 и 1666—1667 гг. и складывание стереотипов в восприятии старообрядчества // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения : сб. матер. междунар. науч. конф. М., 2020.

4. *Черкасова М. С.* Великоустюжский архиерейский дом: открытие и начальный этап деятельности (1682—1700 гг.) // Вестник церковной истории. 2017. № 1-2 (45-26).

5. *Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995.

6. *Тяпин И. Н.* Старообрядческое население Европейского Севера России во второй половине XVII — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2002.

7. *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России XVI—XVII вв. М., 2002.

8. *Старицын А. Н.* Просопография северной деревни времени церковной реформы XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56).

9. *Государственный архив Вологодской области.*

10. *Акты исторические.* СПб., 1841. Т. 4.

11. *Старицын А. Н.* Роль государства в распространении церковных нововведений на севере России (начальный этап) // Становление и развитие российской государственности и система управления на русском севере в XVI — начале XXI в. : сб. ст. междунар. науч. конф. Каргополь, 2018.

12. *Агеева Е. А.* Капитон // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 30.

13. *Шульгин В. С.* Капитоновщина и ее место в расколе // История СССР. 1969. № 4.

14. *Опарина Т. А.* Дело вологодских еретиков // Книга и литература в культурном контексте : сб. ст. Новосибирск, 2004.

У истоков военно-промышленной колонизации лесостепного Заволжья в начале XVIII столетия

Рассмотрены особенности военно-промышленной колонизации лесостепного Заволжья в начале XVIII в. Изучение совокупности источников показало, что этот процесс проходил целенаправленно и находился под постоянным контролем Петра I.

The article deals with the features of the military-industrial colonization of the forest-steppe Trans-Volga region at the beginning of the 18th century. The study of a combination of sources showed that this process was purposeful and was under the constant control of Peter I.

Ключевые слова: лесостепное Заволжье, Петр I, колонизация, серное и селитряное производство, «заводы», крепостные сооружения, гарнизоны

Keywords: forest-steppe Trans-Volga region, Peter I, colonization, sulfur and nitrate production, «factories», fortifications, garrisons

Начавшееся в первые десятилетия XVIII в. военное и промышленно-земледельческое освоение юга лесостепного Левобережья явилось следствием осуществления замыслов и кипучей деятельности Петра I. Попытки проникновения на Восток — в Заволжье, Южное Приуралье, Среднюю Азию — и использования природных ресурсов этих территорий в эпоху его правления были не столь заметны и очевидны по сравнению с

масштабными предприятиями в Причерноморье, на Западе и Северо-Западе России. Но они, несомненно, имели место и также заслуживают внимания историков. К тому же уже во второй трети XVIII в. преемники Петра превратили его начальные действия в грандиозные проекты, существенно изменившие карту империи.

Поражения России в начале Северной войны заставили руководство страны заняться модернизацией не только вооруженных сил, но и всей военной промышленности. Одним из важнейших направлений в этой деятельности стало обеспечение армии порохом. Исследователи развития химических промыслов в России рубежа XVII—XVIII вв. справедливо считают, что производство селитры и тем более серы для изготовления пороха было явно недостаточным для обеспечения войск в условиях тяжелой войны со Швецией. Правительству Петра I пришлось принимать чрезвычайные меры в поиске месторождений этих составляющих для порохового дела и организации новых серных и селитряных «заводов» на окраинных, практически не заселенных территориях. Речь в данном случае идет о Среднем и Нижнем Поволжье, в том числе о левобережье Волги. Месторождения серы и селитры там были давно известны. В Казанском крае, под Симбирском, в окрестностях Самары еще ранее, в допетровскую эпоху было организовано производство пороха и его компонентов. В конце XVII — начале XVIII в. эта деятельность приобрела широкий размах, стала объектом пристального внимания Петра I и постоянно регулировалась его указами.

Именно в это время в рассматриваемом пространстве практически под руководством царя складывается уникальный комплекс «заводов» для производства основных компонентов пороха. Характерно, что создание промышленных предприятий в ряде случаев шло параллельно с колонизацией новых земель, военно-административным и хозяйственным включением их в состав России. Очевидно, что в рамках отдельной статьи невозможно подробно рассмотреть этот вопрос. Поэтому

отметим лишь общие моменты в развитии добычи селитры и серы, а также изготовлении пороха в каждом из указанных выше регионов, в том числе вновь осваиваемых.

Применительно к территории Казанского края (прежде всего Казанского и Свияжского уездов) данная тема достаточно подробно изучена исследователями [1, с. 311—338; 2, с. 36—41, 69—76; 3, с. 337—339; 4, с. 112—125]. Приведем лишь отдельные данные, характеризующие внимание столичных властей к развитию порохового дела в регионе. Так, в Наказе окольничему П. И. Львову, направленному воеводой в Казань в 1697 г., предписывалось «будучи в Казани, велеть селитру варить и зелье делать и в иных местех селитры приискывать и заводить селитренное и зелейное дело большими заводами, и порох делать пушечной и ручной самой доброй; а сколько вновь в Казанском уезде селитры выварено и зелья сделано, и что в тех селитренных заводах и о зелье учнется впредь делать, о том писать к Великому Государю почаству, и зелью опыт присылать к Москве в Казанской приказ...» [5, т. 3, № 1579, с. 293].

Это требование неоднократно повторялось и в последующих распоряжениях из центра. По крайней мере, от казанских властей требовали за счет местного производства удовлетворить потребности в порохе военных подразделений, размещенных на территории губернии. Так, в сенатском указе от 22 декабря 1714 г. было записано: «Казанской Губернии в гарнизоны порох делать в той Губернии, по сколько пуд на год пристойно, из неокладных доходов, понеже в той Губернии сверх табеля есть прибылые доходы...» [5, т. 5, № 2070, с. 135].

В соседнем с Казанью Симбирске в переписной книге 1678 г. указаны 4 двора мастеров «порохового дела» [6, с. 20]. Насколько значительным было это производство, неизвестно. В более поздних делах 1685/86 г. местной приказной избы упомянут мастер «зелейного дела» П. Баженов, который с «уездными людьми» варил селитру. Судя по указу царя 1698/99 г., на

Карлинском валу было создано крупное предприятие: «...селитренное дело большим заводом... и селитру варят наймом... и сделано 8 варниц и селитру варят в 15 котлов». В 1700 г. в указе местному воеводе А. Кравкову было предписано селитру переделывать в порох. Руководивший этим предприятием стольник Д. Молоствов в 1701 г. сообщал в Москву, что обследование земли «Симбирского вала» показало перспективность развития селитряного дела в крае [7, с. 289—290]. Очевидно, серу для изготовления пороха брали из месторождений на р. Сок.

О масштабах зеленой и пороховой дел в Симбирске наиболее полное представление дает фрагмент из описи 1703 г. местного воеводы П. М. Бестужева-Рюмина. Приведем его полностью: «Под городом на реке Свияге зеленой мельница со всяким заводом медным и железным строением на ходу. Порох начинаеца делать в мае месяце, как бывают теплые и ведерные дни. На зеленом дворе селитры не литрованной 125 пуд 18 фунтов. Да в порох переделано сверх того числа 120 пуд нелитрованной селитры, 100 пуд селитры ж черкасского варенья в 29 бочках, по подписи 701 пуд 37 фунтов. И в прошлом 1702 году июня с 16-го июля по 25 число зделано пороху ручного пушечного 400 пуд. На Свияге ж реке серной двор, где переплавливают серную руду в чистую серу, а по серную руду посылаютца служилые люди. На том серном дворе серы плавленной 26 пуд, да неплавленной 9 пуд, несущеной серы 114 мешков, 44 трубы, которые серу плавят. В Симбирском же уезде на Карлинском валу селитренных 3 варницы, на них по 2 котла медных больших. И ныне те котлы и всякие припасы велено послать в Астарахань для селитренного ж варенья, а в Симбирску селитренному варенью не быть» [6, ф. 396, оп. 3, д. 53, л. 62—63].

Однако в 1703 г. симбирский промысел не был закрыт. Н. Е. Бранденбург приводит утверждение Молостова, что тот варил под Симбирском на заводах селитру и порох еще в 1709 г., а его предпринимательская деятельность в уезде завершилась только в 1715 г. [1, с. 336—337].

Таким образом, на рубеже XVII—XVIII вв. под Симбирском были созданы крупные предприятия для изготовления селитры и пороха. Но они, очевидно, лишь отчасти соответствовали требованиям Петра I к развитию отрасли. По его распоряжению с 1700 г. начались обследование и пробные варки селитры «на старом Астараханском городище за Волгою рекою на нагорной стороне». Организаторы работ считали, что в низовьях Волги производство селитры являлось более перспективным [7, с. 290]. Со временем между Астраханью и Царицыным складывается крупный производственный комплекс.

В отличие от мест производства селитры, пригодных для промышленной разработки месторождений серы в Европейской России, было значительно меньше. Особый интерес в истории добычи этого минерала представляет создание серных «заводов» в начале XVIII в. в среднем течении р. Сок. Изучением истории производства серы и, в частности, деятельности сокских, а позднее самарского заводов по производству серы занимались Н. И. Бранденбург, П. М. Лукьянов, В. В. Кистенёв [1; 2; 8, с. 66—78] и ряд других историков. Но некоторые важные аспекты темы изучены не полностью. Следует учесть, что, помимо организации крупного промышленного комплекса в Заволжье, правительство решало здесь важную задачу создания плацдарма для дальнейшей военно-государственной и хозяйственной колонизации региона.

Несколько слов о предыстории серного производства. Первые сведения о наличии серы, которую русские «в небольшом количестве добывают на реке Волге, но не умеют очищать ее», встречаются еще в 1591 г. в сочинении Дж. Флетчера. Но где ее конкретно добывали, англичанин не указал [9, с. 34]. Если судить по составленной в 1627 г. «Книге Большому Чертежу», которая основывалась на материалах «старого чертежа» конца XVI в. [10, с. 189], речь у англичанина шла о среднем течении р. Сок. В «Книге...» сообщалось: «...по правой стороне р. Сока от города от Самары 90 верст озеро, а в нем емлют серу горячую» [11, с. 140]. Источники XVII в. приводят сведения о

жителям Самары, которых посылали добывать серу на Сок. Однако подробных описаний этого производства не сохранилось. Неясно и то, как изготавливали порох в самом городе.

Очевидно, создавая пороховые «заводы» в Казани и под Симбирском, Петр I уже знал об имевших промышленное значение сокских месторождениях серы. Видимо, упоминания по Симбирску, что «...а по серную руду посылаютца служилые люди», относятся именно к сокским месторождениям.

Начало их масштабной разработки оказалось тесно связанным с рядом других военно-государственных мероприятий по закреплению Самарского Заволжья за Россией. К ним относятся возведение пригорода Казани Сергиевска и новой самарской «земляной крепости»; основание в 1706 г. пригорода Алексеевска на р. Самара в 30 км выше ее впадения в Волгу; строительство редутов по р. Сок от Сергиевска до устья р. Кондурчи. Исследователи упоминают об указе от 31 октября 1702 г., в котором Петр I обязал казанского воеводу Н. А. Кудрявцева определить место для строительства пригорода и серных «заводов». Результаты обследования местности р. Сок под «Казачьим холмом» были утверждены в Москве в конце зимы — начале весны 1703 г., как и приказ Кудрявцеву приступить к строительству [12, с. 374; 13, с. 43; 14, с. 194—195].

Однако в первом печатном выпуске газеты «Ведомости» (январь 1703 г.) с сообщением из Казани, что «на реке Соку нашли много нефти, и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль Московскому государству», ничего не сказано о сере [15, с. 3].

О первых оборонительных сооружениях Сергиевска судить сложно. Как пишет В. В. Мурсков, «крепостную стену с четырьмя проезжими воротами и башнями по углам срубили из дубового леса», но на каких источниках он основывает свое утверждение, неизвестно [13, с. 44]. Неясно, какими были деревянные укрепления, устроенные по периметру крепостного вала, — тарасными или острожными. В следующем после возведения Сергиевска 1704 г. деревянные стены и башни разо-

брали и отправили водой на Терек. Оставшиеся земляные сооружения внешнего периметра крепости дополнительно укрепили специалисты из Казани. Характерно, что казанские фортификаторы практически одновременно с Сергиевском возводили «земляные крепости» в Самаре и Алексеевске (1704—1706 гг.). Следует полагать, что их оборонительные сооружения были конструктивно близки укреплениям Сергиевска после 1704 г. и существенно отличались от возводившихся в конце XVII в. Сызранской, Кашпирской и иных крепостей [16, с. 152, 171; 17, с. 148—156]. Основу их составляли земляные укрепления, деревянные были вспомогательными. Об этом свидетельствуют и результаты работы Закамской экспедиции в 1731—1735 гг. в Заволжье [16, с. 171].

В спорных делах Генерального межевания сохранилось несколько копий памяти 1703 г. из Приказа артиллерии в Приказ Казанского дворца к его главе Б.А. Голицыну, содержащих сведения об устройстве серных заводов и оборонительных сооружений под Сергиевском [18, ф. 1335, оп. 2, д. 5195, л. 234—235]. Однако более информативной и полной является копия той же памяти, составленная в 1722 г. и опубликованная Н.Е. Бранденбургом. В ней текст 1703 г. дополнен данными о состоянии заводов, их оборудовании и укреплениях на начало 1720-х гг. [1, с. 505—508]. К этому времени предприятия пришли в упадок, строения и оборудование обветшали, а производство, по всей видимости, не действовало (по крайней мере на двух заводах). Защищен укреплениями был только завод рядом с Сергиевском. О них сказано:

Вкруг серных ключей и ларей построен земляной вал, по валу острог дубовой вышиною 2 сажень с полусаженью, в длину острогу 80 сажень без аршина.

Поперечная стена от степи до надолоб 39 сажень с полусаженью, от города поперешная стена до надолоб же 51 сажень без аршина, а от острогу от концов по валу вкруг ларей обведены надолобы. Надолоб 160 сажень с полусаженью, по острогу 2 башни вышиною до крышек по 5 сажень, крыты тесом. На одной башне зделан чердачек для караулу [1, с. 505—508].

Сложно точно установить конфигурацию укреплений, но несомненно, что они представляли собой острог с достаточно высоким (более 5 м высотой) частоколом, 2 башнями (высотой более 10 м) и надолбами.

Добавим, что на ландкартах Новой Закамской линии начала 1730-х гг. указаны редуты, идущие от Сергиевска вдоль правого берега р. Сок к Волге: Липовский, Ольшанский, Раковский, Нижне-Кондурчинский, «У Каменного Броду» [19, ф. 349, оп. 45, д. 2289]. Построенные ранее сооружения линии, видимо, защищали водный транспортный путь от Сергиевска к Волге и служили для стоянок военных разъездов.

К началу 1720-х гг. два дальних «завода» практически не работали — «серы не собираетца», да и первый завод, ближний к Сергиевску, обветшал, данных об объемах серы, производимой на нем, не имеется. На промысле добывалась и «кусовая» сера, но в очень небольших объемах [1, с. 505—508].

В источниках приведены разные, существенно различающиеся данные о числе людей, поселенных в Сергиевске, при заводах и в заведенных рядом селениях. В наиболее достоверной «Смете ратных сил понизовых городов 1704 г.» указано: «В новопостроенном городе Сергиевском, что на реке Соку. Полковой службы копейщиков и реитар 1296 человек. Пеших камышников и станишников и серных мастеров 116 человек» [18, ф. 9, отд. 2, д. 3, л. 432; 20, с. 182]. Это число служилых людей сопоставимо с численностью гарнизона соседней Самары.

Таким образом, в условиях восстания башкир в начале XVIII в. в Заволжье и Приуралье наряду с сооружением серных «заводов» в междуречье Волги, Самары и Сока был создан крупный оборонительный комплекс, укрепивший значительный регион за Российским государством.

По данным, приводимым П. М. Лукьяновым, для работы на серных заводах были присланы 1 мастер и 15 подмастерьев из промысла под Симбирском, а также переведены около 508 семейств ясачных татар [12, с. 374]. В делах Сената приведены

несколько иные данные: «На помянутые заводы к серному делу мастеровые люди приведены из Симбирска, а работные люди даны из ясашных сел и деревень, которых приведено и отдано в работу годных 246 человек и дана им в Сергиевске для прокормления земля» [8, с. 69].

Количество и состав людей, обслуживающих заводы и поселенных рядом с ними, не были стабильными. Это же можно сказать и о численности военного гарнизона, охранявшего район заводов. Так, для защиты во время восстания башкир весной 1706 г. в Сергиевск помимо «служилых чинов людей по списку» было послано 250 драгун, 200 солдат для «проведывания и розъездов», 26 дворян и 76 мурз и татар [21, с. 30].

Производительность сокских заводов изначально была невелика. В. М. Севергин считает, что на них добывалось от 40 до 70 пудов серы в год [22, с. 376]. Опираясь на материалы делопроизводства Берг-коллегии, П. М. Лукьянов сообщил, что в 1707 г. было получено 44 пуда (721 кг) серы, в 1708 г. — 41 пуд (672 кг) [12, с. 376]. Несомненно, что такое производство по сравнению с потребными для армии на 1705 г. 7647 пудами серы [23, с. 72] было незначительным.

Видимо, поэтому с начала 1710-х гг. производство серы по указу Петра I было переведено с сокских заводов на Самарскую Луку. Изучавший месторождения серы Б. И. Винер писал: «...в то время эта местность имела действительно свою важность как единственное месторождение самородной серы высокого качества в России...» [24, с. 30]. Безусловно деятельность Самарского завода сыграла важную роль в развитии порохового производства в первой половине XVIII в. Приведенные Н. Е. Бранденбургом данные на 1713 г. о добыче 695 пудов (11,4 т) кусковой и плавленной серы относятся именно к деятельности завода на Самарской Луке [1, с. 317]. На нем с 1710 по 1714 г. были заняты в производстве 313 пленных шведов. Очевидно, они являлись наиболее квалифицированной рабочей силой на предприятии. Кроме шведов на заводе тру-

дילים 9 русских мастеровых, 40 рабочих из самарских ясашных людей и 20 дворцовых крестьян Самарского уезда [1, с. 317—318].

Таким образом, Петру I удалось наладить в регионе крупное производство компонентов для изготовления пороха и одновременно создать условия для начального освоения южной лесостепи Заволжья.

Список источников и литературы

1. *Бранденбург Н. Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ Артиллерии (1701—1720). СПб., 1876.

2. *Лукьянов П. М.* Краткая история химической промышленности СССР. М., 1959.

3. *Белов С. Г., Коришнуова О. Н.* Пороховое производство в Казанском крае: к истории формирования химической промышленности на территории Татарстана (вторая половина XVI — первая половина XVIII вв.) // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, №9.

4. *Абдуллин Х. М.* Болгарский селитряный завод по историческим, архивным и картографическим материалам // Поволжская археология. 2017. №4 (22).

5. *Полное собрание законов Российской империи.* Собр. 1.

6. *Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году* (Переписные книги Приказа Казанского Дворца) / под ред. П. Мартынова. Симбирск, 1902.

7. *Сборник* выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2.

8. *Кистенёв В. В.* Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье в первой четверти XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009.

9. *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.

10. *Ураносов А. А.* К истории составления Книги Большому Чертежу // Вопросы истории естествознания и техники. 1957. №4.

11. *Книга* Большому Чертежу. М. ; Л., 1950.

12. *Лукьянов П. М.* История химических промыслов и химической промышленности России : в 6 т. Т. 2. М. ; Л., 1949.

13. *Мурсков В.В., Куликов В.Б.* Открытая Петром Первым Сергиевская земля: страницы истории. Самара, 2018.
14. *Дубман Э.Л.* Южное Средневожье в планах и деятельности Петра I // Вестник архивиста. 2013. № 3.
15. *Ведомости* 1703 г. // Ведомости времени Петра Великого. Вып. 1: 1703—1707 гг. В память двухсотлетия первой русской газеты. М., 1903.
16. *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара, 2015.
17. *Дубман Э.Л.* Земляная крепость в Самаре и другие оборонительные сооружения региона в конце XVII — начале XVIII в. // Самарский край в истории России : матер. межрегион. науч. конф. Самара, 2015. Вып. 5.
18. *Российский* государственный архив древних актов.
19. *Российский* государственный военно-исторический архив.
20. *Дубман Э.Л., Малинкин Е.М.* «В вышеписанных низовых городах конных и пеших ратных людей по списком...». Смета ратных сил Понизовых городов 1704 г. // Исторический архив. 2012. № 5.
21. *Мустафина Д.А.* «Умилосердись, государь мой...». (К вопросу о пространственных рамках башкирского восстания 1705—1711 гг. и превентивных мерах по недопущению его распространения) // Гасырлар авазы. 2013. № 3—4.
22. *Севергин В.Н.* Начертание технологии минерального царства : в 2 т. Т. 1. СПб., 1821.
23. *Лукьянов П.М.* Краткая история химической промышленности СССР. М., 1959.
24. *Винер Б.И.* О месторождениях серы в России. СПб., 1870.

**Феминизм и развитие
женского сельскохозяйственного образования
в России (вторая половина XIX — начало XX века)**

Анализируется история развития женского сельскохозяйственного образования в Российской империи в конце XIX — начале XX в. Показаны формы профессионального сельскохозяйственного образования в контексте общественной активности в интересах женщин России. Особое внимание уделено истории Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию.

The article analyzes the history of the development of women's agricultural education in the Russian Empire at the end of the XIX — beginning of the XX century. The forms of professional agricultural education in the context of social activity in the interests of women in Russia are shown. Special attention is paid to the history of the Society for the Promotion of Women's Agricultural Education.

Ключевые слова: Российская империя, женское сельскохозяйственное образование, феминизм, высшие женские сельскохозяйственные курсы

Keywords: Russian Empire, women's agricultural education, feminism, higher women's agricultural courses

Идеология феминизма уходит корнями в эпоху Просвещения и идеи Великой французской революции. Современные исследователи насчитывают несколько исторических волн в

развитии этого общественного движения. Важно отметить, что понимание целей и трактовка лозунгов феминизма как женского движения за равноправие женщин всегда имели национальное разнообразие, созвучное состоянию конкретного общества.

XIX столетие в Западной Европе и США — время активного феминистского движения, в ходе которого сформировалось два основных направления борьбы женщин и мужчин за интересы женщин в условиях активного становления индустриального общества, формирования национальных государств и демократических идеалов в связи с развитием либеральных политических идей и партий. Сама логика развития феминистского движения постепенно объединяла усилия общества и государства в сфере интересов женщин. Для развитых стран Европы были характерны лозунги борьбы как за политические и гражданские права женщин, связанные с избирательными и имущественными правами, так и за возможности женщин иметь социальные условия для экономической самостоятельности. Последнее рассматривалось через требование расширения женского профессионального образования. Термин «профессиональное образование» появился в 1863 г. во Франции, его употребил в циркуляре об преобразовании среднего образования министр народного просвещения Дюбуи. Профессиональное образование должно было готовить людей для деятельности в промышленности, торговле и земледелии. Необходимость развития профобразования, наряду с классическим, обуславливалась активным развитием европейской промышленности и торговли, что, в свою очередь, расширяло рынок труда.

В истории западноевропейского профессионального образования профессиональная подготовка женщин для работы в сельском хозяйстве не была исключением, она сводилась в основном к традиционным школам домоводства. К концу XIX в. особенно много таких заведений появилось в Германии. Они устраивались сельскохозяйственными обществами, частными

лицами, фабриками, монастырями или при имениях. Большое участие в распространении сельскохозяйственных знаний среди женщин принимали мужские сельскохозяйственные школы (предоставляли свои помещения, направляли свой педагогический персонал). В 1883 г. первая сельскохозяйственная школа домоводства появилась в Австрии. Подобные учебные учреждения возникли в Швейцарии и Франции. В Румынии на средства крупного частного капитала был создан институт сельского хозяйства и домоводства. В США женщины изначально принимались наравне с мужчинами в сельскохозяйственные колледжи [1, с. 213—335].

Специального высшего сельскохозяйственного образования для женщин в Западной Европе не существовало. Сам процесс развития сельскохозяйственного образования на континенте в течение XIX в. привел к появлению высших сельскохозяйственных учебных заведений, где обучались юноши в статусе студента, слушателя и вольнослушателя. К концу XIX в. сформировалось три национальных центра высшего сельскохозяйственного образования: Парижский агрономический институт, Берлинская сельскохозяйственная школа и Венская высшая агрономическая школа. Сложились национальные системы сельскохозяйственного обучения [2, с. 306—307]. Важно отметить, что уже с конца XVIII в. учебные курсы и кафедры агрономии существовали в классических университетах, а во второй половине XIX в. при университетах возникали сельскохозяйственные институты [3, S. 549—553].

В России центром высшего аграрного образования стала Петровская сельскохозяйственная и лесная академия, открытие которой в 1865 г. было обусловлено резко изменившимися после 1861 г. социальными, экономическими и бытовыми условиями сельского хозяйства империи без крепостного права. Однако по самому либеральному в стране университетскому уставу 1863 г. женщины в России не имели права получать высшее образование. Петровская академия заняла передовую

для того времени позицию по этому вопросу. Уже в 1869 г. Совет академии принял решение ходатайствовать о приеме женщин в академию, считая, что занятие сельским хозяйством «наиболее соответствует призванию женщин». Предложение не получило поддержки министерства государственных имуществ. Но важнее другое: именно в среде преподавателей Петровской академии формировалась идеология развития в российских реалиях специального женского сельскохозяйственного образования. Самый яркий пример этого — позиция и деятельность профессора И. А. Стебута.

В России женское движение стало развиваться позже европейского, но тесно взаимодействуя с ним и восприняв многие его идеи. Особенность российского феминизма — акцент на борьбе за социальные права женщин и допуск их в различные сферы деятельности. Во второй половине XIX в. создаются женские благотворительные общества и конторы по найму, развиваются формы частных образовательных учреждений ремесленного типа для женщин — профессиональные (рукодельные) школы, училища. Первое в истории России высшее женское учебное заведение — Московские высшие женские курсы, открытые в 1872 г., — имело историко-филологическую направленность. Сфера обучения женщин постепенно расширялась, со временем появились физико-математическое отделение и медицинский факультет. В 1878 г. в Санкт-Петербурге открылись Бестужевские курсы. Хозяйственная и административная части были поручены учредителям курсов. Ответственное звание «распорядительниц на курсах» взяли на себя активные участницы российского женского движения — Н. В. Стасова и О. А. Мордвинова. За время существования до 1918 г. курсы окончили (с разным статусом) около 7 тыс. женщин. В основном они стали школьными учительницами.

На фоне развития мужских сельскохозяйственных школ в России появились женские отделения в Едимоновской (Тверская губерния) и Уткинской (Костромская губерния) школах.

В 1888 г. была учреждена первая низшая практическая (ремесленного типа) женская школа сельского хозяйства и домоводства. Зозулинскую школу в Киевской губернии основала М. Н. Мариуца-Гринёва. В 1889 г. в Ковенской губернии баронесса А. И. Будберг открыла Панемунскую школу. При поступлении в школы к ученицам предъявлялись ограниченные требования, их обучали в течение двух лет домоводству, молочному хозяйству, животноводству, пчеловодству, садоводству, гигиене и уходу за больными, счетоводству и рукоделию. Средние заведения аграрного типа для женщин существовали в проектах Министерства земледелия и отдельных энтузиастов, среди которых были и женщины — владелицы имений.

В конце XIX в. в империи стал развиваться формат временных сельскохозяйственных курсов или чтений для женщин при учебных заведениях.

Ключевую роль в структурировании российской модели женского сельскохозяйственного образования сыграло принятое правительством 26 мая 1904 г. Положение о сельскохозяйственном образовании. Регулирующий государственный документ обобщил, систематизировал и юридически закрепил опыт строительства сельскохозяйственных учебных заведений, который был связан и с деятельностью представителей феминистского движения. С этого момента можно говорить о системе женского сельскохозяйственного образования всех степеней.

К концу XIX в. в империи по официальной информации женское сельскохозяйственное образование получило развитие главным образом благодаря деятельности «Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию» (ОСЖСХО) и «Общества содействия образованию и деятельности женщин по садоводству и огородничеству». Общества были созданы женщинами-дворянками, увлеченными феминистскими идеями. Почин в создании Общества по садоводству и огородничеству принадлежал княгине М. А. Урусовой — члену Международного женского Союза садоводства Англии.

ОСЖСХО, учрежденное в Петербурге в апреле 1899 г. по инициативе И. А. Стебута, известного российского ученого-агронома, человека с большим педагогическим опытом и убежденного сторонника женского высшего образования, развернуло работу по организации временных женских курсов [4, с. 4, 8, 15]. В совет ОСЖСХО вошли активные участницы российского феминистского движения Н. П. Долгова, Е. П. Мушкетова, Е. М. Гада, Л. К. Белокопытова. Членами Общества стали барон А. И. Будберг и М. А. Урусова, почетным председателем — принцесса Е. М. Ольденбургская, принадлежавшая к Мекленбургской ветви императорской семьи Романовых. С Обществом сотрудничали преподаватели Петровской академии, Петербургского университета, Лесного института и других образовательных учреждений. Членами Общества были владельцы имений центральных губерний, чиновники империи, представители земледельческих училищ и женских гимназий, а также Петербургское и Полтавское собрания сельского хозяйства [5, с. 3—4].

В сентябре 1904 г. ОСЖСХО торжественно открыло частные женские сельскохозяйственные курсы в Петербурге, которые в 1907 г. получили права высшего учебного заведения. Через 4 года высшие женские сельскохозяйственные курсы открылись в Москве. Учреждены они были меценаткой княгиней С. К. Голицыной. Устроители Стебутовских курсов с гордостью подчеркивали, что это учебное заведение — первое высшее сельскохозяйственное заведение для женщин не только в России, но и в Европе.

В 1904 г. на Стебутовских курсах состоялся первый набор курсисток — 65 слушательниц. В 1915 г. было подано 1100 прошений, принято на первый курс 390 слушательниц. До Первой мировой войны Стебутовские курсы окончили 514 чел., но государственный диплом агронома получили всего 33 выпускницы, сдавшие особые экзамены в испытательной комиссии.

Становление и развитие высших женских курсов проходило по одному сценарию. Государство утверждало Положение

о курсах, формировался бюджет с государственной субсидией, создавались попечительский и педагогический советы. Стебутовские сельскохозяйственные курсы находились в ведении Главного управления землеустройства и земледелия. Вначале им выделялось от государства 5 тыс. руб. в год, затем 25 тыс. и даже 40 тыс. Но эти средства были очень скромными, поэтому слушательницы оплачивали свое образование в размере 100 руб. за год. Большая ли это сумма? Сравните: до начала Первой мировой войны на летней практике в Новгородской губернии стебутовки, оплачивая свое питание, отдавали за обед в среднем 22 коп. (стакан молока стоил 2 коп.).

К учебному процессу на высших женских учебных курсах предъявлялись высокие требования. В его организации использовался опыт сельскохозяйственных учебных заведений России начиная с Горы-Горецкого земледельческого института (1848—1864). Связь теории и практики как основа образования и элементарная исследовательская работа стали базовыми принципами структурирования учебных планов. Признанный авторитет движения за женское образование И. А. Стебут особо ратовал за воспитание будущих специалистов как носителей глубоких нравственных начал в труде и социальной жизни деревни. Он подчеркивал роль образованной женщины как жены сельского хозяина и специалиста, обладающего сельскохозяйственными знаниями [6].

На курсы, как стебутовские, так и голицынские, пришли преподаватели, среди которых были ученые, известные во многих европейских странах. Под их руководством слушательницы ставили опыты в вегетационных домиках (теплицах), на опытных полях, проходили практику в частных и казенных имениях империи.

В России к 1914 г. сложилась четкая структура женского сельскохозяйственного образования: высшие курсы, низшие сельскохозяйственные школы I и II разрядов, практические школы. Женщины получили доступ к сельскохозяйственным знаниям на базе не только 36 женских школ и курсов, но и

16 учебных заведений для совместного обучения лиц обоего пола. Разнообразие учреждений, дававших женщинам сельскохозяйственные знания и навыки, можно объяснить тем, что учредителям приходилось иметь дело с весьма разнообразными потребностями жизни и различными условиями распространения специальных знаний. Сведения по сельскому хозяйству и домоводству были необходимы для женщин-хозяек всех классов сельского населения, условия же для их приобретения были различными.

Интересно наблюдение историка А.В. Третьякова о том, что важным показателем развития низшего сельскохозяйственного образования «в гендерном отношении являлась деятельность властно-общественных структур по обеспечению учебных заведений надлежащим контингентом руководящих и инженерно-педагогических кадров. В соответствии с государственным законодательством попечителями женских сельскохозяйственных школ по желанию становились их учредители. Практика показывает, что там, где учредителями были мужчины, попечителями становились женщины, находившиеся с ними в различной степени родства. К примеру, Ю.Ю. Бехтли учредил в собственном имении Ждановскую женскую школу молочного хозяйства, попечителем которой стала Е.Ю. Бехтли, управляющим был назначен И.И. Погосский. Интересен опыт Сходненской школы садоводства и огородничества. Школу учредил П.М. Савицкий, сделав попечителем М.М. Савицкую, а сам учредитель стал заместителем попечителя школы» [7, с. 6].

Эмансипация женщин в России посредством получения ими специального сельскохозяйственного образования проявлялась в том, что они не только получили доступ к профессиональному образованию, но и могли, преодолевая общественные стереотипы, реализовывать свои профессиональные знания и навыки в ином, нередко более высоком статусе. Их заработок в общих цифрах колебался от 900 руб. до 2400 руб. в год [4, с. 15].

Как показывает статистика, слушатели практически всех сельскохозяйственных курсов, с дипломами и без, только прослушавшие полный курс без окончательных испытаний, находили работу по специальности [8, с. 281—283]. Первые в России женщины-агрономы, выпускницы Стебутовских курсов, развернули активную деятельность в земствах, встав в ряды земских агрономов, почвоведов, кооператоров, инструкторов, лаборантов химических, почвенных и агрономических лабораторий, преподавательниц и заведующих низшими сельскохозяйственными школами, специалистов на опытных и других научных станциях, и, наконец, они же участвовали в научных экспедициях Переселенческого управления [9, с. 289—294]. Некоторые выпускницы курсов вели собственное хозяйство. Но чаще выпускницы помогали управлять хозяину различными частями имения (садоводство, молочное хозяйство, скотоводство, счетоводство). Сельскохозяйственные сведения, приобретенные женщинами в низшей сельскохозяйственной школе, имели еще более узкое применение, главным образом они работали надсмотрщицами, ключницами, конторщицами, садовницами, молочницами и т. д. Примечательно и то, что многие выпускницы курсов писали о результатах своей деятельности в роли помощниц в хозяйствах своих родителей. Как правило, им не доверяли серьезной работы. В лучшем случае они удовлетворялись «небольшим птичьим двором» или огородом, занимались скотоводством, молочным хозяйством, пчеловодством.

Несколько примеров практического применения сельскохозяйственных знаний женщинами приводит в своей работе Н. П. Долгова [10]. Так г-жа Аверкиева, занимаясь несколько лет птицеводством, скопила «себе под старость» капитал в 25 тыс. руб. Другая женщина занималась пчеловодством, одновременно работая специалистом в земстве. Она устроила на артельных началах образцовую пасеку, которая давала до 40% чистого дохода, а позже учредила школу, при которой прово-

дила консультации для местного населения, чем способствовала улучшению состояния пчеловодства, составляющего выгодный побочный промысел.

В целом до Первой мировой войны в России стало развиваться женское сельскохозяйственное образование разного уровня. Содержание образовательного процесса и его формы тесно переплетались с общественными настроениями феминистского толка. Вопросами аграрного образования занималась созданная в 1907 г. Всероссийская лига за равноправие женщин. Женщины все активнее участвовали в российском общественно-политическом движении, что показали два российских женских съезда (в 1908 и 1912 гг.), наметившие феминистскую концепцию агрономического образования женщин. Формировалось новое поколение женщин, которые уже как специалисты связывали свою жизнь с сельским хозяйством. Новые экономические реалии и развитие женского самосознания стали источником активности определенной части женщин в России в начале XX в.

Список источников и литературы

1. *Сборник* сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. 1 : Женское образование. СПб., 1898.
2. *Мецкерский И. И.* Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей. СПб., 1893.
3. *Schmitt G.* Agrarstudium und Agrarforschung im Wandel der Zeiten // *Berichte über Landwirtschaft*. Berlin, 1969. Bd. 47, H. 3.
4. *Справочник* по женскому сельскохозяйственному образованию. СПб., 1912.
5. *Отчет* Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию в Санкт-Петербурге. СПб., 1908.
6. *Стебут И. А.* Нуждается ли русская интеллигентная женщина в специальном сельскохозяйственном образовании. СПб., 1891.
7. *Третьяков А. В.* Гендерный аспект в развитии низшего сельскохозяйственного образования в России в конце XIX — начале XX века // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2019. № 2 (50).

8. *Сахарова-Вавилова Е. Н.* Бюро по регистрации женского агрономического труда при обществе взаимопомощи Русских агрономов в Москве. Современное участие женщин в русской агрономии // Труды Первого Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного Российской лигой равноправия женщин в Санкт-Петербурге. СПб., 1914. Т. 1.

9. *Долмачева Е. А.* Деятельность женщин-агрономов в земстве // Труды Первого Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного Российской лигой равноправия женщин в Санкт-Петербурге. СПб., 1914. Т. 1.

10. *Долгова Н. П.* Роль женщины в сельском хозяйстве. СПб., 1902.

П. С. Кабытов, Е. П. Барина

А. Н. Брянчанинов: от либерала к консерватору

На основе комплекса документальных источников и научной литературы воссоздана семейная история А. Н. Брянчанинова, представителя дворянского рода Брянчаниновых. Анализируются участие представителей рода в войнах и их служба в органах государственной власти и местном самоуправлении, а также общественная деятельность. В центре внимания находится биография А. Н. Брянчанинова. Установлены основные направления его деятельности. Осуществлена реконструкция политических взглядов и общественной позиции, которые сформировались у псковского дворянина в ходе работы съездов уполномоченных губернских обществ. Показана эволюция его политических взглядов.

The article on the basis of a set of documentary sources and scientific literature recreated the family history of A. N. Bryanchaninov, a representative of the noble family Bryanchaninov. The participation of representatives of the clan in wars and their service in state authorities and local self-government, as well as social activities are analyzed. The center of attention is the biography of A. N. Bryanchaninov. The main directions of his activities have been established. The reconstruction of political views and the public position that were formed by the Pskov nobleman during the work of congresses of authorized provincial societies was carried out. The evolution of his political views is shown.

Ключевые слова: Российская империя, российское дворянство, род Брянчаниновых, А. Н. Брянчанинов, съезды объединенного дворянства

Keywords: Russian Empire, Russian nobility, Bryanchaninov clan, A. N. Bryanchaninov, congresses of united nobility

Александр Николаевичу Брянчанинову посвящено несколько скупых строчек в биографических словарях. Псковский искусствовед Ю. А. Селиверстов в 2010 г. в рамках проекта «Именья родовые» опубликовал цикл из 15 статей, посвященных дворянским усадьбам губернии. Среди них есть статья об имении Старые Липы и перипетиях жизни его последнего владельца — А. Н. Брянчанинова [1]. Имя его также упоминается в ряде работ, посвященных деятельности партии прогрессистов в Псковской губернии [2, с. 133—136; 3, с. 48—56].

Генеалогическое древо и роспись дворянского рода Брянчаниновых представлены в ряде книг [4; 5; 6, с. 92—93; 7]. Некоторые сведения о жизни и деятельности Александра Николаевича приведены исследовательницей рода О. И. Шафрановой [8]. Генеалогия и судьбы представителей этого дворянского рода в эмиграции прослежены в статьях Л. Д. Соколовой [9; 10, с. 34—55].

А. Н. Брянчанинов принадлежал к старинному дворянскому роду Брянчаниновых, по легенде ведущему свое происхождение от оруженосца великого князя Дмитрия Донского боярина Михаила Бренника (Бренко). Представители рода служили государству как на военной, так и на гражданской службе. Некоторые из них занимались литературным творчеством, в том числе известный православный подвижник XIX в. — Дмитрий Александрович Брянчанинов — святитель Игнатий, настоятель Троице-Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом, епископ Кавказский и Черноморский.

А. Н. Брянчанинов родился в семье Николая Семёновича и Натальи Владимировны Брянчаниновых. Карьера его отца была достаточно успешной. После окончания Вологодской гим-

назии Николай Семёнович в 1862 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, однако курса не закончил. В 1867 г. был зачислен на военную службу юнкером в кавалергардский полк, а уже через год его произвели в корнеты. В 1871 г. он стал членом полкового суда, в 1874 г. его назначили чиновником особых поручений при начальнике Главного штаба. Н. С. Брянчанинов участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., осуществлял эвакуацию в Россию через Румынию больных и раненых русских воинов [11]. В 1885 г. он вышел в отставку в чине генерал-майора и поступил на гражданскую службу по линии Министерства внутренних дел.

Весьма удачно складывалась его карьера и на гражданской службе. В 1886 г. он был избран на должность Великолукского уездного предводителя дворянства. Н. С. Брянчанинов являлся попечителем ряда учебных заведений города, оказывал им материальную помощь в приобретении оборудования, учебной литературы, музыкальных инструментов. В 1890 г. был назначен псковским вице-губернатором. С 16 февраля 1893 г. до 27 августа 1904 г. занимал должность рязанского губернатора. На этом посту проявил себя эффективным администратором, принимал активное участие в благоустройстве города, борьбе с голодом и эпидемией холеры. В губернию были привлечены значительные финансовые инвестиции, им были инициированы строительство железной дороги на Спас-Клепики и организация государственной торговли лесом [12].

В 1904 г. Н. С. Брянчанинов был назначен сенатором, а 1 января 1913 г. он получает чин действительного тайного советника. Он также вошел в состав Совета по делам местного хозяйства МВД, являлся почетным мировым судьей Великолукского и Островского уездов Псковской губернии, был членом ряда попечительских советов различных образовательных учреждений.

В 1873 г. Николай Семёнович женился на Наталье Владимировне Алексеевой (1849—1880), дочери помещиков Псков-

ской губернии Владимира Григорьевича и Марии Ивановны Алексеевых, и получил в качестве приданого невесты поместье Гора в Великолукском уезде Псковской губернии. Помимо этого имения Н. С. Брянчанинов владел поместьями в Великолукском, Островском и Холмском уездах Псковской губернии, а также частью родового имения Брянчаниновых в с. Покровское Грязовецкого уезда Вологодской губернии. В семье родилось два сына, Александр и Владимир, и дочь Мария. К сожалению Н. В. Брянчанинова скоропостижно скончалась и маленькие дети остались на попечении отца и бабушки М. И. Алексеевой.

Служебная карьера Н. С. Брянчанинова, та атмосфера, которая его окружала, способствовали получению его детьми блестящего образования и воспитания. Александр Николаевич, по-видимому, был человеком увлекающимся. Он несколько лет учился в Санкт-Петербургском университете, потом поступил на военную службу. В 1895—1897 гг. служил офицером гвардейской конноартиллерийской бригады. Переписка его с историком, чиновником Земского отдела МВД, заведующим общим архивом Министерства императорского двора Анатолием Викторовичем Половцовым позволяет реконструировать его карьеру и выделить увлечения. Летом 1897 г. он находился в Лондоне, а затем в 1898 г. переехал в Париж, где очень короткое время занимал пост атташе российского посольства. В Российском государственном историческом архиве сохранилось свидетельство о награждении А. Н. Брянчанинова орденом Почетного легиона [13, ф. 1102, оп. 1, д. 616]. В письме А. В. Половцову от 15 апреля 1899 г. он сообщал: «Я ныне страшно занят своим сочинением по русской историографии, которого 17-ю часть собираюсь представить в виде диссертации». Кроме того, он занимался музыкой, «которая меня все больше и больше захватывает (удалось составить у себя квартет, разбираем Шумана, Моцарта, Бородина)... Делаю все, что могу здесь для русских артистов — познакомился, подружился с Брандуковым. Идея — показать русскую

оперу и балет» [14]. В 1900 г. он возвращается в Санкт-Петербург, начинает заниматься литературной, публицистической и общественной деятельностью.

Н. С. Брянчанинову не нравились политические взгляды и деятельность его старшего сына, однако лишить его наследства он не мог. Александр, также как его брат и отец, был наследником владений Алексеевых в соответствии с завещанием своей бабушки М. И. Алексеевой [13, ф. 1102, оп. 1. д. 617, л. 19—24]. Именно поэтому по семейному разделу родовое имение Покровское ему не досталось. Начиная с 1902 г. Александр Николаевич начинает комплексное благоустройство имения Гора, которое переименовывает в Старые Липы. Время строительства дворца в усадьбе является предметом спора краеведов и колеблется от первой трети до конца XIX в. Скорее всего, он был построен титулярным советником В. Г. Алексеевым — дедом А. Н. Брянчанинова. Дворец имел около 120 комнат, каждая из которых совершенно не походила на другие. Они получили названия по преобладающему в них стилю: египетская, русская, французская, греческая, белая, красная, китайская, зеркальная и т. д. Широкая мраморная лестница с двумя бронзовыми львами по краям вела на второй этаж. Несколько залов было отведено под библиотеку, насчитывавшую свыше 4 тыс. томов, и картинную галерею с ценными полотнами русских и иностранных мастеров. В 1909 г. к дворцу были пристроены две железобетонные башни высотой 35 м с колоннами и смотровыми площадками, откуда открывался живописный вид на окрестности. Ряд исследователей полагает, что башни имели смысловую нагрузку и являются масонской символикой [1], поскольку А. Н. Брянчанинов был «убежденным и деятельным масоном» [15, с. 630].

Дворец стоял среди красивейшего парка, занимавшего 35 га. Усадьбу опоясывали три пруда, создавая иллюзию ее островного расположения. На северном пруду находился купальный павильон и лодочная станция. Невдалеке от дворца располагалась стеклянная оранжерея, в которой выращивались цветы, привезенные из Европы.

В поместье было организовано передовое многоотраслевое хозяйство. Площадь имения составляла 1019 дес. земли, часть земли сдавалась в аренду крестьянам, на другой части был введен 8-польный севооборот, велось молочное хозяйство, садоводство, промышленное пчеловодство.

А. Н. Брянчанинов активно занимался земской деятельностью и журналистикой. Он избирался почетным волостным судьей, гласным земского собрания Псковского уезда, гласным Великолукского земского собрания, членом губернского экономического совета, попечителем Михайловской школы. В с. Михайлов Погост рядом со Старыми Липами на его средства был построен дом для народных развлечений. Для местного населения была открыта библиотека, ежегодно выделялись средства для начальной школы.

С 15 сентября 1906 г. он работал чиновником для особых поручений при Департаменте железнодорожных дел Министерства финансов в звании камер-юнкера, а затем надворного советника. Однако в основном он занимался политической, литературной и издательской деятельностью, в частности издавал журналы «Новое звено», «Церковно-общественный вестник», сочинения П. Д. Успенского «Кинемодрама» и других авторов [13, ф. 1102, оп. 1, д. 617]. Двадцать восьмого сентября 1906 г. он женился на Марии Константиновне Кудашевой (урожд. княжне Горчаковой) (1871—1924).

Крайне непоследовательным был А. Н. Брянчанинов в своих политических убеждениях. Так, В. И. Гурко характеризовал его как «честолюбивого политикана, не сумевшего приспособиться ни к какому определенному политическому течению» [16, с. 282]. Весьма неллицеприятный отзыв о Брянчанинове оставил С. Ю. Витте: «...крайне беспокойный, всюду суется, не без способностей, но весьма неосновательный и легкомысленный» [17, с. 155]. Судя по всему, он был очень честолюбивым человеком, по-видимому, мечтал стать политиком. Каковы же были его политические убеждения? Попытаемся их ре-

конструировать на основе анализа его выступлений с трибуны съездов объединенного дворянства и изданных им публицистических работ.

Политическая активность А. Н. Брянчанинова возросла в годы первой российской революции. Он принимал активное участие в общественно-политической жизни Псковской губернии, был увлечен либеральными идеями, что нашло яркое выражение в его деятельности как гласного псковского губернского земства. Поскольку Брянчанинов был сотрудником газеты «Речь», в ряде источников приводятся сведения о принадлежности его к Союзу земцев-конституционалистов, а затем к партии кадетов. Однако большинство исследователей считают его октябристом [18, с. 104; 19, с. 86].

Брянчанинов участвовал в работе подготовительной комиссии для организации I съезда уполномоченных от дворянских обществ. В прениях по аграрному вопросу призывал участников съезда «признать неотложную важность аграрного вопроса, необходимость идти навстречу крестьянскому мало-земелью, не останавливаясь перед принудительным отчуждением там, где будет доказана в том государственная необходимость». Однако тут же отмечал, что подобные меры возможны только после «детального объективного фактического исследования вопроса на местах» и осуществления компенсации владельцу земли [20, с. 68, 83]. Отметив падение престижа дворянской корпорации в политической жизни государства, он составил проект адреса Николаю II, в котором предложил «добровольно отказаться от тех политических преимуществ, которые предоставлены законом» дворянству. Брянчанинов призывал участников съезда заявить, что дворянство является сторонником политических реформ, и предлагал встать «на конституционную точку зрения». Но его идеи не были поддержаны правым большинством членов съезда [20, с. 112—113, 120, 125—126, 142—143].

После роспуска I Государственной думы А. Н. Брянчанинов издал брошюру, в которой дал оценку ее деятельности и

причин роспуска. Негативно оценивая роспуск думы, он отмечал, что «при таких условиях дума не могла получиться другой, чем она оказалась: однобокой, неправильно и односторонне отражающей настроение русского народа». Он раскритиковал кадетов за издание Выборгского воззвания, назвав его «преступной глупостью» кадетов, за которую им должно быть стыдно [21, с. 57]. В своем следующем обширном труде он пытался охарактеризовать специфику политической ситуации в Российской империи в 1906—1907 гг., крайне негативно высказываясь в адрес государственной бюрократической машины [22]. Эта книга представляет собой своего рода справочник, в котором дана оценка деятельности правительства, а также общественных настроений и программ политических партий накануне выборов во II Государственную думу. В него включены законодательные документы и проекты законов и реформ, приведены примеры репрессивных мер правительства П. А. Столыпина, а также даны краткие характеристики программ основных политических партий.

На II съезде объединенного дворянства Брянчанинов, выступая по вопросу об изменении избирательного законодательства, предложил ходатайствовать перед императором о включении в избирательный закон образовательного ценза. По его мнению, «для проведения реформ нужен ум, подготовленный для быстрого решения», поэтому «нельзя избирать людей для государственной работы с образованием ниже среднего». Также он предлагал ввести принцип пропорционального представительства. Однако его идеи вновь не были поддержаны участниками съезда [20, с. 201—206, 213—215].

На III съезде А. Н. Брянчанинов выступал фактически на каждом заседании, иногда несколько раз и очень подробно, задавал вопросы, полемизировал по любому вопросу. Его фамилия встречается на каждой странице: либо выступал он сам, либо возражали ему. Он последовательно отстаивал взгляды октябристской партии, но свою партийную принадлежность не афишировал — более того, всячески подчеркивал свою связь с

дворянской корпорацией, отмечая, что он «принадлежит к либеральному течению русской мысли», которое представлено на дворянских съездах «в подавляющем меньшинстве» [20, с. 586, 675]. Независимая позиция Брянчанинова вызывала раздражение и неприятие участниками съездов его идей и суждений.

На IV съезде объединенного дворянства Брянчанинов продолжил последовательно отстаивать либеральную платформу: выступал по вопросам о представительстве дворянства в Государственном совете, о волостном суде, реформе местного управления, необходимости улучшения взаимоотношений дворянства и крестьянства.

Последний раз он участвовал в заседаниях V съезда уполномоченных дворянских обществ (17—23 февраля 1909 г.) при обсуждении доклада В. И. Гурко о насущных экономических задачах, стоявших перед сословием. На съезде предлагались конкретные меры для подъема экономического благосостояния страны, и в частности сельского хозяйства. А. Н. Брянчанинов пытался доказать консервативному большинству съезда, что без правовых изменений, вне решения политических вопросов, экономические проблемы решить невозможно. Он предложил работать над возрождением страны всем обществом без различия на сословия и классы. «Вне развития на почве всесословности никакого спасения — ни политического состояния России, ни экономического — быть не может», — доказывал он [23, с. 150—152].

Свои политические взгляды сам Брянчанинов формулировал следующим образом: «Величие России, неразрывно связанное с гегемонией России в славянстве» [24]. Несмотря на его стремление стать депутатом Государственной думы, ни в один из ее составов он избран не был. Псковский губернатор барон Н. Н. Медем в письме министру внутренних дел А. А. Макарову 16 февраля 1912 г., оценивая политическую обстановку в губернии, упоминает также «финансовую роль» в подготовке избирательной компании А. Н. Брянчанинова, «всемерно стремящегося с самого основания Государственной думы в

депутаты и агитирующего в этом смысле как среди землевладельцев Опочецкого и Новоржевского уездов, так отчасти и в г. Пскове, где им с этой целью приобретена недвижимость» [2, с. 134].

С началом Первой мировой войны Брянчанинов проповедует идею «народного, а не придворного монархизма», которая должна восторжествовать после победы в войне [25, с. 4]. Эту же идею он озвучил и на конфиденциальной встрече с французским послом 13 августа 1915 г., восхваляя «те чудодейственные явления возрождения», которые, по его мнению, сулило «всенародное восстание». Он считал виновником всех бед России придворное окружение царя, которое предлагал сослать «в отдаленные места Сибири» [26, с. 338].

В годы Первой мировой войны Брянчанинов стал размещать свой капитал в иностранных банках, за что, по воспоминаниям родственников, был неоднократно обвинен в отсутствии патриотизма. Однако подобная практика позволила ему впоследствии безбедно жить в эмиграции.

В ряде источников указывается, что А. Н. Брянчанинов уехал в Англию, где его семья проживала с 1916 г., в конце 1917 г. По воспоминаниям дочери А. Н. Брянчанинова Татьяны (1907—?), семья выехала из России 21 апреля 1917 г., а отец присоединился к ним в 1919 г.

Имение Старые Липы разделило судьбу множества других дворянских усадеб. Все находившиеся в нем ценности были национализированы, частично вывезены, частично разграблены. В начале 1920-х гг. во дворце размещался дом отдыха для больных рабочих и красноармейцев. Имеются непроверенные сведения о создании в Старых Липах в годы Гражданской войны крупного контрреволюционного центра, о котором упоминает А. И. Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ». Однако постепенно усадьба пришла в запустение, в 1924 г. было принято решение о нецелесообразности ее сохранения и почти все постройки в Старых Липах были разобраны на кир-

пич для строительства. В настоящее время сохранились только построенные им железобетонные башни, а также часть парка и хозяйственные постройки, в которых размещается женский психоневрологический интернат. Существуют также фотографии имения, сделанные в начале XX в. учителем труда Михайловской школы фотографом В. И. Козловым.

Последние годы своей жизни А. Н. Брянчанинов жил в пансионате для престарелых, где и умер в 1960 г.

В ходе изучения биографии А. Н. Брянчанинова установлено, что его деятельность как помещика-хозяина была успешной, а псковское имение представляло собой многоотраслевое хозяйство. Но и здесь сохранялись рудименты старых отношений — сдача земли крестьянам в аренду. Что касается общественно-политической деятельности, то она ярко свидетельствует о его крайней непоследовательности в политических взглядах.

Список источников и литературы

1. *Селиверстов Ю.* Милость и возмездие // Псковская губерния. 2010. 22—28 декабря. № 50 (521). URL: https://gubernia.media/number_521/05.php (дата обращения: 24.02.2021).

2. *Петров С. Г.* Прогрессисты Псковской губернии накануне и во время Первой мировой войны // Псков. 2007. № 26.

3. *Петров С. Г.* Граф П. А. Гейден и общественно-политическая жизнь Псковской губернии (1906—1907 гг.) // Псков. 2008. № 28.

4. *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические опыты. Киев, 1915.

5. *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии Ярославского дворянства : в 2 т. Ярославль, 1913.

6. *Соколова Л. Д.* Вологодско-ярославские дворяне Брянчаниновы: К вопросу о составлении генеалогического древа // «Минувших дней связующая нить...»: V Тихомировские чтения. Ярославль, 1995.

7. *Вологодские дворяне Брянчаниновы: историко-краеведческий сборник статей / сост. Н. Н. Фарутина.* Вологда, 2000.

8. *Шафранова О. И.* Предки, современники, потомки: К истории рода святителя Игнатия Брянчанинова // Игнатий (Брянчанинов). Бу-

дущее России в руках Божественного Промысла: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому: К истории рода Брянчаниновых. М., 1988. URL: http://www.booksite.ru/usadba_new/brenko/3_02.htm (дата обращения: 24.02.2021).

9. *Соколова Л.Д.* Иностранные потомки дворян Брянчаниновых // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 1999. Вып. 5. URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/brenko/3_33.htm (дата обращения: 24.02.2021).

10. *Соколова Л.Д.* Родословие дворян Брянчаниновых // Городок на Московской дороге. Вологда, 1993. URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/brenko/3_05.htm (дата обращения: 24.02.2021).

11. *Сборник биографий кавалергардов 1826—1908* / под ред. С. А. Панчулидзева. СПб., 1908.

12. *История рязанской власти: руководители Рязанского края, 1778—2008* / под ред. П. В. Акульшина. Рязань, 2008.

13. *Российский государственный исторический архив.*

14. *Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова.* М., 2006. Т. 3. С. 597—598. URL: <https://litlife.club/books/122078/read?page=135> (дата обращения: 20.02.2021).

15. *Оккультные силы России: Тайная война от Ивана Грозного до Николая II.* СПб., 1998.

16. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

17. *Из архива С.Ю. Витте: воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки* : в 2 т. СПб., 2003. Т. 2 : Рукописные заметки.

18. *Егоров А.Н.* Выборгское воззвание 1906 г. в отечественной историографии // Вопросы истории. 2008. № 8.

19. *Петров С.Г.* Общественно-политическая жизнь Псковской губернии и местная пресса после выборов в I Государственную Думу (май — август 1906 г.) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования : сб. науч. ст. СПб., 2008.

20. *Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906—1916 гг.* : в 3 т. М., 2001. Т. 1.

21. *Брянчанинов А.Н.* Роспуск Государственной думы: причины — последствия: с приложением официальных документов. Псков, 1906.

22. *Брянчанинов А. Н.* Междодумье. Вып. 1. Сборник материалов для характеристики политического положения перед созывом второй Думы. СПб., 1907. URL: <https://litportal.ru/avtory/a-bryanchaninov/kniga-mezhdodume-vypusk-1-sbornik-materialov-dlya-harakteristiki-politicheskogo-polozheniya-pered-sozyvom--1084149.html> (дата обращения: 20.02.2021).

23. *Объединенное дворянство.* Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906—1916 гг. : в 3 т. М., 2001. Т. 2, кн. 1.

24. *Хронос.* URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/bryanchaninov_an.html (дата обращения: 20.02.2021).

25. *Новое звено.* 1914. № 33. 9 авг.

26. *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003.

В. Н. Никулин

**Законодательство об управлении
сибирскими крестьянами
во второй половине XIX — начале XX века**

Рассмотрено законодательство царского правительства в сфере управления сибирским земледельческим населением в пореформенный период. Отмечена специфика и выделены этапы административных преобразований в сибирской деревне.

The article considers the legislation of the Tsarist government in the field of managing the Siberian agricultural population in the post-reform period, notes the specifics, and highlights the stages of administrative transformations in the Siberian village.

Ключевые слова: Сибирь, крестьяне, законодательство, реформы, чиновники по крестьянским делам, сельское управление, волостное управление

Keywords: Siberia, peasants, legislation, reforms, officials on peasant affairs, rural administration, volost administration

Отмена крепостного права в России положила начало распространению на сибирских крестьян целого ряда новых законов. Значительная часть их была нацелена на усиление власти над сибирской деревней, что полностью соответствовало политическому курсу правительства в отношении крестьянства. В то же время законодательство для Сибири имело существенные отличия по сравнению с законодательными актами в

отношении крестьян центральных губерний империи. Это различие определялось спецификой края: положением Сибири как колонии, сохранением генерал-губернаторского правления, отсутствием поместного дворянства как социальной опоры власти в крае и более слабым по сравнению с центром страны развитием социальных антагонизмов в деревне. Поэтому часть законов, принятых в отношении крестьян Европейской России, на сибирские губернии и области не была распространена либо распространилась, но с существенными изъятиями.

В законодательстве самодержавия и практике управления сибирскими крестьянами можно выделить два временных этапа: 1861—1882 гг. и 1883—1917 гг. Первый этап характеризуется распространением принципов положений 19 февраля 1861 г. на основные категории сибирского крестьянства: крепостных, приписных крестьян и мастеровых Алтая и Забайкалья, государственных крестьян. Это полностью соответствовало цели самодержавия, которая заключалась в нивелировании всех категорий крестьянства России и подчинении сельского населения универсальным правительственным органам. В отношении сибирских крестьян эти меры проводились с учетом местных особенностей. Для крепостных и приписных крестьян рубежом стал 1861 год, а для государственных крестьян — 1879—1882 годы. В этот период были приняты дополнительные правила о крепостных крестьянах и дворовых людях в Сибири (19 февраля 1861 г.) [1, с. 392—395] и закон 8 марта 1861 г. о горнозаводском населении казенных горных заводов [2, с. 438—450], распространенный на кабинетских крестьян [3, с. 437—438]. Семнадцатого декабря 1862 г. Александром II был подписан Закон о горнозаводском населении Алтайских и Нерчинских заводов [4, с. 503—517]. С 21 ноября 1879 г. началось реформирование системы самоуправления крестьян Западной Сибири [5, с. 258—259]. А 27 апреля 1882 г. император Александр III подписал закон, по которому новая система самоуправления была распространена на государственных крестьян Восточной Сибири [6, с. 175—176].

Второй этап связан с созданием специальных органов управления крестьянами в лице чиновников по крестьянским делам и крестьянских начальников. Доминантой этого этапа было значительное усиление вмешательства чиновников в экономическую и социальную жизнь сибирских крестьян.

Самодержавие, вынужденное пойти на отмену крепостного права в Европейской России, не могло не освободить и крепостных Сибири, хотя их было немного. Причина такого решения была четко сформулирована министром внутренних дел С. С. Ланским во время полемики с министром государственных имуществ и ярым крепостником М. Н. Муравьевым: «Помещичьи крестьяне в Сибири, находясь среди свободных людей в незначительном числе, видя, что даже ссыльно-поселенцы пользуются лучшею участью, чем они, замечая, что для них только одних недоступно беспрепятственное пользование общим изобилием местных удобств, в настоящее время едва сносят крепостную зависимость» [7, с. 129].

Накануне отмены крепостного права по X ревизии в Сибири имелось 36 помещиков, владевших населенными имениями, и 70 беспоместных дворян, имевших только дворовых людей. Всего в Сибири находилось чуть более 3700 крепостных мужчин и женщин, из которых 900 были дворовыми людьми. Основная масса крепостных была сосредоточена в Западной Сибири. В Восточной Сибири находилось только 2 помещика, которым принадлежали населенные имения в Красноярском округе Енисейской губернии. Владельцем первого имения был председатель губернского правления Родюков, а второе имение принадлежало коллежскому советнику Коновалову [8, ф. 1265, оп. 11, д. 125, л. 2—3; 7, с. 118, 130—131; 9, с. 236—237; 10, с. 597—598].

При введении «Дополнительных правил...» местная администрация основное внимание уделила устройству управления бывшими крепостными крестьянами и регулированию отношений между крестьянами и помещиками. Первая задача преобладала над второй. Ее решение требовало создания новой

системы управления, в то время как отношения между крестьянами и помещиками, фактически уже определенные, требовали только юридического оформления. Кроме того, у государственных органов присутствовал фискальный интерес, поскольку они были кровно заинтересованы в скорейшем административном устройстве бывших помещичьих крестьян для обложения их податями и повинностями.

Главными управлениями Западной и Восточной Сибири было принято решение не формировать специальных волостей из крестьян помещичьих имений, поскольку все они не имели определенного положением 19 февраля 1861 г. числа жителей, а всех бывших крепостных приписать к тем волостям государственных крестьян, в черте которых находились имения [8, ф. 1263, оп. 1, д. 3201, л. 301—302; ф. 1291, оп. 1, д. 100, л. 4—5; 11, ф. 3, оп. 3, св. 588, д. 4828, л. 618, 627]. Это решение и было проведено в жизнь [8, ф. 1281, оп. 6, д. 114, л. 12].

Обязанности мировых посредников были возложены на земских участковых заседателей. Окружной инстанцией — мировым съездом — стали особые присутствия в составе земского исправника, окружного стряпчего, казначея под председательством окружного судьи. Функции губернского по крестьянским делам присутствия, на тех же основаниях, что и для Европейской России, выполняли общие губернские присутствия.

Первоочередной задачей земских заседателей была организация общественного управления у бывших крепостных крестьян [11, ф. 3, оп. 3, св. 588, д. 4828, л. 620]. Земские заседатели под надзором особых присутствий создали в помещичьих имениях сельские общества и провели выборы должностных лиц сельского самоуправления. В имениях, где находилось не менее 100 крестьян, были избраны сельские старосты, а в малонаселенных — десятники, подчинявшиеся старостам ближайших к ним селений государственных крестьян. В целом создание органов самоуправления у бывших крепостных крестьян было завершено к концу 1861 г. [11, ф. 3, оп. 4,

св. 660, д. 6161, л. 15—16]. Таким образом, на крепостных крестьян Сибири не была распространена система управления, созданная в ходе реформы 1861 г. для крестьян европейских губерний России. Бывшие крепостные, причисленные к волостям государственных крестьян, были подчинены действовавшей в государственной деревне Сибири системе управления.

В отношении крестьянского населения Алтайского и Нерчинского горных округов (приписных крестьян и мастеров) был принят ряд законов, изменивших социально-правовой статус зависимого населения. Обстоятельством, с точки зрения правительства определившим необходимость проведения реформы на Алтае, было «сходство отношений крестьян Алтайского горного округа к Кабинету Императорского Величества с отношениями помещичьих крестьян к их владельцам» [11, ф. 3, оп. 6, св. 762, д. 9426, л. 118—119]. Одним из побудительных мотивов реформы было также опасение выступлений зависимого населения Алтайских горных заводов — Алтай и в феодальную эпоху был главной ареной борьбы сибирского крестьянства против Кабинета и властей [12, с. 116—126]. Немаловажное значение в проведении реформы имели соображения фискального характера: горнозаводское производство приходило в упадок и основные доходы Кабинет стал получать от эксплуатации земли и лесов.

Особенности правового положения и организации управления приписными крестьянами рассматривались Т.И. Агаповой, А.П. Бородавкиным, А.Н. Жеравиной, Г.П. Жидковым, А.Т. Топчием и другими историками [12—16]. В работах Г.П. Жидкова положение кабинетских приписных крестьян по совокупности сословных черт, правового, экономического положения и быта определено как промежуточное между крестьянами государственными и удельными [17, с. 211]. Социальное, правовое и экономическое положение горнорабочих было тяжелее, чем положение приписных крестьян.

Вопрос о преобразовании быта приписных крестьян обсуждался специальной подготовительной комиссией по пересмотру Горного устава, созданной при Министерстве финан-

сов. Итогом работы комиссии стал закон 8 марта 1861 г., распространённый на приписных крестьян, мастеровых Алтайского и горнозаводское население Нерчинского горных округов [8, ф. 1181, оп. 15, д. 5, л. 21]. Согласно закону, зависимому населению Алтая и Забайкалья были предоставлены права «свободных сельских обывателей личные, по имуществу и по состоянию», они освобождались от обязательных работ на Кабинет. Без изменений было оставлено управление крестьянами, что вызвало упорную борьбу между гражданской администрацией и Кабинетом. Стремясь и впредь извлекать доходы путем внеэкономического принуждения крестьян и мастеровых, Кабинет настаивал на сохранении управления кабинетской деревней в его руках. Сибирская администрация выступила против притязаний коронного ведомства и была поддержана Главным комитетом об устройстве сельского состояния, который признал невозможным оставление крестьян в ведении Кабинета [18, ф. 24, оп. 10, св. 1663, д. 179, л. 120—121, 126]. Это решение, как обычно, аргументировалось необходимостью заботы о крестьянском хозяйстве и благосостоянии земледельцев, хотя настоящие причины были иные. Власти боялись, что другое решение может вызвать волнения среди сельского населения.

Семнадцатого декабря 1862 г. Александром III был подписан указ, по которому приписные крестьяне и горнозаводское население кабинетских земель передавалось в ведение гражданской администрации; этим же указом было определено устройство крестьянского самоуправления [19, с. 503—517]. Горнозаводское население Алтайского горного округа сводилось в особые «горнозаводские общества» с подчинением органам гражданского управления [20, с. 531—532]. В 1864 г. управление приписными крестьянами было передано от земских заседателей мировым посредникам и губернской администрации [21, с. 72].

Создание новых органов самоуправления у бывших крепостных крестьян для западносибирской администрации не

представляло особой трудности — приписная деревня и прежде имела сельское и волостное управление. Иначе обстояло дело с мастеровыми, прежде не имевшими органов самоуправления. Особые затруднения у властей вызвало нежелание бывших горнорабочих приписаться к сельским или горнозаводским обществам. Чтобы поставить мастеровых под контроль правительственных учреждений и обложить их податями и повинностями, западносибирская администрация распределила всех мастеровых по крестьянским и горнозаводским обществам по спискам, составленным мировыми посредниками [8, ф. 1263, оп. 1, д. 3201, л. 303—304]. В 1865 г. из 25 147 мастеровых Алтайского горного округа 12 613 были приписаны к сельским обществам, а 12 534 — к горнозаводским селениям [11, ф. 3, оп. 5, св. 686, д. 7011, л. 134]. Реформа управления крестьянами на Алтае была проведена в короткий срок. В 1862 г. было создано 26 горнозаводских сельских обществ, объединенных в 12 волостей: Белоусовскую, Змеиногорскую, Зыряновскую, Егорьевскую, Колыванскую, Локтевскую, Николаевскую, Павловскую, Риддерскую, Салаирскую, Сузунскую, Томскую. В 39 волостях бывших приписных крестьян находилось 731 сельское общество. Во всех волостях проживало 163 385 чел. м.п. [11, ф. 3, оп. 4, св. 660, д. 6161, л. 18; 8, ф. 1265, оп. 12, д. 146, л. 96—97]. В 1861 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков писал в столицу, что содержание закона 8 марта «немедленно через особых командированных чиновников (Мордвинов, Расторгуев. — *В. Н.*) было объявлено горнозаводскому населению; вместе с тем было предписано местным заводским начальствам приступить к немедленному и точному исполнению помянутого положения» [8, ф. 1281, оп. 6, д. 112, л. 30].

Подготовку проекта «устройства быта освобожденных от обязательной заводской службы горнорабочих людей» М. С. Корсаков поручил Нерчинскому горному совету [8, ф. 1281, оп. 6, д. 112, л. 31]. В октябре — ноябре 1861 г. Совет

Главного управления Восточной Сибири рассмотрел предложение администрации Нерчинского горного округа об устройстве сельских обществ. Нерчинский горный совет полагал образовать из 36 селений 22 сельских общества, сведя их в 7 волостей: Александровскую, Газимурскую, Зерентуйскую, Казаковскую, Кутомарскую, Петровскую и Шилкинскую. Совет Главного управления признал целесообразным создать только 2 волости — Александровскую и Кутомарскую. Пойдя на такой шаг, иркутские власти вынуждены были учесть тяжелое материальное положение горнозаводского населения, которое вряд ли могло содержать органы крестьянского самоуправления в 7 волостях. Вместо Петровской и Шилкинской волостей было решено образовать отдельные сельские общества. Для руководства волостями Александровской, Кутомарской и Шилкинским отдельным сельским обществом Совет Главного управления учредил отдельное земское управление, а Петровское отдельное сельское общество подчинил Верхнеудинскому земскому суду [18, ф. 24, оп. 10, св. 1663, д. 179, л. 3, 127; 22, с. 47].

Комиссия по пересмотру Горного устава, рассматривая меры восточно-сибирской администрации по организации крестьянского населения Нерчинского горного округа, предложила создать в Шилкинском и Петровском заводах волостные управления, поскольку в заводах находилось без «достаточного» надзора от 1700 до 1900 проживавших там душ м. п. Совет Главного управления Восточной Сибири принял решение о создании в Шилкинском заводе волости 11 июня 1863 г. Год спустя была образована Петровская волость [18, ф. 24, оп. 10, св. 1663, д. 179, л. 133—134, 186—187, 303]. Устройство всех сельских обществ в Нерчинском горном округе было завершено к 20 июля 1862 г. [8, ф. 1281, оп. 6, д. 112, л. 32—33].

Пятого апреля 1864 г. волости Александровская, Дучарская (Кутомарская) и Шилкинская были выделены из Нерчинского округа и образовали Нерчинско-Заводской округ [23, с. 325—326; 24, с. 43]. Петровская волость была подчинена Нижнеудинскому земскому суду.

Развитие капиталистических отношений в центре страны и на окраинах — главный фактор, обусловивший решение самодержавия преобразовать систему управления государственными крестьянами Сибири. Падение крепостного права оказало огромное воздействие на рост переселения и распространение капитализма вширь — на сибирские окраины империи. Развитие капиталистических отношений в сибирской деревне сопровождалось растущим социальным разложением крестьянства и усилением борьбы земледельцев против феодально-крепостнических пережитков в землевладении и управлении [18, ф. 25, оп. 12, св. 216, д. 809, л. 91]. Подати и повинности, тяжелой ношей ложившиеся на плечи сибирских крестьян, увеличение числа бедняцких маломощных хозяйств сопровождалось падением платежеспособности населения и ростом его недоимочности, приобретающей хронический характер. В изменившихся условиях существовавшей системе управления становилось все труднее выполнять административные функции и эффективно защищать экономические интересы государства. Генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель вынужден был констатировать, что надзор за крестьянами «слабый, отсюда — произвольное пользование казенными землями и лесами. Все это не могло не отразиться вредно на аренду оброчных статей, а следовательно, и на сумму дохода казны с принадлежащего ей имущества» [18, ф. 3, оп. 5, св. 693, д. 7222, л. 1].

Перед правящей бюрократией встала задача поиска выхода из сложившейся ситуации. Особенно остро эта проблема стояла перед властями западносибирских губерний, где отмеченные процессы в силу близости к центру страны получили большее развитие, чем в Восточной Сибири. Выход был найден в распространении на государственных крестьян Сибири принципов положений 19 февраля 1861 г. По мысли сторонников этой идеи, принятые меры должны были усилить позиции власти во всех сферах социально-экономической жизни крестьян.

Десятого марта 1866 г. министр государственных имуществ А. А. Зеленой поставил перед генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири вопрос о возможности и условиях применения закона 18 января 1866 г. [25, с. 34—37; 8, ф. 1291, оп. 36, д. 172, л. 11—12; ф. 1263, оп. 1, д. 3290, л. 148; 18, ф. 24, оп. 10, св. 2120, д. 376, л. 10] к государственным крестьянам Сибири. Завязалась неспешная переписка между столичными инстанциями и носителями верховной власти в Сибири. Генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков представил в Министерство внутренних дел проект «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири» 29 июля 1877 г. Необходимость введения нового управления государственными крестьянами в подведомственном ему крае Казнаков аргументировал намерением установить более действенный контроль над органами крестьянского самоуправления, стимулировать их действия по сбору податей и выполнению крестьянами повинностей, а также наблюдению за порядком в деревнях. «Преобразование управления, — писал он, — позволит более правильно исполнять крестьянами казенных, земских и мирских повинностей». Проектом предусматривалась организация сельских и волостных обществ на принципах положений 19 февраля 1861 г. в деревнях и селах государственных крестьян Западной Сибири, за исключением малонаселенных Берёзовского, Сургутского и Нарымского округов. Становление крестьянского управления на «новых началах» должно было проходить «постепенно» и осуществляться под непосредственным контролем губернаторов и губернских советов. Организация и непосредственное наблюдение за сельскими и волостными правлениями, разбор жалоб на действия должностных лиц и наложение на них административных взысканий в пределах власти, предоставленной мировым посредникам и их съездам, предполагалось возложить на земских заседателей и окружные полицейские управления [11, ф. 3, оп. 5, св. 693, д. 7222, л. 58—68, 69—71].

Проект, подготовленный западносибирской администрацией, лег в основу законопроекта, подписанного 21 ноября 1879 г. императором Александром II [26, с. 258—259].

В качестве низшей административно-податной единицы юридически было оформлено сельское общество. Используя сельских должностных лиц, местные сибирские власти получили более широкие возможности для усиления своего влияния в крестьянской среде. Сельские и волостные выборные оказались в полной зависимости от земской полиции. Закон перенес на сибирских крестьян некоторые элементы вотчинной юрисдикции, предоставив право вотчинной полиции земским заседателям [27, с. 594]. Часть дел, ранее находившихся в ведении казенных палат, были переданы сельским и волостным обществам: определение и раскладка частных волостных сборов, содержание хлебозапасных магазинов. В отличие от губерний Европейской России, в Сибири право утверждения в должности волостных старшин было предоставлено не земским заседателям, выполнявшим функции мировых посредников, а губернаторам. Эта особенность закона — свидетельство того значения, которое придавала власть органам крестьянского самоуправления в Сибири в реализации политических и фискальных задач государства.

В конце 1879 г. Н. Г. Казнаков предписал томскому губернатору А. П. Супруненко и тобольскому губернатору В. А. Лысогорскому как можно скорее приступить к преобразованию управления государственными крестьянами. Тобольский губернский совет принял решение провести реформирование одновременно во всех округах, число волостей оставить прежним, начать с образцовых волостей, а затем перейти к волостям, управляемым по «Сибирскому учреждению» 1822 г. Непосредственное устройство сельских и волостных управлений было поручено земским заседателям. Четвертого июля 1881 г. этот же вопрос был рассмотрен Томским губернским советом [11, ф. 3, оп. 5, св. 693, д. 7222, л. 160—169, 274—280]. Западносибирская администрация держала процесс создания

органов крестьянского самоуправления и деятельность земских заседателей по надзору над крестьянскими выборными лицами под неослабным контролем [8, ф. 1263, оп. 1, д. 4330, л. 418—420]. В феврале 1882 г. генерал-губернатор Западной Сибири генерал-адъютант Г.В. Мещеринов информировал Министерство внутренних дел, что управление государственными крестьянами введено в Тобольской губернии с 1 октября 1881 г., а в Томской — с 15 ноября 1881 г. [8, ф. 1181, оп. 1, д. 126, л. 111; 11, ф. 3, оп. 5, св. 693, д. 7222, л. 376].

Вскоре после распространения на государственных крестьян Западной Сибири положений 19 февраля 1861 г. закон аналогичного содержания был разработан и принят в отношении государственных крестьян Восточной Сибири. Седьмого декабря 1879 г. министр внутренних дел Л.С. Маков потребовал от восточносибирского генерал-губернатора Д.Г. Анучина рассмотреть вопрос о применении закона 21 ноября 1879 г. к государственным крестьянам Восточной Сибири [18, ф. 25, оп. 12, св. 216, д. 809, л. 3—4]. Инициатива руководства Министерства внутренних дел встретила понимание и поддержку местной администрации: губернатор Енисейской губернии А.Д. Лохвицкий, губернатор Иркутской губернии К.Н. Шелашников и военный губернатор Забайкальской области И.К. Педашенко поддержали инициативу столичных чиновников и высказались за распространение закона 21 ноября 1879 г. на Восточную Сибирь [8, ф. 1181, оп. 1, д. 126, л. 13—14; ф. 1263, оп. 1, д. 3858, л. 314; д. 3351, л. 119—120; д. 4193, л. 605; 18, ф. 25, оп. 12, св. 216, д. 809, л. 124].

Двадцать второго марта 1881 г. генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Д.Г. Анучин представил в министерство проект реформирования управления государственными крестьянами, в основных положениях идентичный закону 21 ноября 1879 г. [8, ф. 1181, оп. 1, д. 126, л. 22—26; 18, ф. 25, оп. 12, св. 216, д. 809, л. 183—205; 28]. Двадцать седьмого апреля 1882 г. законопроект восточносибирской админи-

страции о преобразовании общественного управления государственных крестьян был утвержден императором Александром III [29, с. 175—176].

Двадцать пятого июля 1882 г. Д. Г. Анучин разослал губернаторам циркуляр с разъяснением порядка введения нового управления. Высказав опасение по поводу возможной «нежелательной» реакции государственных крестьян на реформу управления, он предложил «преобразование вводить постепенно» и начинать с округов губернских городов — «ибо при этом губернаторы могли бы лично наблюдать за ходом дела». В циркуляре было заявлено, чтобы в ходе реформирования органов самоуправления учитывались интересы сельского населения, а разделы волостей производились «не иначе, как с полного согласия крестьян» [18, ф. 25, оп. 25, св. 74, д. 238, л. 56; 30, с. 106—107]. О значении, которое придавали власти проводимой реформе управления крестьянами, свидетельствуют факты непосредственного участия губернаторов во встречах с сельскими жителями [18, ф. 25, оп. 12, св. 217, д. 812, л. 7].

На волостных сходах большинство крестьян решительно высказалось против новой системы управления и разделения волостей, понимая, что производимые изменения лягут дополнительной тяжестью на их хозяйства. Так, земледельцы Макаровской волости Киренского округа Иркутской губернии записали в приговоре, что распространение на них положения 19 февраля 1861 г. «мало изменит» существующий у них порядок, а разделение волости потребует «массы служб по общественным должностям и денежных расходов на возведение разных новых построек, их ремонтировку, на жалованье большому числу служащих лиц» [18, ф. 49, оп. 1, св. 50, д. 283, л. 105—106]. Такого же содержания приговоры были приняты крестьянами волостей Канского, Минусинского, Енисейского и Ачинского округов Енисейской губернии [18, ф. 25, оп. 12, св. 217, д. 812, л. 217]. Крестьяне высказали свою позицию по вопросу о разделе волостей. Тем не менее формирование но-

вых крестьянских органов управления сопровождалось интенсивным дроблением волостей. Властные правительственные органы практически проигнорировала мнение крестьян. Лишь декларируя заботу о крестьянстве, на практике сибирская администрация действовала в полном соответствии с политическими и фискальными интересами самодержавного государства. Иркутский губернский совет, рассматривая 17 декабря 1886 г. вопрос о разделе Тельминской и Уриковской волостей Иркутского округа, признал обе волости «слишком» крупными и поэтому нуждающимися в «бдительном и строгом надзоре». В результате вместо 2 волостей возникли 5 [18, ф. 25, оп. 12, св. 217, д. 811, л. 728, 731—732]. Двадцать седьмого декабря 1886 г. тот же совет при рассмотрении вопроса об административном устройстве крестьян Киренского округа пришел к заключению о необходимости деления большей части волостей «в видах надзора за порядком, спокойствием и правильностью хода дел» [18, ф. 25, оп. 12, св. 217, д. 811, л. 759].

В 1888 г. устройство управления крестьянами Восточной Сибири в основном было завершено. В Енисейской губернии вместо прежде существовавших 28 волостей было создано 34 волости и 2 отдельных сельских общества. 19 волостей и 2 отдельных сельских общества Иркутской губернии были преобразованы в 46 волостей. В Забайкальской области из 12 волостей Читинского, Баргузинского, Селенгинского и Верхнеудинского округов было образовано 38 волостей и 4 отдельных сельских общества (подсчет наш. — *В.Н.*) [18, ф. 25, оп. 12, св. 216, д. 809, л. 956; св. 217, д. 811, л. 658, 704—705, 731—732, 754—757, 773—774; д. 812, л. 143—144, 147—149, 217—222, 255—258, 360—361, 412—413; св. 209, д. 338, л. 75; 31, с. 6—7, 27—28; 32, с. 161—238].

Увеличение числа новых волостей в результате раздела старых вызвало значительный рост мирских расходов на содержание органов крестьянского самоуправления. По Тельминской волости Иркутского округа мирские расходы состав-

ляли 6230 руб., а после разделения ее на 2 волости расходы значительно возросли: по Билектуйской волости они составили 5280 руб. и по Мальтинской — 3906 руб., всего — 9186 руб. В Оёкской волости до ее разделения мирские расходы равнялись 5713 руб., после раздела расходы Оёкской волости составили 4317 руб. и Тугутуйской волости — 3210 руб., вместе — 7527 руб. [18, ф. 25, оп. 12, св. 217, д. 811, л. 416—419].

Проведение в жизнь реформы 1861 г. в отношении государственных крестьян Сибири вызвало критику на страницах местной прессы. «Новое вино влито в мехи старые», — писала «Сибирская газета». Газета «Восточное обозрение» в редакционной статье «Недуги крестьянского самоуправления в Сибири» отметила, что реформа крестьянского самоуправления не уничтожила «опеки над сельским населением со стороны полицейских чиновников». Газеты регулярно сообщали о недовольстве осуществляемыми мерами: «лучше не будет» — такова была реакция сибирских крестьян на реформу управления [33—38].

Реформы управления крестьянами Сибири 1860—1880-х гг. были проведены с целью укрепления власти над крестьянами местных административных органов и успешного выполнения фискальных задач. Применив принципы положений 19 февраля 1861 г. к крепостным, приписным и государственным крестьянам Сибири, правящая бюрократия преломила их через призму целого ряда законов, создав унифицированный, широко разветвленный аппарат внеэкономического принуждения. Административные реформы способствовали укреплению аппарата управления крестьянами в интересах самодержавного государства.

Список источников и литературы

1. *Дополнительные* правила о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости в Сибири // Полное собрание законов Российской Федерации (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 36. Отд. 1. №36672. СПб., 1863.

2. *Положение* о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства Финансов // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. Отд. 1. №36719. СПб., 1863.

3. *О даровании* облегчений и преимуществ горнозаводским людям ведомства Кабинета Его Императорского Величества // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. Отд. 1. №36717. СПб., 1863.

4. *Об устройстве* обществ и общественного управления горнозаводского населения казенных заводов и соляных промыслов ведомства Министерства Финансов, а также Алтайских и Нерчинских заводов, принадлежащих Кабинету Его Императорского Величества // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. Отд. 2. №39043. СПб., 1865.

5. *О преобразовании* общественного управления государственных крестьян Западной Сибири // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 2. №60210. СПб., 1881.

6. *О преобразовании* общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. №825. СПб., 1886.

7. *Михайлов К.П.* Крепостничество в Сибири. (Страницы из истории инородческой и крестьянской неволи) // Сибирский сборник. Кн. 1. СПб., 1886.

8. *Российский* государственный исторический архив.

9. *Усов Ф.Н.* Исторический очерк Западной Сибири в царствование императора Александра II // Памятная книжка Западной Сибири. 1882. Омск, 1882.

10. *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири: 1032—1882 гг. Иркутск, 1883.

11. *Исторический* архив Омской области.

12. *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973.

13. *Агапова Т.И.* Кабинетское хозяйство. 1747—1860-е гг.: опыт социально-экономического исследования : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967.

14. *Бородавкин А.П.* Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.

15. *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1774—1861 гг.). Томск, 2005.

16. *Топчий А.Т.* Крестьянские реформы в Сибири (1861—1899 гг.). Томск, 1979.

17. *Жидков Г.П.* Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформы (к вопросу о соотношении динамики фео-

дальной эксплуатации и производительных сил крестьянского хозяйства) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968. Вып. 3.

18. *Государственный архив Иркутской области.*

19. *Об устройстве обществ и общественного управления горнозаводского населения казенных заводов и соляных промыслов ведомства Министерства Финансов, а также Алтайских и Нерчинских заводов, принадлежащих Кабинету Его Императорского Величества* // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. Отд. 2. №39043. СПб., 1865.

20. *Положения о сельском состоянии (Особое приложение к тому IX законов о состояниях).* СПб., 1876.

21. *Зобнин Н. М.* Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник. Вып. 1. Томск, 1894.

22. *Кубалов Б. Г., Коваль С. Ф.* К вопросу о раскрепощении труда в Восточной Сибири // Сибирь периода капитализма. Вып. 1 : Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск, 1964.

23. *О разграничении Нерчинского Округа Забайкальской области Восточной Сибири по случаю образования отдельного земского управления для заведывания освобожденными горнозаводскими людьми сего округа* // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. Отд. 1. №40760. СПб., 1867.

24. *Указатель изменений в распределении административных единиц и границ Империи с 1860 по 1887 гг.* Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 19. СПб., 1887.

25. *О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений* // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. Отд. 1. №42899. СПб., 1868.

26. *О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири* // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 2. №60210. СПб., 1881.

27. *Матханова Н. П.* Земский исправник // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1.

28. *Восточное обозрение.* 1882. №3 (15 апр.).

29. *О преобразовании общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири* // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. №825. СПб., 1886.

30. *Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью.* Иркутск, 1883. Т. 6, вып. 1.

31. *Обзор* Иркутской губернии за 1888 г. Иркутск, 1889.
32. *Сборник* главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 4, вып. 2.
33. *Сибирская газета*. 1887. № 14 (5 апр.).
34. *Сибирская газета*. 1888. № 1 (3 янв.).
35. *Сибирь*. 1882. № 41 (10 окт.).
36. *Восточное обозрение*. 1882. № 35 (25 нояб.).
37. *Восточное обозрение*. 1883. № 14 (7 апр.).
38. *Восточное обозрение*. 1885. № 29 (18 июля).

М. Д. Карпачёв

Неземледельческие промыслы в жизни крестьянства Воронежской губернии на рубеже XIX—XX веков

Анализ экономического положения крестьянских хозяйств Воронежской губернии в конце XIX — начале XX в. показывает, что рост их финансовых задолженностей побуждал к поиску неземледельческих промыслов. Натурально-потребительская экономика крестьянских общин все более интенсивно вытеснялась рыночной при переходе крестьян к промыслам. Необходимость в радикальном реформировании крестьянских хозяйств в начале XX в. стала неизбежной и необходимой.

The article analyzes the economic level of the peasantry and financial situation of the Voronezh region at the beginning of the 20th Century. The local sources showed that the tax burden was not crucial for the economic capacities of the peasantry. The article describes the role of the peasant commune as the regulator of peasant business and non-agricultural activities. The radical agrarian reform became to be inevitable. The growth of financial debts was the direct result of low effectiveness of the Russian villages.

Ключевые слова: крестьянство, Воронежская губерния, промыслы, повинности, община, аграрное реформирование, начало XX в.

Keywords: peasantry, Voronezh region, non-agricultural activities, commune, the agrarian reform, the beginning of the 20th century

На рубеже XIX—XX вв. аграрная экономика Воронежской губернии определенно заходила в тупик. В начале 1890-х гг. правительство вынуждено было создать особую комиссию по организации помощи голодающим крестьянам Черноземья и принять чрезвычайные меры по подвозу продовольствия. Но в те же 1890-е гг. в случае обильных урожаев в губернаторских отчетах звучала тревога совсем иного рода: на выращивание и уборку хлебов крестьяне тратили огромные усилия, между тем избыток зерна вел к сильному падению цены на него. Продажа зерна в такие годы не могла окупить трудовых и материальных затрат на его производство. Так было, например, в 1897 г., когда губернатор В. З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса [1, с. 312].

При этом некоторые аналитики отмечали, что крестьянское оскудение не следует понимать упрощенно. Трудности, связанные с дефицитом земельных ресурсов (а точнее, с возросшей плотностью населения), крестьянство стремилось преодолеть разными путями. Очень медленно, но все же увеличивалась эффективность сельскохозяйственного труда. Среднегодовые сборы хлебов имели тенденцию к повышению. Возрастали общие размеры пашни. И все же сельскохозяйственное производство не успевало за ростом материальных потребностей крестьянского населения. Официальная и земская статистика дружно свидетельствовали, что урожайность зерновых культур у воронежских крестьян-общинников оставалась на очень низком уровне, в среднем около 50—60 пудов с десятины (то есть 7—8 ц с га). «Несмотря на лучшую в мире почву, — констатировал воронежский исследователь Ф. К. Рындин, — низкая сельскохозяйственная культура не прокармливает 50 человек на квадратной версте (Бельгия на версте кормит 250 человек), а слабо развитая промышленность не может занять свободных от земледелия рук и гонит их из дома на сторону искать заработка» [2, с. 57].

К рубежу XIX—XX вв. натурально-потребительский тип хозяйства все более теснился рыночным. В таком соревновании земледелие явно проигрывало. Откровенно слабая эффективность земледельческого труда становилась все более очевидной. По подсчетам статистического отделения губернской земской управы, доходность десятины пашни упала до катастрофически низких величин. Земские статистики, главой которых на протяжении 20 лет был признанный мастер своего дела Ф. А. Щербина, информировали в 1895 г. управу, что средний размер долгосрочной аренды 1 дес. земли в губернии равнялся 4 руб. 45 коп. Поскольку долгосрочная аренда падает на все виды угодий и учитывает хозяйственные риски, постольку она близко выражает собой чистую доходность земли. При этом «чистая доходность земель по Воронежской губернии, при лучших условиях, составляет лишь 21,2% долга, лежащего на землях, а ежегодное погашение долгов и платежей поглощает около 67,4% этой доходности, т. е. из каждых 4 р. 45 коп. на долю владельца и хозяйства остается 1 р. 45 коп., а на погашение идет 3 рубля» [3, ф. 20, оп. 1, д. 2232, л. 146].

Еще хуже было положение в крестьянских общинных хозяйствах. За пореформенные десятилетия общая задолженность крестьянских хозяйств по платежам достигла огромной суммы в 22,5 млн руб., или почти по 71 руб. на двор. «У частных владельцев, — с горечью констатировали земцы, — за покрытием задолженности и платежей остается по 1 р. 45 коп. с десятины, у крестьян же не только не оказывается никаких остатков, а образуется даже дефицит в 5 р. 54 коп. на десятину» [3, ф. 20, оп. 1, д. 2232, л. 148].

О бездоходности крестьянских посевов с тревогой говорили многие специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX в. средние урожаи с крестьянские наделов не превышали 50 пудов с десятины, а за вычетом посевного зерна чистый урожай составлял всего около 40 пудов. Подсчеты показывали, что затраты составляли не менее 75 коп. на пуд, а продажная цена (около 1 руб. за пуд) едва их покрывала [4, с. 8].

Все эти удручающие цифры убедительно свидетельствовали о том, что до подлинно рыночных отношений в сельскохозяйственном секторе было еще очень далеко. Впрочем, крестьянская общинная экономика никогда и не была рыночной. Основная цель крестьянского земледелия заключалась в обеспечении семьи необходимым продовольственным минимумом. Поэтому-то крестьяне стремились к сохранению цены на хлеб на возможно низком уровне. Для абсолютного большинства из них хлеб не являлся источником получения прибыли, он был жизненно необходим, так сказать, в натуральном виде. Невзирая на затраты, крестьянин-общинник стремился обеспечить семью всем необходимым и выходил на рынок лишь вследствие вынужденных обстоятельств, причем в качестве не только продавца, но и покупателя. Подчеркивая, что дешевый хлеб крестьяне считали благом, земские статистики тут же отмечали, что потребности населения в Воронежской губернии «оказываются крайне неразвитыми, ограниченными и примитивными». Средние расходы на душу в крестьянском хозяйстве в начале XX в. составляли 53 руб. 5 коп. в год, причем на удовлетворение личных потребностей расходовалось 25 руб. 70 коп., а на удовлетворение хозяйственных нужд — 27 руб. 35 коп., то есть в сутки на личное потребление тратилось всего 7 коп. [3, ф. 20, оп. 1, д. 2233, л. 152]. По размерам душевого дохода средний воронежский крестьянин в 7 раз уступал душевому доходу англичанина, в 6,5 раз — доходу француза и почти в 6 раз — доходу жителя Германии [2, с. 66]. Приходится признать, что рассуждения легальных народников конца XIX в. об отсутствии капиталистического рынка в русской деревне не были лишены оснований.

Но деньги все же крестьянам были нужны. Прежде всего требовалось платить налоги — казенные, земские и мирские, покупать промышленные товары. И чем более разнообразным становилось предложение города, тем большую остроту приобретала потребность в деньгах. И крестьяне знали способы их получения. Податной инспектор Воронежского уезда в 1896 г.

отмечал: «Если спросить толкового крестьянина о его натуральном и денежном бюджете, о том, с чего он кормится и откуда уплачивает разные “подати”, ответ будет почти всегда один: сам кормлюсь, семью и скот кормлю с земли, “подати” отбиваю, скотину продавши или какую работу сделавши» [5, с. 34].

Рост прямых и косвенных налогов был, несомненно, важным стимулом для поиска крестьянством дополнительных денежных доходов. В 1900 г. сумма прямых налогов крестьян Воронежской губернии достигла 7 млн руб. [6, с. 143]. Если учесть, что количество дворов воронежских крестьян превысило 350 тыс., то средняя сумма прямых налогов составляла примерно 20 руб. на двор. Цифра вроде бы небольшая даже по отношению к скромному годовому денежному доходу среднего крестьянского двора (около 10%), но если учитывать натурально-потребительский, а не рыночный характер крестьянского производства, то налоговое бремя выглядело нелегким. Тяжесть его усугублялась большими недоимками, сумма которых превысила в начале XX в. 10 млн руб. При малой доходности земледелия выручить воронежских крестьян могли только промыслы и отчасти животноводство.

С течением времени шансы на увеличение прибыльности земледелия становились в Воронежской губернии все более призрачными. Быстрое сокращение душевого земельного обеспечения для многих крестьянских хозяйств оборачивалось нараставшим оскудением. Но отнюдь не всегда. Ответы на вызовы времени могли быть разными. Часть крестьян попросту беднела. Но было немало и тех, кто начинал усиленно искать выходы из создавшегося положения. Поскольку земледелие в регионе становилось занятием малоприбыльным, наиболее энергичные крестьяне начинали вести активную промысловую деятельность. К концу XIX в. стало очевидно, что материальное благополучие не связано непременно с количеством имевшейся в распоряжении двора земли. Это наглядно проявилось в положении так называемых дарственников, то есть крестьян, принявших после отмены крепостного права бесплатный, но

уменьшенный вчетверо душевой надел. По распространенному мнению, положение таких крестьян должно было стать просто бедственным. Однако еще Ф.А. Щербина разглядел, что в Острогжском уезде многие дарственники ведут полнокровное хозяйство, а их жизненный уровень ничуть не ниже, чем у многоземельных крестьян бывшей государственной деревни [7, с. 240]. Современная исследовательница О.Н. Бурдина также приводит данные о том, что в Воронежской и Курской губерниях основные хозяйственные показатели дарственников оказались лучшими, чем у многих крестьян со средними душевыми наделами [8, с. 104].

За счет чего же крестьяне покрывали недостаток земельного ресурса? Прежде всего, конечно, за счет занятия неземледельческими промыслами. По данным статистиков Воронежского губернского земства В.И. Бузина и Н.П. Гвоздева, из 100 чел. крестьянского населения губернии 80 чел. занимались исключительно хлебопашеством, 13 чел., занимаясь хлебопашеством, в то же время прирабатывают на стороне, нанимаясь в большинстве случаев на сельскохозяйственные работы, и 7 чел. «занимаются исключительно промыслами, как то ремесленными, кустарными, наймом на фабрики, заводы, в прислуги и т. п.» [9, с. 19].

Ощутимый избыток трудоспособного населения был зафиксирован в начале XX в. Согласно Своду статистических материалов, подготовленному канцелярией Комитета министров, работников, «которые оказываются лишними при обработке наибольшей площади посевов», в Воронежской губернии насчитывалось 105 271, и «40 284 работников совсем не причастных к земледелию». По данным, собранным правительственной комиссией, исследовавшей в конце XIX в. положение сельского населения Центрального Черноземья, уровень относительной избыточности рабочей силы в регионе превысил 60 % [5, с. 24].

Этот резерв «лишних» рабочих рук как раз и прилагался к промысловой деятельности. Неразвитость же торгово-промыш-

ленной жизни толкала большинство свободных от земледелия тружеников к отходу из губернии. Воронежских крестьян можно было встретить на заработках в Донской области, на Северном Кавказе, на шахтах Донбасса, во многих городах Центральной России. Если в 1898 г. на отхожие заработки из губернии ушло примерно 130 тыс. чел., то в 1901 г. — уже свыше 160 тыс. [10, с. 73]. В среднем по губернии в отхожих промыслах участвовало почти 10,5% всего мужского населения [10, с. 75]. В уездах с более высокой плотностью населения (например, в Задонском) доля отходников была еще выше.

Многие из промыслов оказывались гораздо более доходными, чем земледелие. Впрочем, иначе при возраставшем аграрном перенаселении быть не могло. Пока земледелие оставалось основным занятием громадного большинства сельских тружеников, оно не могло быть прибыльным делом. Напротив, промыслы оказывались с этой точки зрения куда более перспективными, особенно если произведенная в неземледельческой сфере продукция находила устойчивый спрос. Для примера можно указать на производство сапог крестьянами слободы Бутурлиновки. К концу 1870-х гг. в этой слободе проживало уже почти 20 тыс. чел., шили они в год от 800 тыс., до 1 млн пар сапог. Цена одной пары колебалась от 2 до 3,5 руб. Семья, в которой постоянно работали мастер с помощником, зарабатывала в год примерно 250 руб. [11, с. 75]. Очевидно, что трудовые затраты пахаря, получающего чистый доход в 3—4 руб. с десятины, и мастера, получающего те же деньги с пошива пары сапог, просто несопоставимы.

Наблюдатели, впрочем, отмечали, что при слабой экономике губернии наиболее прибыльными занятиями были ростовщические и торговые операции, но не производство. Видный общественный деятель В. А. Перелешин писал в начале XX в.: «Нажива и рост кулачского капитала держатся главным образом на торговых операциях и вообще на так называемых процессах первоначального накопления капитала». Самые высокие доходы получали те промышленники, «которые имеют отношение к этой темной области наживы на счет

народного производства и крестьянского труда» [12, с. 17]. По подсчетам земских специалистов, торгово-посреднической деятельностью занимались всего 5,48% всех крестьян, занятых в неземледельческих промыслах, а сумма их заработков составляла 22,7% доходов, полученных от такого рода занятий [12, с. 16].

Неземледельческий заработок становился для крестьян едва ли не единственным выходом из возраставших экономических затруднений. Причем избыток трудоспособного населения в губернии толкал все большее число работников к поиску работы за ее пределами. К отходу на заработки из губернии побуждала крестьян и общая неразвитость рыночных отношений в крае. Низкая покупательная способность населения затрудняла развитие местной промысловой деятельности. Поэтому все более значительные массы работоспособного населения прибегали к отходу. Наиболее доступным и понятным для местного крестьянства был, естественно, отход сельскохозяйственный. Тем более что возможностей для успешного отхода к концу XIX в. становилось все больше: сказывалось интенсивное хозяйственное освоение степных просторов Области Войска Донского, Кубани, Новороссийского края. Ф. А. Щербина подчеркивал, что до начала 1890-х гг. в отхожие промыслы регулярно уходило от 65 до 80 тыс. крестьян. В голодные же годы (1891 и 1892) «количество уходящих в отхожие промыслы рабочих удваивается» [13, с. 31]. В последующие годы масштабы и хозяйственное значение отхожих промыслов продолжали возрастать. Об этом свидетельствовали материалы, собранные земскими статистиками, дважды обследовавшими состояние отхожих промыслов в губернии — в 1897 и в 1911 гг. Например, в Воронежском уезде число ушедших на заработки (извоз, строительство, личные услуги и т. п.) выросло более чем в 2 раза (с 5260 до 12 622 чел.) [14, с. 23].

Точные цифры ушедших на заработки крестьян установить сложно. Тем не менее красноречивые сведения есть о динамике выдачи паспортов отходникам. Если в 1861—1870 гг. в

Воронежской губернии было выдано 243,1 тыс. паспортов, или в среднем за год по 24 тыс., то в последнее десятилетие века их было выдано более 2,1 млн, то есть почти в 10 раз больше [15, с. 222—223]. Такой стремительный рост мобильности населения имел далеко идущие последствия. В деревню приходили деньги, причем во все возрастающем количестве. Это, в свою очередь, разрушало натуральный характер общинной экономики, развивало духовные и материальные запросы крестьянства, подрывало традиции сельского коллективизма. Ведь на отхожих промыслах крестьяне зарабатывали деньги для себя, в сущности, по индивидуальным контрактам. Побывавшие в отхожих промыслах крестьяне отличались от массы общинников. Они уже не признавали господства обычного права. Находясь длительное время за пределами своей деревни, отходники должны были регулировать свои отношения с работодателями на основе общегражданских законов. Кругозор крестьян, побывавших на промыслах, заметно расширился, а их правосознание было выше, чем у малоподвижного большинства пахарей-общинников.

Развивались и кустарные местные промыслы. По сведениям 1897 г., в губернии числилось около 50 разных видов домашних промыслов, в которых было занято 39 тыс. душ. Их годовой заработок доходил до 3 млн руб. По сведениям экономического отдела губернского земства, к 1913 г. количество занятых домашними промыслами значительно выросло, а число дворов кустарей достигло 15 тыс. [16, с. 238—239].

Приходится констатировать, что в условиях аграрного перенаселения земледельческие занятия консервировали застой в экономике и в социальных отношениях черноземной деревни. Земля продолжала притягивать к себе основные массы трудоспособного населения, и именно это обстоятельство предопределило развитие депрессивных явлений в хозяйственной и социальной жизни этого богатого земельными ресурсами региона. На фоне развития промыслов земледелие становилось все менее привлекательным. К тому же полное господство

общины не допускало рациональной перестройки в сфере земледельческого производства. Изнурительная чересполосица, длинно- и дальноземелье, принудительный трехпольный севооборот начинали отталкивать все более значительные группы тружеников. На это обстоятельство обратил внимание известный соратник П. А. Столыпина датский специалист А. А. Кофод. Хозяйственная архаика общины, отмечал он, выталкивала из земледелия деятельную часть крестьянства. «Так, — писал Кофод, — на востоке, в астраханских, уральских и даже воронежских степях, в местностях арендного хозяйства, бывает, что крестьяне и казаки крупных сел и станиц, убедившись в невозможности успешного ведения хозяйства на разбросанных полосах, отдаленных от их местожительства иногда до десятка и более верст, отдают свои надельные земли в аренду участками или гуртом, сами иногда совершенно отказываясь от занятий сельским хозяйством» [17, с. 3]. Понятно, что в деревне были и те, кто по-прежнему дорожил землей и даже брал ее в аренду, невзирая на все рыночные невыгоды земледелия. Однако неудержимо росла прослойка и тех крестьян, над которыми пресловутая власть земли начинала терять свою силу. Материальные выгоды промыслов, их возроставшее многообразие все активнее нарушали патриархальный покой крестьянской жизни.

Развитие неземледельческих промыслов меняло отношение крестьян к земле. Более высокая доходность промыслов побуждала все более заметную часть домохозяев отказываться от наделов, размеры которых определяли величину государственных, земских и мирских налогов. Понятно, что такие отказы от наделов больше распространялись в районах с высокой промысловой активностью крестьян [18, с. 156]. Но и в черноземных губерниях накануне столыпинских реформ такие явления не были редкостью. Привычное деление крестьянских хозяйств на бедные, средние и богатые в зависимости от величины земельного надела теряло свою актуальность. Денежные доходы от промыслов безземельного крестьянина все чаще

позволяли покрыть возможные потери от недостатка земли. Разумеется, отчуждение крестьянства от наделной земли было явлением противоречивым, нередко болезненным. Господство общинных порядков мешало развитию свободного выбора хозяйственной деятельности. Воспетая Г.И. Успенским «власть земли» по-прежнему определяла атмосферу деревенской жизни. Расставание с земледелием тяжело травмировало духовный мир крестьянина.

Тем не менее неземледельческие промыслы играли все более существенную роль в жизни воронежского крестьянства, и, что очень важно отметить, роль модернизирующую. Благодаря промыслам происходили позитивные социальные сдвиги. Постепенно сокращалась избыточность аграрного населения, более современной становилась структура населения губернии. Менялась в лучшую сторону общая и правовая культура крестьянства. Значение промыслов возрастало и потому, что они позволяли с успехом компенсировать дефицит земли, толкая крестьян от косности и рутины натурально-потребительского земледелия к предприимчивости и развитию. Повышалась заинтересованность народа в грамотности и правовых знаниях — без них успешный отход был проблематичен.

Отход многому учил. Но он, конечно, нес не только позитивные перемены. Побывавшие в длительном отходе крестьяне несли с собой в деревню болезни, в том числе социальные. Нарушались привычные связи и традиции. Длительные отлучки наносили чувствительные удары по семейным отношениям. Меньше стало почтительности по отношению к старикам. За этими негативными сторонами промыслов стояли объективно необходимые изменения в крестьянской жизни. И не только в ней. Все более властным регулятором социальных отношений становились деньги. Земледелец-общинник имел весьма скромные потребности, определявшиеся натурально-замкнутым характером его хозяйства. А вот почувствовавшие вкус заработка крестьяне быстро расширяли круг своих запросов. Промыслы развивали вкус к доходам. Поэтому скоро обнару-

жилось, что промысел промыслу рознь. Большинство отходников добывали скромные заработки тяжелым трудом где-нибудь на шахтах Бахмутского уезда. Но формировался и слой преуспевающих «промышленников». Среди состоятельных крестьян (особенно из бывшей государственной деревни) появились владельцы внушительных мельниц стоимостью до 2 тыс. руб. А крестьянин слободы Бутурлиновки Бобровского уезда И. С. Баточкин сумел завести скорняжное и овчинное производство с годовым доходом до 25 тыс. руб. [5, с. 51].

Развитие крестьянских промыслов было социально-экономическим явлением переходного порядка. Оно свидетельствовало о начале очень болезненного, но исторически неизбежного процесса вывода из деревни значительных масс крестьянского населения, понижения его доли в составе российского общества. Причем наиболее восприимчивыми к новациям являлись многоземельные и безземельные крестьяне. Именно эти два полюса были склонны расстаться с традиционными формами земледелия. С них начинался чрезвычайно трудный, но исторически неизбежный процесс перехода от аграрного общества к обществу индустриальному.

Список источников и литературы

1. *Воронежские* губернаторы и вице-губернаторы. Воронеж, 1999.
2. *Рындин Ф.К.* Наш край. Опыт характеристики Воронежской губернии в историческом, естественно-историческом и экономическом отношениях. Воронеж, 1921.
3. *Государственный архив* Воронежской области.
4. *Вестник* Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 1.
5. *Перепелицын А.В.* Крестьянские промыслы в Центрально-Черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж, 2005.
6. *Шванебах П.Х.* Наше податное дело. СПб., 1903.
7. *Щербина Ф.А.* Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887.
8. *Бурдина О.Н.* Крестьяне-дарственники в России 1861—1907. М., 1996.

9. *Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году.* Воронеж, 1914.

10. *Тезяков Н. И.* Отхожие промыслы в Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1903 г. Воронеж, 1904.

11. *Скиада М. М.* Производство крестьянских сапогов в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1878—79 год. Воронеж, 1879.

12. *Перелешин В. А.* Кустарные промыслы в Воронежской губернии. Воронеж, 1902.

13. *Щербина Ф. А.* Рабочие силы крестьянского населения Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. Воронеж, 1896.

14. *Для крестьянина.* Сборник статей и сведений, полезных в деревенском обиходе. Воронеж, 1912.

15. *Материалы* Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1.

16. *Журналы* Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1913 г. Воронеж, 1913.

17. *Кофод А. А.* Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905. Т. 1.

18. *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России (1850—1880 гг.). М., 1978.

Распространение сельскохозяйственных знаний в Вологодской губернии в начале XX века

Рассматриваются некоторые формы распространения сельскохозяйственных знаний в Вологодской губернии в начале XX в. Представлено участие местных сельскохозяйственных обществ, земства и Вологодского общества сельского хозяйства в организации народных чтений и бесед по различным отраслям сельского хозяйства.

The article considers some forms of extension of agricultural knowledge in the Vologda province at the beginning of the twentieth century. The participation of local agricultural societies, the zemstvo and the Vologda Society of Agriculture in organizing public readings and conversations on various sectors of agriculture is presented.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственное образование, народные чтения, беседы, выставки, земства, сельскохозяйственные общества

Keywords: agriculture, agricultural education, folk readings, talks, exhibitions, zemstvos, agricultural societies

В конце XIX — начале XX в. в России деятели внешкольного образования стали обращать внимание на сельскохозяйственное обучение, распространение агрономических и ветеринарных знаний непосредственно среди крестьян — главных производителей сельскохозяйственной продукции. Данный

вопрос обсуждался теоретиками и практиками, земскими и общественными агрономами как до, так и во время столыпинских реформ в связи с проблемами модернизации аграрного сектора экономики, необходимостью повышения товарности крестьянских хозяйств и ростом конкуренции на мировом рынке. Считается, что «сельскохозяйственное образование позитивно сказалось на эволюции хозяйственной жизни крестьян, активизировало процесс формирования рыночной ментальности сельского населения» [1, с. 103].

Подготовка кадров для молочного хозяйства в Вологодской губернии начала XX в. представлена в коллективной монографии, посвященной столетию Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии им. Н.В. Верещагина [2]. Но некоторые вопросы сельскохозяйственного образования в Вологодской губернии нуждаются в дополнительном освещении. В данной статье рассмотрены устные формы распространения агрономических знаний (народные чтения, беседы).

Вологодская губерния на рубеже XIX—XX вв. по площади занимала второе после Архангельской губернии место в европейской части России (351,9 тыс. км²) [3]. В связи с особенностью географического положения территория Вологодской губернии отличалась широким разнообразием природно-климатических условий и, как следствие, хозяйственной деятельности населения. Наиболее благоприятными для земледелия являлись юго-западные уезды (Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский и примыкающий к ним Тотемский).

В Вологодской губернии, как и везде, развитие сельского хозяйства напрямую зависело от явлений, «обычных среди крестьянского населения», — косности, неграмотности, неумения «обращаться с печатным словом» [4, с. 169]. Известный русский экономист А.И. Чупров обращался к интеллигенции с призывом: «Все, что есть просвещенного и разумного на Руси, должно было бы соединиться для борьбы с безграмотностью и неведением, которые составляют одну из главных основ нашей современной нищеты» [5, с. 206].

Земские деятели пришли к пониманию того, что «крестьянство страшно нуждается в знаниях, которые помогали бы разрешить запросы практической жизни и давали возможность использовать окружающую обстановку в целях улучшения своего благосостояния, что в таких суровых северных условиях сказывается особенно остро» [4, с. 169]. Благодаря деятельности земских агрономов уже в конце XIX — начале XX в. в некоторых уездах стали переходить к передовым методам земледелия и животноводства. Безусловно, интеллигенция сыграла определенную роль в насаждении агрономических и технических знаний. Однако ее усилий было недостаточно, и подавляющая часть крестьянства по-прежнему прозябала в темноте и невежестве. Просветительная работа сельскохозяйственных обществ (СХО) могла обеспечить распространение элементарных сведений по сельскому хозяйству путем проведения чтений и бесед. Они, будучи «простейшей формой пропаганды сельскохозяйственных сведений, возбуждают мысль хозяев и сообщают элементарные сведения по тому или другому вопросу; беседы и чтения готовят почву для сельскохозяйственных курсов» [6, с. 19].

Вопрос об агрикультурных мероприятиях был включен в повестку совещания представителей потребительских и сельскохозяйственных обществ Вельского уезда, которое проводилось 27—28 сентября 1908 г. по инициативе Морозовского СХО. Агроном Вельского уездного земства Н. В. Саврасов в докладе «Агрикультурная деятельность сельскохозяйственных обществ» указал, что «экономические функции СХО создают материальные средства для проведения агрикультурных мероприятий» и распространения знаний «путем устройства еженедельных систематических чтений и бесед с “волшебным” фонарем по вопросам сельского хозяйства» [7, с. 4, 10—11].

С точки зрения агрономов, экономическое положение вологодской деревни диктовало необходимость как пропаганды общих методов ведения сельского хозяйства, так и организации отраслевых чтений по луговодству, травосеянию и выра-

щиванию корнеплодов. В 1910 г. в Вологодской губернии чтения по сельскому хозяйству проходили в 55 пунктах (42 земских пунктах и 13 СХО), проводили 8 лекторов, на чтениях присутствовало 2180 слушателей. Во время чтений затрагивались вопросы, связанные с различными отраслями сельского хозяйства, в том числе полеводство и общее земледелие — 84 раза, луговое хозяйство — 55 раз, животноводство, молочное дело и ветеринария — 38 раз, сельскохозяйственные орудия и машины — 12 раз. В 11 пунктах Вологодской губернии речь шла об удобрениях и травосеянии. Крестьян также интересовали улучшенные приемы обработки почвы, севооборота и рядового посева [8, с. 46, 58, 64].

В 1913 г. в Вологодской губернии было проведено 152 чтения по луговодству и культуре болот для 3169 слушателей. В среднем на уезд приходилось 22 чтения. В Вельском уезде чтения по луговодству прошли в деревнях и селах Бестужево, Чадрома, Никольское, Белезнинская, Сметанинская. В Кадниковском уезде прошло 9 чтений в д. Ивачино, Коняево, Останенская, Ивановская, Малеевка, с. Корнеево и Заднее Село, Вотчинском погосте и погосте Поповка. На чтениях присутствовало 358 слушателей. В Великоустюгском уезде проведено 35 чтений. В Тотемском уезде состоялось 26 чтений, в среднем на чтения приходило 45 чел. В д. Слободищево Тотемского уезда и в усадьбе Слезнино Грязовецкого уезда проводились общие чтения и беседы по сельскому хозяйству, в Серковской молочной артели, д. Семигорье и с. Ламаниха Вологодского уезда, д. Мальгино и Пищалино Грязовецкого уезда — по огородничеству и культуре турнепса, в д. Нестерово Вологодского уезда — по добыче торфа. В Грязовецком уезде 14 сентября 1913 г. во время сельскохозяйственной выставки специалист Л. И. Моляков прочитал лекцию по луговодству, на курсах в д. Брюхово Шуйской волости — цикл лекций по улучшению лугов [9, с. 3, 18, 32, 35, 40].

Народные чтения сопровождались демонстрацией плакатов и диапозитивов, или световых (туманных) картин, с по-

мощью «волшебного» фонаря. Поскольку такие средства наглядного обучения имелись не во всех уездах, в 1909 г. Великоустюгское уездное земство на Вологодском губернском земском собрании подняло вопрос о световых картинах. В свою очередь, Вологодское губернское земское собрание, выразив принципиальное согласие на снабжение уездных земств брошюрами по сельскому хозяйству и наборами световых картин к ним, высказало губернской земской управе пожелание подготовить тематические чтения применительно к местным условиям и подобрать к ним нужные комплекты диапозитивов. Обеспечение уездных земств учебными материалами собрание решило начать с 1910 г., постановив внести в смету на эти цели 200 руб. [10, с. 131—132]. Однако получить необходимые диапозитивы для «волшебного» фонаря оказалось сложно. Для Русского Севера подходило сравнительно небольшое количество диапозитивов, основная масса световых картин предназначалась для центральной и южной полосы России. В 1911 г. из-за того, что световые картины по сельскому хозяйству стоили довольно дорого, губернская управа просила возбудить ходатайство перед Департаментом земледелия об отпуске дополнительных средств в размере 300 руб. на приобретение диапозитивов [11, с. 171].

Вологодская губернская земская управа по запросам населения бесплатно рассылала брошюры и плакаты по разным отраслям сельского хозяйства, использовавшиеся для проведения народных чтений. Однако постоянно отмечалась нехватка популярной литературы. В 1909 г. члены Верхнетоемского СХО просили «удовлетворить подходящими брошюрами и наглядными пособиями для сельскохозяйственных чтений; не отказать в высылке обществу изданий губернского земства по сельскому хозяйству». В 1910 г. земская управа выслала обществу небольшую сельскохозяйственную библиотечку, на что земским собранием 1909 г. было выделено 15 руб. [12, с. 135]. В 1911 г. в губернскую управу с просьбой снабдить их литературой обратились Моломское СХО Никольско-

го уезда, Гавриловское СХО Сольвычегодского уезда, Больше-Ивановское СХО Вологодского уезда и Нювчинское СХО Усть-Сысольского уезда.

На чтениях и беседах по луговодству раздавалась популярная литература, в том числе брошюры В. Бажаева «Луга и их улучшение», А. Дмитриева «Удобрение лугов» и «Возделывание болот», С. Дремцова «Луга и их улучшение», П. А. Костычева «Что есть в земле и какие бывают земли (о свойствах и распознавании почв)», а также различные брошюры А. А. Зубрилина и П. Б. Шимановского. Также раздавались плакаты А. М. Дмитриева «Об улучшении лугов», Н. И. Рыжова «О кормовых корнеплодах», Н. А. Александровского «Как перейти от трехполья к многополью». В Вельском уезде на чтениях раздавались книга А. А. Зубрилина «Какую пользу приносит травосеяние» и плакат П. Б. Шимановского «О возделывании турнепса», всего было роздано 200 экземпляров. В Никольском уезде бесплатно было передано крестьянам 25 плакатов «О кормовых корнеплодах», 35 плакатов «Об улучшении лугов».

Зачастую лекторам приходилось тексты для народных чтений и бесед разрабатывать самостоятельно. Материал в помощь организаторам народных чтений печатался в журнале «Северный хозяин», издававшемся Вологодским Обществом сельского хозяйства. Так, после громкой читки статьи из рубрики «Что такое правильное хозяйство в деревне» рекомендовалось проводить беседы, например по огородничеству «Всякому овощу свое время», при этом объяснять, что «сельский хозяин только тогда хозяин своего дела, если он хорошо и всегда знает свою землю и те условия климата, которые его окружают, и знает, какое растение на какой земле лучше родит» [13, с. 5].

В Вологодской губернии обширные луга способствовали развитию молочного скотоводства, сыроварения и маслоделия как самостоятельной отрасли сельского хозяйства. С проникновением кооперации в крестьянскую среду возникли молочные артели. Первая молочная артель на кооперативных началах появилась в 1904 г. в д. Скорятинской Томашевской волости Кадниковского уезда, в 1905 г. — в д. Митицыно Несте-

ровской волости, в 1907 г. — Горбовская артель в Благовещенской волости Вологодского уезда, а затем в Грязовецком и Тотемском уездах. Они положили «действительное начало артельному маслоделению» в Вологодской губернии [14, с. 57].

Ко времени возникновения в 1908 г. Вологодского общества сельского хозяйства (ВОСХ) «кооперация сделала первые завоевания в вологодской деревне». На 1 января 1908 г. в Вологодской губернии насчитывалось 36 потребительных обществ, 11 маслодельных артелей и 10 кредитных товариществ. В 1912 г. в губернии было уже 159 маслодельных артелей [14, с. 291]. Создание сельских кооперативов облегчало работу по распространению знаний по луговодству, полеводству и другим отраслям сельского хозяйства.

В организации и проведении народных чтений значительную роль играли работники ВОСХ. В 1912 г. в Вологодской губернии было проведено 870 чтений в 739 пунктах при 25436 слушателях. В Вологодском уезде организовано 293 чтения, 11 чтений проведено специалистами ВОСХ. В Великоустюгском уезде устроено 326 чтений, в Кадниковском — 134 чтения, в Тотемском — 52 чтения, в Грязовецком — 15 чтений, в Сольвычегодском — 29 чтений [4, с. 170].

На совместном заседании Общества и губернского земского совещания 24 июня 1913 г. агроном ВОСХ С.С. Маслов выступил с докладом «О роли сельских кооперативов в проведении агрикультурных мероприятий». Он отметил благотворное влияние кооперативов на сельское население, поскольку они «ослабляют психологические, организационные и финансовые трудности по проведению агрономических мероприятий. Увеличивают количество лиц, на которых распространяется влияние каждого общественно-агрономического мероприятия. Сверх того, маслодельные артели повышают экономический эффект системы общественно-экономических мероприятий». Собрание признало, что «все общественно-агрономические мероприятия в целях легкости их проведения и их

наибольшей социальной и экономической продуктивности должны проводиться через посредство сельских кооперативов, где таковые существуют» [15, с. 25].

Правление ВОСХ создало отдел наглядных пособий по изготовлению черно-белых и цветных световых картин для «волшебных» фонарей. Этим отделом был подготовлен набор диапозитивов об артельном маслоделии Северного края по 15 темам с 8 диаграммами, где сравнивалось кооперативное маслоделие Северного края с маслоделием Сибири, Дании, Германии и Финляндии. Отдельный набор диапозитивов был посвящен деятельности Союза кооперативов Северного края. В 1915 г. был подготовлен и издан альбом об артельном маслоделии. Кооперативы и земства могли приобрести диапозитивы поштучно. При заказе целого набора диапозитивов полагалась скидка до 10% [16, с. 1].

Сотрудникам агрономического отдела ВОСХ организация чтений по скотоводству и молочному хозяйству представлялась особенно важной, «ибо в первое время при зарождении первых маслодельных артелей и при наличии сравнительно низкого образовательного уровня населения можно было действовать только словом». Практическим мероприятиям должна предшествовать длительная пропагандистская деятельность. И «только пробивши дорогу словом и убеждением», можно было приступить к осуществлению тех или иных мероприятий на практике [17, с. 8].

С развитием маслоделия молочное скотоводство становилось главным богатством крестьян Севера. В то же время часто «скот содержался в черном теле, так как корм был самый скудный и малопитательный, а на количество удоя мало обращали внимания». Одной из причин «этого печального явления», полагали работники ВОСХ, было отсутствие у крестьян необходимых сельскохозяйственных знаний [17, с. 34]. В 1916 г. ВОСХ подготовило проект улучшения животноводства в Северном крае. Проектом предполагалось «расширить круг зна-

ний по скотоводству у населения и создать такие условия для хозяйства, при которых они могли бы успешно применить полученные знания на практике» [18, с. 13].

Крестьяне посещали занятия с большей заинтересованностью, если чтения и беседы сопровождались практическими действиями, показательным кормлением коров или работами на опытных участках. Сельские хозяева «проникались сознанием важности предлагаемых мероприятий и желанием осуществить их в жизни» [19, с. 13—14]. Просветительская работа способствовала повышению доходности крестьянских хозяйств и развитию кооперативного движения в среде сельских жителей. В 1916 г. бюро кооперативной статистики ВОСХ произвело учет кооперативных организаций Вологодской губернии по спискам, присланными волостными правлениями, уездными земскими управами и отдельными обществами. На первом месте находились потребительские общества (406), на втором — маслодельные артели (235). Всего в 1916 г. в Вологодской губернии действовал 901 кооператив [20, с. 14].

С ликвидацией земства ВОСХ взяло на себя всю работу по проведению среди крестьян чтений и бесед по сельскому хозяйству. Социально-экономические и политические изменения отразились на тематике занятий. Так, в 1918 г. для крестьян д. Заломьево Грязовецкого уезда проводились беседы как о кооперации и развитии единоличных крестьянских хозяйств, так и о переходе к коллективным формам хозяйствования.

В 1919 г. в центре внимания агрономического отдела ВОСХ по-прежнему оставалась работа по распространению сельскохозяйственных знаний среди населения. Для выполнения всех задач агрономическому отделу ВОСХ была выделена 1 тыс. руб. [21, с. 27].

Зимой 1918/19 г. сотрудники ВОСХ проводили чтения по сельскому хозяйству в различных местах: в Полянской маслодельной артели Вологодского уезда; в Кадниковском уезде — при Устрецком культурно-просветительном обществе, в д. Несерово и Кокошилово; при Вепревском волостном совете, в

г. Тотма для молодых учителей, а также чтения по вопросам повышения продуктивности скота при Серковской и Христорождественской молочных артелях. В Вологодском уезде почти все беседы по сельскому хозяйству сопровождались киносеансами. С 9 по 11 марта 1919 г. было проведено 19 бесед, число слушателей колебалось от 40 до 250 чел. [22, с. 21—22; 23, с. 43—44].

В связи с ухудшением продовольственного снабжения городов чтения и беседы по сельскому хозяйству проводились для рабочих, которые заводили огороды, сады, домашних животных и пчел. Такие мероприятия устраивались по просьбе фабрично-заводского комитета и общества потребителей рабочих и служащих Сухонского лесопильного завода [21, с. 31]. Занятия велись агрономами ВОСХ вплоть до ликвидации общества осенью 1919 г.

Просветительская деятельность местных сельскохозяйственных обществ, земства и Вологодского общества сельского хозяйства имела большое значение в деле распространения сельскохозяйственных знаний в среде северного крестьянства. Тематика чтений и бесед соответствовала приоритетным для Вологодской губернии отраслям сельского хозяйства: молочному скотоводству, льноводству, огородничеству, пчеловодству, полеводству, травосеянию и луговодству.

Список источников и литературы

1. *Третьяков А. В.* Формирование системы сельскохозяйственного образования в России второй половины XIX — начала XX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2015. № 13 (210).

2. *Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии имени Н. В. Верещагина — 100 лет.* Страницы истории. Ярославль, 2012.

3. *Вологодская губерния* // Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1926888 (дата обращения: 10.03.2022).

4. Доклады Вологодскому губернскому земскому собранию. Сессия 1913 г. Доклады по агрономическому отделу. Вологда, 1914.
5. Чупров А. И. Россия вчера и сегодня. Статьи. Речи. Воспоминания. М., 2009.
6. Северный хозяин. 1918. № 23.
7. Труды совещания первого съезда представителей сельской кооперации Вельского уезда. Вологда, 1909.
8. Материалы по внешкольному сельскохозяйственному образованию за 1910 г. СПб., 1912.
9. Доклад по отчету губернского специалиста по луговодству и культуре болот Вологодской губернии за 1913 год. Вологда, 1914.
10. Доклады 40-му очередному Вологодскому губернскому земскому собранию. Сессия 1909 г. Доклады по агрономическому отделу. Вологда, 1909.
11. Доклады 42-му очередному Вологодскому губернскому собранию. Сессия 1911 г. Доклады по агрономическому отделу. Вологда, 1911.
12. Доклады 41-му очередному Вологодскому губернскому земскому собранию. Сессия 1910 г. Доклады по агрономическому отделу. Вологда, 1910.
13. Северный хозяин. 1910. № 1.
14. Богданов Б. О., Воровский В. В. Маслодельные артели в Вологодской губернии: По данным анкеты Вологодского общества сельского хозяйства. Вологда, 1915.
15. Северный хозяин. 1913. № 11-12.
16. Северный хозяин. 1915. № 1.
17. Галевцус Ф. К. Деятельность Вологодского Центрального Общества сельского хозяйства в области молочного хозяйства (1908—1918). Вологда, 1918.
18. Северный хозяин. 1916. № 23-24.
19. Северный хозяин. 1918. № 2.
20. Северный хозяин. 1916. № 20.
21. Северный хозяин. 1919. № 2-3.
22. Северный хозяин. 1919. № 12.
23. Северный хозяин. 1919. № 17-18.

Н. М. Александров

**Дискуссии о преимуществах и недостатках
общинной формы крестьянского землевладения
в начале XX века
(по материалам местных комитетов
Костромской губернии)**

На материалах местных комитетов Костромской губернии показано, как обострение «аграрного вопроса» в начале XX в. вызвало споры об оптимальной для этого периода форме крестьянского землевладения. В дискуссии активно участвовали и представители крестьянства, которые, как и представители других групп населения, не имели единой позиции по этому вопросу. Одни прикнули к лагерю защитников общинной формы землевладения, другие выступали с ее критикой и предлагали переход к подворному землевладению.

Based on the materials of the local committees of the Kostroma province, it is shown how the escalation of the “agrarian question” in the early twentieth caused disputes about the optimal form of peasant land ownership for this period. Representatives of the peasantry, who, like representatives of other groups of the population, did not have a unified position on this issue, also actively attended the discussion. Some of them joined the camp of defenders of the communal form of land ownership, others criticized it and proposed a transition to household land ownership.

Ключевые слова: крестьянское землевладение, община, местные комитеты, Костромская губерния

Keywords: peasant land ownership, community, local committees, the Kostroma province

К началу XX в. ситуация, сложившаяся в аграрном секторе, требовала корректировки правительственного курса. В связи с этим проблемы села неоднократно обсуждались на специально создаваемых совещаниях и комиссиях. Так, в январе 1902 г. учреждается Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством министра финансов С. Ю. Витте.

Уже в начале работы Совещания его участники сочли полезным «для наиболее полного освещения возникающих вопросов выяснить согласованные между собою взгляды как земства, так равно и поместного дворянства, местной администрации, сельскохозяйственных обществ, а также отдельных знатоков того или другого предмета» [1, с. 1]. В связи с этим было решено образовать особые местные комитеты на уровне губерний и уездов, в которые вошли бы лица разных сословий и общественного положения. Работой губернского комитета должен был руководить губернатор, а уездного — местный предводитель дворянства [1, с. 1]. На территории империи было создано 618 комитетов, из них 540 в Европейской России [1, с. 4]. В их работе приняло участие около 12,5 тыс. человек. По мнению современников, местные комитеты представляли первый опыт массового опроса населения России [2, с. 362].

Отличительной чертой местных комитетов был широкий диапазон социального и профессионального состава участников. Особенно это касалось уездных комитетов [1, с. 9; 3, с. 8—9].

Следует отметить, что на местные комитеты была возложена задача не разработки мер по развитию сельского хозяйства, так как это входило в компетенции самого Особого совещания, а только указания тех трудностей, с которыми сталкивается сельское население в данном районе. Комитетам было предложено опираться в своей работе на программу, присланную из столицы. При этом было указано, что они могут по своему усмотрению давать ответы на все пункты программы или только на часть из них, а также рассматривать вопросы,

связанные с сельским хозяйством, но не вошедшие в нее [1, с. 6]. Многие комитеты воспользовались правом обсуждать важные для деревни вопросы, не включенные в программу: правовое положение крестьян, расширение прав земств и др. Два уездных комитета, по мнению власти, далеко зашедшие в обсуждении общеполитических проблем, за это были закрыты [2, с. 362—363].

В начале 1903 г. местные комитеты закончили свою работу, собранные ими материалы были представлены в Петербург и в том же году напечатаны в виде многотомного издания. Каждый том содержит данные о работе местных комитетов той или иной губернии и включает журналы заседаний губернского и уездных комитетов, а также личные записки и доклады участников. Опубликованные материалы дают много ценных сведений о положении деревни, взглядах местного населения на сложившуюся ситуацию. Персонифицированная информация позволяет выявить особенности понимания проблем различными общественными и социальными группами населения.

В Костромской губернии, как и во многих регионах страны, местные комитеты активно включились в обсуждение проблем сельского хозяйства. Они, как правило, не ограничивались вопросами программы, а старались понять причины сложного положения деревни и найти пути выхода из сложившейся ситуации. Так, на первом же заседании Буйского уездного комитета было решено, что ему «следует заняться указанием и разбором более общих причин упадка сельскохозяйственной промышленности, чем те в большинстве случаев специальные вопросы, которые помещены в программе Особого совещания» [4, с. 187].

Председатель Костромского губернского комитета губернатор Л. М. Князев, подводя итоги работы уездных комитетов, отмечал, что вопросы, рассмотренные на их заседаниях, «могут быть разбиты на следующие рубрики: 1) народное образование; 2) личные права крестьян; 3) крестьянское землевладе-

ние; 4) подати, налоги и повинности; 5) земство». Причем губернатор указал, что вопрос о том, какая форма землевладения — общинная или подворная — более предпочтительна для костромских крестьян «вызвал, как и следовало ожидать, наибольшее разномыслие» среди участвовавших в обсуждении [4, с. 6]. Этим он подтвердил, что тема общины и всего с ней связанного, несмотря на то, что она выходила за рамки программы, стала одной из основных тем, обсуждаемых в местных комитетах Костромской губернии. Необходимо отметить, что при ее рассмотрении, в отличие от других вопросов, в уездные комитеты специально приглашались представители местного крестьянства.

Степень вовлеченности крестьян в работу комитетов зависела от уровня демократических настроений местной власти. В одних случаях на заседаниях крестьяне были представлены только отдельными представителями сельской администрации — волостными старшинами. В тех местностях, где демократически настроенные земцы играли значительную роль в жизни деревни, крестьянство, как правило, активнее привлекалось к работе комитетов и на заседания приглашались все крестьяне — гласные уездного земства.

В земствах к началу XX в. был накоплен уже большой опыт совместной работы представителей разных социальных групп. В это время не было ничего удивительного в том, что рядом с дворянином-помещиком или чиновником сидел крестьянин и участвовал в обсуждении тех или иных проблем деревенской жизни. Кроме гласных и представителей сельской администрации к работе комитета могли быть привлечены в качестве «экспертов» и «простые» крестьяне. Состав таких крестьян, как и других приглашенных, обычно обговаривался на первом заседании комитета. Так, в Ветлужском уездном комитете в начале его работы было решено в связи с тем, что комитету «предстоит выяснение нужд главным образом крестьянского населения», пригласить в качестве членов комитета крестьян — гласных земского собрания и лиц крестьянско-

го сословия, «выдающихся из их среды по уму или развитию». В результате среди приглашенных оказалось 8 крестьян [4, с. 228—229]. В соседнем Варнавинском уездном комитете приглашенных крестьян было еще больше — 22 чел. [4, с. 204].

В некоторых случаях организация подбора представителей от крестьян поручалась земским начальникам. Так, Галичский уездный комитет, в который входили уже 2 крестьянина, решил расширить состав представителей этого сословия и пригласить для участия в совещаниях через земских начальников «по два лица из каждого участка» [4, с. 326]. При отборе земские начальники сделали акцент на представителях сельской администрации — волостных старшинах [4, с. 348]. Следует отметить, что земские начальники тоже входили в состав комитета, хотя участие в совместной работе в комитетах земских начальников и крестьян не всегда воспринималось положительно [4, с. 324]. Так, член Ветлужского комитета землевладелец Б. Л. Петерсон высказал опасение, что в таком случае первые как непосредственное начальство для крестьян, «несомненно, импонирующие будут действовать на последних». С ним согласился и председатель комитета, уездный предводитель дворянства Н. В. Верховский. Поэтому было решено избегать случаев, когда крестьяне могли оказаться под давлением земского начальника своего участка [4, с. 228—229].

Уровень активности крестьян в обсуждении вопросов был разным. В большинстве случаев все сводилось к краткому изложению крестьянами своей точки зрения по тому или иному вопросу и участию в голосовании. Однако нередко отдельные представители крестьянства выступали с докладами или подавали записки, в которых достаточно подробно излагали свою позицию по разным вопросам. Несколько крестьянских записок были посвящены проблеме усовершенствования общины. Одна из них, подготовленная крестьянином С. Ф. Пылаевым, была подана для рассмотрения в Костромской губернской комитет [4, с. 127—129].

В уездных комитетах для первоначального обсуждения выносимых на общее заседание вопросов и подготовки заключения по затронутым проблемам организовывались специальные комиссии. В Кинешемском комитете было создано две таких комиссии: одна по «чисто сельскохозяйственным вопросам», другая по «вопросам правовым и крестьянского управления и землевладения». Первой руководил председатель земской управы П. В. Калачёв, второй — помещик В. С. Дмитриев. Интересно, что комиссия по крестьянскому управлению оказалась действительно «крестьянской»: из 18 ее членов 11, то есть более 60%, были крестьянами [4, с. 354, 360]. В Чухломском комитете в подготовительную комиссию вместе с председателем уездной земской управы Н. М. Перелешиним и земским начальником М. Н. Языковым вошел крестьянин И. И. Поляшев. Подготовленный этой комиссией доклад с изложением позиций комитета по присланной из Петербурга программе был единогласно принят [4, с. 504—508]. В данном случае представитель крестьянства оказался одним из главных действующих лиц комитета. В Буйском уездном комитете в комиссию входили 11 чел., из которых 2 были крестьянами [4, с. 188]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что крестьяне, работавшие в комитетах, были достаточно образованными и подготовленными, чтобы доносить до общества и власти свое видение решения проблем села.

В упомянутой выше записке крестьянина С. Ф. Пылаева, содержащей его взгляды на общину, отмечалось, что в районе расположения его деревни все общины малоземельные, своего хлеба крестьянам в среднем хватает до нового года и главная задача семьи — «где бы и во что бы то ни стало достать денег» [4, с. 127]. По его мнению, основной недостаток общины в том, что в ней присутствует жесткое регламентирование работ, что снижает производительность труда. Особенно отчетливо это проявляется при коллективной заготовке сена на общинной земле. Отсюда следовало предложение: «нужно сделать так, чтобы крестьянин чувствовал себя в поле

свободным, чтобы каждый мог делать, как найдет выгоднее для себя, не считаясь с общинной волокитей. А чтобы достигнуть этого, нужно иметь раз навсегда определенные участки земли, так, чтобы когда захотел, тогда и начал работу; и еще: владея землей, чтобы крестьянин юридически находился в таком же положении, как собственник». В то же время, по мнению С. Ф. Пылаева, хуторское хозяйство в его районе невозможно из-за крестьянского малоземелья. Поэтому, заключил автор записки, самое лучшее для крестьянина — иметь полную свободу действий на своем постоянном участке в поле, луге и лесе, а чтобы достичь этого, «надо отдать общинную землю в собственность» [4, с. 128]. Несомненно, что этот крестьянин выступал активным сторонником перехода к подворному землевладению.

В докладе о сельской общине крестьянина И. Г. Гаврилова Ветлужскому комитету было изложено его видение решения проблемы. Являясь членом общины, автор считал, что он хорошо знает «ее хорошие и дурные стороны». По мнению И. Г. Гаврилова, сельская община в ее современном виде есть продукт реформы 1861 г. и для «первого времени, когда крестьянин был только что выпущен из-под палки, безусловно темный и кроме барского двора не выдавший ничего на свете, это была довольно удачная форма крестьянского землеустройства» [4, с. 293—294]. К началу XX в., развивал свою мысль автор, положение в деревне сильно изменилось. Сельское хозяйство вообще и земледелие в частности уже настоятельно требовали иных приемов их ведения. В этом отношении современная община является самым сильным тормозом. В то же время переход к подворному землепользованию с предоставлением надельной земли на правах частной собственности, по мнению автора доклада, так же не может быть решением проблемы. В данном случае часть крестьян останется без земли, которая постепенно будет переходить в руки наиболее сильных экономически и энергичных соседей, и образует новый вид сельского жителя — деревенский пролетариат. В свя-

зи с этим И. Г. Гаврилов считал, что надо думать «не о полном уничтожении общины, а о коренной ее переделке», для чего следовало предпринять ряд мер, в том числе:

1) уменьшить чересполосицу, но не сводить землю отдельного хозяйства в один участок;

2) наделные земли должны передать в постоянное пользование семьям крестьян, но без права их продажи, завещания или залога;

3) предоставить самый широкий простор к выходу крестьян из общины при отказе от земельного надела [4, с. 295—296].

Таким образом, И. Г. Гаврилов выступал за сохранение общины в условиях установления в деревне подворного землепользования.

Доклад крестьянина И. Г. Гаврилова был заслушан на заседании комитета и вызвал противоречивую оценку. Так, докладчик для подтверждения своего мнения, что община стесняет личную инициативу и при ней нельзя достигнуть каких-либо положительных результатов в улучшении сельского хозяйства, обратился к присутствующему на заседании крестьянину Н. Е. Соколову, добавив при этом, что на общинной земле тот бы не добился таких успехов в своем хозяйстве, какие имеет в настоящее время (по всей видимости, основная хозяйственная деятельность у Н. Е. Соколова велась на купленной или арендованной земле, на которую не распространялись общинные порядки). В ответ Н. Е. Соколов, к удивлению докладчика, не согласился с такой оценкой роли общины, так для большинства она, несомненно, благо, а если кого и стесняет, то только зажиточных крестьян. Сторонником общины выступил и помещик Б. Л. Петерсон, заявивший, что с тем же малоземельем гораздо легче бороться общине, чем отдельным крестьянским хозяйствам. Позицию И. Г. Гаврилова поддержал уездный член окружного суда В. Н. Исаков, заявивший, что «шаг, который может сделать народ при общинном устройстве по пути прогресса, меньше того, который он мог

бы сделать при подворном владении». На что Б. Л. Петерсон ответил, что «шаг этот будет не меньше, а лишь медленнее; но зато шаг этот при общинном строе будет, несомненно, более обдуманым и основательным». Подводя итоги дискуссии, председатель комитета уездный предводитель дворянства Н. В. Верховский предложил принять заключение, подготовленное ранее созданной по этому вопросу комиссией. В заключении говорилось о желательности «сохранения общинного владения землей как исконно русской формы общежития, развивающей в ее членах понятия взаимопомощи, солидарности и общности интересов и не препятствующей нашей сельскохозяйственной промышленности». В то же время предлагалось внести следующие изменения в общинные порядки: 1) отменить круговую поруку; 2) разрешить свободный выход из общины; 3) при выходе из общины земельный надел уходящего должен переходить в распоряжение сельского общества, а уходящий взамен утраченной земли получал бы от государства денежный эквивалент. Заключение было принято большинством голосов [4, с. 245—246]. Проведенное обсуждение доклада И. Г. Гаврилова показывает, что отношение к общине не определялось сословной принадлежностью участников дискуссии. Различные взгляды на общину имелись как среди дворянства, так и среди крестьянства. Об этом свидетельствовала также ситуация, сложившаяся в Варнавинском комитете при голосовании о наиболее предпочтительной форме землевладения для крестьян:

— 26 чел., или 60,5%, в числе которых 22 крестьянина, 2 чиновника, 1 землевладелец и 1 агроном, считали, что необходимо обязательный раздел надельной земли на «потомственные» участки, то есть выступали за переход к подворному землевладению;

— 13 чел., или 30,2% (7 чиновников, 3 крестьянина, 2 землевладельца и 1 мещанин), предлагали оставить общинный порядок землевладения, но облегчить для крестьян выкуп земли в собственность;

— 1 член комитета (землевладелец), или 2,3%, пожелал не менять существующий порядок общинного землевладения;

— 3 чел. (крестьяне), или 7,0%, воздержались при голосовании. При этом один из них заявил, что он лично предпочел бы обязательный раздел наделной земли на подворные участки, так как ему это выгодно: у него семья небольшая, а надел «достаточный» (кроме 15 дес. наделной земли семья имела около 18 дес. арендованной). Однако он считал, что его обремененные большими семьями односельчане (13 дворов), не имеющие таких больших земельных участков, не согласятся на переход к подворному землевладению, так как надеются при новом переделе улучшить свое положение. Такого же мнения придерживались и 2 других крестьянина, считавшие, что в комитете они должны защищать не свои личные интересы, а интересы представляемых ими односельчан [4, с. 205].

Аналогичного характера дискуссия произошла в Костромском уездном комитете, члены которого в итоге признали общинный порядок землевладения более соответствующим потребностям крестьян, чем подворный [4, с. 416]. К такому же заключению пришло абсолютное большинство местных комитетов Костромской губернии [4, с. 16—17].

В целом по стране вопрос о преимуществах и недостатках общинного и подворного землевладения обсуждался в 160 местных комитетах. Из них 47 комитетов выступили за сохранение земли в собственности общины, а 92 комитета — за ее переход в частную собственность. Еще 17 местных комитетов не смогли однозначно определить свою позицию и «полагали предоставить решение вопроса о порядке землепользования самой жизни» [1, с. 25—26].

Итак, материалы работы местных комитетов свидетельствуют о том, что к началу XX в. традиционный уклад жизни российской деревни претерпевал сильную деформацию. Значительная часть крестьянства вместе с другими слоями населения, связанными с сельским хозяйством, выступала за модернизацию аграрных отношений как главное направление выхода из аграрного кризиса. При этом пересмотру подверга-

лись основы традиционного крестьянского мира — община и коллективное владение землей. В деревне все сильнее и сильнее звучали голоса тех, кто говорил, что община устарела и если от нее еще рано отказываться, то ее надо реформировать.

Список источников и литературы

1. *Общий* обзор трудов местных комитетов / сост. С. И. Шидловский. СПб., 1905.

2. *Особое* совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1906. Т. 2.

3. *Мионов Б. Н.* Политика versus истина: особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902—1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2008. Вып. 1.

4. *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 17 : Костромская губерния.

М. И. Роднов, Л. Ф. Тагирова

Сельскохозяйственные переписи как источник для изучения последствий Гражданской войны

Сельскохозяйственные переписи 1917 и 1920 гг. проводились между важнейшими событиями в российской истории. Первая перепись зафиксировала последствия Первой мировой войны и начавшейся революции, она прошла накануне Гражданской войны. А советская перепись 1920 г. состоялась сразу после окончания военных действий на Южном Урале. Войны и революция привели к серьезному упадку сельской экономики, что подтверждается данными по большому татарскому селу Кармаскалы.

Agricultural censuses of 1917 and 1920 were held between the most important events in Russian history. The first census recorded the consequences of the First World War and the revolution that began, it took place on the eve of the Civil War. And the Soviet census of 1920 took place immediately after the end of hostilities in the Southern Urals. Wars and revolution led to a serious decline in the rural economy, as evidenced by data from the large Tatar village of Karmaskaly.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Гражданская война, переписи 1917 и 1920 гг., экономика, социальная структура, демография, Урал, Башкирия

Keywords: agriculture, Civil War, 1917 and 1920 censuses, economy, social structure, demography, Urals, Bashkiria

Проводившиеся в начале XX в. сельскохозяйственные переписи являются важнейшим источником при изучении самых разных аспектов жизни российского крестьянства. Они также отразили последствия революции 1917 г. и Гражданской войны, так как летом 1917 и 1920 гг. состоялись два обследования, как раз до и после кровавой междоусобной смуты [1].

Южный Урал стал ареной самых активных боевых действий, территория несколько раз переходила из рук в руки, бушевали крестьянские восстания. Последствия революции и Гражданской войны, однако, различались, сказывался ряд факторов — география, близость к театрам сражений, социальная и национальная структура населения, уровень предыдущего экономического развития, специализация крестьянского хозяйства.

Рассмотрим ситуацию в большом татарском селе Кармаскалы. Оно лежит к юго-западу от Уфы, столицы и главного рынка Уфимской губернии, до которого можно доехать в течение дня (50 верст). Это был развитый центр торговли и скупки хлеба. В 1893 г. стерлитамакский податной инспектор сообщал, что в д. Кармаскалы Дуван-Табынской волости заготавливается до 80 тыс. пудов хлеба [2, ф. 20, оп. 10, д. 102, л. 10]. Здесь также находился важный культурно-религиозный центр. На 1912 г. в Кармаскалах имелись почтово-телеграфное отделение, кредитное товарищество, школа, здесь располагалась квартира земского начальника, стояло пять мечетей, что было редкостью в Уфимской губернии. Рядом действовали большая мельница-крупянка и винокуренный завод [3, с. 158, 161, 168, 182]. Из Кармаскалов вышел ряд известных предпринимателей (Х. С. Рахманкулов и др.).

По губернской переписи 1912—1913 гг. в д. Кармаскалы (одна община, припущенники по сословию, мешеряки / мишари и тептяри — этносословные группы татар) насчитывалось 664 двора с населением 3540 чел. Это был самый крупный населенный пункт Дуван-Табынской волости Стерлита-

макского уезда [4, с. 330—331]. Не случайно сейчас это административный центр Кармаскалинского района Республики Башкортостан.

Сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. отразила дальнейшее развитие Кармаскалов. Несмотря на военное время, население Кармаскалов увеличилось до 3644 чел. (655 дворов), по национальному составу: мишари — 3474, башкиры — 70, русские — 99 и один австрийский подданный, но не военнопленный [5, с. 47].

Если в 1912—1913 гг. в Кармаскалах статистики зафиксировали 2755,6 дес. посева, то в 1917 г. посевная площадь составила 2419,57 дес., поголовье лошадей — 1124 всех (1069 без подростков) и 836 рабочего возраста [4, с. 334—337]. Данные по лошадям не совсем сопоставимы. По переписи 1912—1913 гг. выделялись три половозрастные группы: жеребцы и мерины, матки, подростки.

Как видим, прирост населения происходил (в число жителей в 1917 г. вошли находившиеся в армии и плену), но экономическое положение явно ухудшалось. Сократились посевы (на 12%) и конский табун (примерно на 22%). Кризис хозяйства в Кармаскалах из-за продолжавшейся войны и грянувшей революции очевиден.

Прошедшая летом 1920 г. первая сплошная советская сельскохозяйственная перепись подтвердила эти процессы [6, ф. Р-473, оп. 1, д. 853]. Численность населения (с учетом находившихся в воюющих армиях мужчин) продолжала расти — стало 728 семей / домохозяйств, где проживало 3957 чел. Несколько изменился национальный состав, абсолютное большинство по-прежнему составляли татары, старая этносословная, мишарская идентичность исчезает, также не стало башкир. Резко сократилось количество русских — до 5 хозяйств (21 чел.), из них два семейства записали татарами (видимо, автоматически). Русское население Кармаскалов было занято в торгово-промышленной деятельности, экономический кризис на них сказался в первую очередь.

Появились беженцы. Единственное немецкое семейство Курта Эмильевича Бреймана (54 года, 2 чел. в семье, жене 43 года) прибыло из Ялты Таврической губернии. Они работали в Кармаскалах учителями. Скорее всего, это были давно жившие в России немцы, но сохранявшие подданство одного из германских государств. Также русский Пётр Павлович Тихомиров с домочадцами в 1919 г. перебрался сюда из Уфы.

За три года Гражданской войны сельская экономика Кармаскалов серьезно пострадала. По переписи 1920 г. посевная площадь сократилась до 1892,2 дес., или еще на 22%. По сравнению с предвоенным периодом она упала на 31%. Рабочих лошадей в 1920 г. в Кармаскалах насчитывалось 700 голов, или на 16% меньше, чем в 1917 г. Закрылись предприятия местной промышленности, почти исчезла торговля, безоговорочно господствовал натуральный обмен.

Сравнение материалов сельскохозяйственных переписей (по приведенным источникам) позволяет проследить направление и динамику изменений в социальной структуре населения Кармаскалов. За основу взята традиционная для чисто зерновых регионов группировка хозяйств по величине посевной площади, которой придерживались земские статистики. Они выделяли четыре основные посевные группы: беспосевные; с посевом до 4 дес. (бедное крестьянство, для существования которого требовались дополнительные заработки); с посевом от 4 до 10 дес. (условные середняки, полунатуральные или мелкотоварные дворы) и высшая посевная группа, где площади земельных угодий превышали 10 дес. (зажиточные многосемейные и чисто предпринимательские, фермерско-кулацкие хозяйства).

По переписи 1912—1913 гг. в Кармаскалах из 664 домохозяйств беспосевные составляли 7,7%, бедные, малопосевные дворы — 56,8%, середняки — 28,6%, зажиточные и фермерские семьи — 6,9%. Кармаскалы — типичное крупное селение, основу жителей которого составляло традиционное полунатуральное крестьянство с невысоким уровнем благосостояния.

В 1917 г. перепись дала следующие результаты: беспосевные — 11,8%, бедное полунатуральное население — 55,4%, середняки — 27,9%, богатая верхушка — 4,9%.

Первая мировая война не произвела в Кармаскалах глобальных изменений. Чуть увеличилась прослойка беспосевных, существовавших не за счет землепашества семей. Удельный вес бедного и среднего крестьянства почти не изменился. Лишь доля зажиточных дворов существенно уменьшилась (почти на треть), что естественно. Немного (на 12%) сократилась посевная площадь. Нехватка рабочих рук, натурализация всей хозяйственной жизни, товарный голод, нарастающая инфляция не просто лишали в первую очередь производителей товарной продукции стимулов к расширению производства, а, наоборот, подталкивали к сокращению посевов. Хлеб власть отбирала или оплачивала стремительно терявшими цену деньгами, на которые ничего нельзя было купить. Тем не менее в 1917 г. в Кармаскалах сохранялось 8 дворов с посевом свыше 15 дес. Кризис экономики к осени 1917 г. еще не приобрел масштабов катастрофы.

В последующие три года Гражданской войны обстановка в Кармаскалах принципиально менялась. По данным переписи 1920 г., структура населения по посевным группам была следующей: беспосевные — 2,5%, беднота — 80,5%, середняки — 16,7%, зажиточные — 0,3%.

Эти данные отражают два процесса — не только обнищание сельчан, но и натурализацию хозяйства. Малопосевные, с трудом обеспечивавшие себя продовольствием дворы, составляли свыше 80% всех жителей. Доля середняков упала почти вдвое, крайне мало осталось вообще не занимавшихся сельским хозяйством семей, без своего хлеба и огорода прожить стало чрезвычайно сложно. Практически исчезло зажиточное крестьянство. В 1920 г. в Кармаскалах только двое жителей посеяли свыше 10 дес., а предпринимательских дворов с посевом от 15 дес. и выше не осталось ни одного.

Это стало одной из главных причин уже наступавшего голода. В имперский период во время неурожая земство, власти закупали хлеб для голодающих прямо на своей же территории, в Уфимской губернии. У купцов-хлеботорговцев и зажиточных фермеров всегда имелись запасы зерна и муки, которые они продавали за повышенную цену. С другой стороны, к богатым общинникам шли на поклон нуждающиеся односельчане. На жестких условиях они получали хлеб, таким способом спасаясь от голодной смерти.

В 1920 г. покупать было не у кого. Купцов давно уже не осталось, а многосеющие крестьяне и середняки сократили свои посевы. Почти исчез товарный хлеб, продотряды выбивали из обнищавшей деревни не только небольшие запасы, но и необходимое для собственного пропитания и прокорма скота зерно. К началу 1921 г. грянула страшная катастрофа.

На развал сельской экономики накладывался демографический кризис. По данным переписей 1912, 1917, 1920 гг. число домохозяйств в Кармаскалах составило 664, 655, 728 соответственно. Именно после революции начался развал общинных механизмов. «Старики», «большаки» утратили свой авторитет, подвергшаяся пропаганде и военизированная молодежь захватила власть в деревне, следствием чего стал рост семейных разделов, возникновение новых (и маломощных) семей. А в крупном традиционном домохозяйстве легче выжить, семейная кооперация помогала в обстановке неурожая, иных бедствий. С 1912 по 1920 г. средний состав кармаскалинской семьи вырос с 5,33 до 5,44 чел.

Сама старинная община / общество в Кармаскалах развалилась. К следующей переписи 1926 г. существовали уже Кармаскалы 1-е, Кармаскалы 2-е и 3-и, деревня разделилась на три общества [7, с. 200]. Раскол старых общин, выделение новых селений, хуторов, поселков, выселков было широко распространенным явлением после 1917 г. Никаких согласований с властями уже не было, царил самостийность.

К 1920 г. Кармаскалы повысили свой статус, победив в борьбе со своим конкурентом — другим большим татарским селом Бузовьязы — за звание центра волости. Существовала Кармаскалинская волость Табынского кантона Малой Башкирии, нового национально-административного образования в составе РСФСР.

Председателем исполкома был Хаким Мус[т]афинович Мустафин с зарплатой в 1000 руб. Местную власть также представляли двое русских: бухгалтер, а также заведующий одновременно милицией и профсоюзом (оклад 2112 руб.). Прокатным пунктом, скорее всего, реквизируемого у кулаков и окрестных помещиков сельскохозяйственного инвентаря руководил член ВКП(б) Мухамадин[ур] Абдрахманович Сагитов. Имелся зав. земотделом (1000 руб. жалованья). Силовой сектор новой власти состоял из шести милиционеров с зарплатой от 1200 до 2000 руб.

Надо отметить, что в Кармаскалинской волости использовался особый бланк, отличный от стандартного. Чем это вызвано, пока не удалось установить, и аналогов по другим волостям не найдено. Одним из отличий была запись о заработной плате.

Сама фиксация окладов, как и огородных культур (чего земские статистики никогда в Уфимской губернии не делали), свидетельствует о сложном продовольственном положении в Кармаскалах. Неслучайно, у обоих учителей Брейманов оклад составлял 12 000 руб., самый высокий. У приезжих немцев не имелось ни земли, ни посева, ни скота, жили на одну зарплату.

В 1920 г. в таком большом селе, как Кармаскалы, сохранялась прослойка кустарей-ремесленников, статистики зафиксировали 14 плотников (зарплата от 1500 до 5000 руб.), 2 портных, 16 сапожников (от 3000 до 10 000 руб.), пастуха, 2 кузнецов со своими кузницами и 2 без кузниц, сушильщика с собственной сушилкой, мясника, весовщика (видимо, на базарной площади), 2 печников, караульщика, кровельщика, 2 кирпич-

ников, овчинника, калачника. В селе жили мулла с муэдзином, да еще одного муллу переписчики идентифицировали как «пчеловод-мулла».

Подсчет по подворным карточкам переписи 1920 г., проделанный Л. Ф. Тагировой, дает другие данные по сравнению с опубликованными: 728 дворов и 3957 жителей, тогда как в издании 1926 г. указаны 685 дворов и 3767 чел. Подеревенские итоги переписи 1920 г. никогда не публиковались, в архиве Уфы имеются различные черновые подсчеты. Кроме того, коллекция подворных карточек переписи 1920 г. по Малой Башкирии находится в чрезвычайно разбросанном виде. Поэтому к изданным материалам, специально напечатанным к следующей переписи 1926 г., нужно относиться критически, данные необходимо перепроверять.

Таким образом, сопоставление информации трех выполненных почти по единой программе и во многом одним статистическим аппаратом подворных переписей по большому татарскому селу Кармаскалы свидетельствует, что экономика Российской империи более-менее успешно выдержала все тяготы Первой мировой войны. Сравнение с предвоенными данными показывает стабильную ситуацию.

Крах сельской экономики происходит после революции и в годы Гражданской войны. Кардинально изменилась социальная структура; всеобщее обеднение и нивелировка на уровне почти нищеты не позволили справиться с засухой следующих лет. При этом демографическое перенаселение никуда не делось. Рост числа жителей в эпоху войн и революций вполне естественная реакция отсталых, традиционалистских социумов на экономические потрясения, когда высокая смертность компенсировалась повышенной рождаемостью.

С другой стороны, никак нельзя выстраивать социальную структуру по советским переписям. Богатые крестьяне и середняки почти поголовно сократили посевы, у них забрали лошадей, но немалую часть прежнего хозяйственного потен-

циала они сохранили в виде скрытых накоплений, инвентаря, домашнего имущества. И самое главное, никуда не делась ментальность, культура рыночных отношений.

Во многом из-за опасения репрессий вчерашние фермеры-кулаки и состоятельные середняки «опустили» свои хозяйства до «пролетарского» уровня. Но в любой момент, если ситуация изменится, они готовы были снова вернуться к рыночной экономике, что случилось в годы НЭПа.

Список источников и литературы

1. *Роднов М.И.* Демографические последствия Гражданской войны на Южном Урале (по материалам Златоустовского уезда) // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения : сб. матер. IV Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург, 2013.

2. *Российский* государственный исторический архив.

3. *Адрес-календарь* Уфимской губернии на 1912 год. Уфа, 1912.

4. *Крестьянское хозяйство* Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг. Уфа, 1914. Ч. 2 : Таблицы.

5. *Роднов М.И.* Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010.

6. *Национальный архив* Республики Башкортостан.

7. *Населенные пункты* Башкортостана. Уфа, 2002. Ч. 3 : Башрепублика, 1926.

Л. Н. Жданович

**Первая сельскохозяйственная
и кустарно-промышленная выставка СССР
(по материалам губерний Северо-Запада)**

На материалах губерний Северо-Западной области РСФСР показаны организация и деятельность Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР. Особое внимание уделено пребыванию на выставке экскурсантов из указанных губерний, а также экспонатам, представленным областным выставочным комитетом.

This article shows the process of the organization and functioning of the First All-Union Agricultural Exhibition. The contribution made by provincial exhibition committees of Petrograd, Novgorod, Pskov and Cherepovets provinces is analyzed. Special attention is dedicated to the everyday life and experiences of excursionists from North-Western provinces during a stay in Moscow. Items that participated in the exhibition are discussed.

Ключевые слова: Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, крестьянство, агрономия, Северо-Западная область, РСФСР

Keywords: All-Union Agricultural Exhibition, peasantry, agronomy, North-Western oblast, RSFSR

Традиция проведения в России сельскохозяйственных выставок зародилась еще в XIX в. Революционные процессы и события Гражданской войны надолго ее прервали, однако уже в 1923 г. в Москве была организована первая в истории СССР

сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. Председатель Главного выставочного комитета А.Г. Брагин, выступая с докладом на X Съезде Советов, заявил, что выставка должна доказать всему миру, что пролетарская революция не только не послужила тормозом для развития народного хозяйства страны, но и стала стимулом его возрождения [1, с. 14, 179].

Средства на организацию и содержание выставки выделялись государством. Премияльный фонд формировался не только за счет государственных ассигнований, но и добровольных вложений организаций и предприятий со всей страны. На 1 сентября 1923 г. он составлял 160 тыс. руб. золотом. Всего было предусмотрено около 3 тыс. различных премий, из которых 25 % выделялись отделу животноводства [2; 3].

Девятого декабря 1922 г. Главный выставочный комитет утвердил Положение о местных комитетах Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом [4, с. 6—8]. Эти комитеты должны были привлечь население к участию в выставке, отобрать и изготовить экспонаты для ее отделов, а также организовать посещение выставки экскурсантами. Комитеты могли создавать комиссии с участием специалистов, открывать в уездных городах выставочные бюро и назначать в крупные селения специальных уполномоченных.

В Главном выставочном комитете было зарегистрировано 56 местных выставочных комитетов, в том числе 29 губернских, 4 областных, 16 союзных республик и 7 автономных областей. Выставочные бюро были образованы в 250 уездах страны [5, с. 68; 6, с. 2]. Петроградская, Псковская, Новгородская и образованная в 1918 г. Череповецкая губернии относились к Северо-Западной области. В состав области также входили Мурманская губерния и Карельская трудовая коммуна. Выставочный комитет Северо-Западной области был сформирован 1 ноября 1922 г. Председателем комитета стал уполномоченный наркомата земледелия по области Н.Я. Кузьмин.

В состав были включены представители Петроградского единого потребительского общества, губземуправления, Куспрома, Северокустаря, Петроградского отдела Центросоюза, Центрального и Северного сельскохозяйственных обществ, Петроградского центрального кооперативного товарищества, Государственного сельскохозяйственного музея, Ученого сельскохозяйственного комитета, Областного управления по опытному делу, Всероссийского профессионального союза работников земли и леса. Было образовано 6 губернских выставочных комитетов, представители которых входили в состав областного [7, с. 6—8].

С целью отбора экспонатов на местах были организованы сельскохозяйственные выставки. Пятого октября 1922 г. в Петрограде открылась выставка Северо-Западной области с участием Петроградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой губерний и Карельской коммуны, насчитывавшая несколько отделов, в том числе полеводства, луговодства, культуры болот и торфяного дела; отдел садоводства, плодоводства, огородничества, семеноводства; отдел животноводства, охотничий и научно-школьный отделы [8, с. 37].

Для ознакомления с положением дел на местах в 1922—1923 гг. губернскими земельными управлениями (ГЗУ) области были проведены 4 уездных и 5 районных сельскохозяйственных выставок в Петроградской губернии, 2 уездных и 4 районных выставки — в Псковской губернии, 4 районных выставки — в Череповецкой губернии, 3 районных выставки — в Новгородской губернии [9, с. 60—61].

Двенадцатого июля 1923 г. в Череповецкой губернии состоялась Чуровская районная выставка животноводства, на которой для участия во Всероссийской выставке были отобраны несколько голов крупного рогатого скота местной породы [5, с. 45—47].

Уже на этом этапе пришлось столкнуться с тем, что крестьяне неохотно соглашались принимать участие в выставках. Причины были разные: большие расстояния, необходимость

тратить время и деньги, привычное недоверие крестьянина к любому новому делу, нежелание показывать свое примитивное хозяйство или, наоборот, опасение прослыть излишне успешным хозяином. В связи с этим среди населения проводилась разъяснительная работа. Псковский выставочный комитет обращался к крестьянам-кустарям с призывом оставить «забаву и развлечение» и подготовиться к участию в выставке, чтобы не только получить награду, но и расширить возможности по сбыту кустарных изделий. При этом отмечалось, что малоимущие крестьяне могли рассчитывать не только на льготы по уплате продналога, но и на денежную помощь от выставочного комитета при условии, что их бедственное положение будет удостоверено волостными или уездными исполкомами [10, с. 26—27].

На выставочные комитеты была также возложена задача по отбору экскурсантов. Советская власть уделяла этому направлению деятельности особое внимание. Количество экскурсантов определялось по согласованию с Центром. Например, Череповецкой губернии было выделено 850 мест. На выставку в итоге отправились 820 чел., из них 25 ехали за свой счет. Нехватка средств была одной из главных причин того, что зачастую количество отправившихся в Москву экскурсантов было меньше квоты, которая выделялась губернии [11].

Средства формировались из нескольких источников. Половину всех расходов нес губернский выставочный комитет, получавший финансирование из Москвы, 25 % требуемой суммы выделяло губернское эконо, оставшиеся 25 % восполнялись за счет местных средств. По сведениям из Череповецкой губернии, на каждого экскурсанта необходимо было изыскать из местных средств по 3—4 руб. золотом [12].

Помимо оплаты половины стоимости проезда и путевого довольствия Главный выставочный комитет обеспечивал экскурсантам во время пребывания в Москве дешевое питание в столовых паевого кооперативного товарищества «Народное питание», бесплатное размещение в общежитиях и бесплатный проезд по городу на трамвае [11].

Для выбора экскурсантов и сбора средств на их отправку в Москву на местах созывались расширенные пленумы волостных и уездных исполкомов с участием представителей кооперативов и других организаций. Собирали необходимые средства, что называется, всем миром. Проводились «недели выставки», во время которых «все культурные силы деревни должны были объединить усилия по сбору средств». Организовывались спектакли, выручка от которых шла на нужды экскурсантов, приветствовались добровольные пожертвования от организаций и частных лиц [12; 13].

Дискуссия о том, кого отправить на выставку, развернулась на страницах провинциальной печати. Рекомендовалось набирать «лучших, наиболее развитых товарищей», которые, вернувшись домой, смогут поделиться полученным опытом. Особо отмечалось, что женщины должны составлять не менее $\frac{1}{10}$ от общего числа экскурсантов. По мнению одного из череповецких корреспондентов, женщины принадлежали к самой отсталой части населения и являлись тормозом в развитии деревни, но благодаря посещению выставки смогли бы понять выгоду новейших способов ведения хозяйства, после чего «повести за собой» мужей и братьев и помочь им в создании более современных хозяйств [13].

Социальный состав экскурсантов одной из волостей Череповецкой губернии выглядел следующим образом: 54% экскурсантов составляли крестьяне, 25% — учителя, 14,2% — рабочие. Беспартийными были 75% экскурсантов, 14% — членами РКП(б), 11% участников состояли в РКСМ. Уже посещали Петроград и Москву 45% экскурсантов, остальные ехали впервые. Самому молодому по возрасту участнику экскурсии было 17 лет, самому старшему — 55 лет. Средний возраст членов группы составил 32 года. Мужчин было 88,5% экскурсантов, женщин — 11,5% [14]. Однако часто крестьяне составляли меньшинство среди экскурсантов. Власти на местах объясняли это тем, что из-за плохой погоды многие крестьяне были все еще заняты сбором урожая и не могли оставить свои хозяйства [15; 16].

Рабочие преобладали среди экскурсантов из Петроградской губернии. Из 142 анкет петроградских рабочих, обработанных Главным выставочным комитетом на 1 сентября 1923 г., следовало, что женщины составляли 35% от общего числа экскурсантов, членами РКП(б) или РКСМ были 38% рабочих [2].

Работа по организации выставки шла как на местах, так и в центре, в Москве. Предполагалось, что выставку посетят до 120 тыс. крестьян-экскурсантов, а также около 225 тыс. жителей Московской губернии. Учитывая сложное экономическое положение в стране, организовать проезд, проживание и питание нескольких сотен тысяч людей в течение двух месяцев было непросто. В связи с этим к работе по приему экскурсантов и их размещению были привлечены трудовые коллективы. Рабочие Москвы взяли на полное содержание до 35% экскурсантов. Для их размещения в Москве были отремонтированы бывшие помещения фабричных корпусов. Общее количество мест, выделенных для проживания, составляло 13—14 тыс. [17].

Лекторское бюро Главного выставочного комитета проводило отбор и подготовку лекторов для ведения разъяснительной работы на выставке. Действовали курсы обучения экскурсоводов. Использовались студенты учебных заведений Москвы. Для работы с экскурсантами были привлечены 500 партработников, каждый из которых руководил группой из 50 чел. Экскурсантам вручались наборы из нескольких брошюр политического и культурно-просветительского содержания [17].

Экскурсанты должны были провести в Москве 5 дней. Для каждой группы разрабатывался особый маршрут, составлявшийся с учетом местных особенностей региона, из которого прибыли экскурсанты. Выставка проходила под лозунгом смычки города с деревней, поэтому особое внимание уделялось общению крестьян и рабочих [18].

Организационная подготовка к выставке в Северо-Западной области была завершена к апрелю 1923 г. Заявки на участие в выставке принимались до 15 мая 1923 г. [19, с. 28]. В начале августа 1923 г. выставочные комитеты начали отправку экс-

понатов в Москву [20]. В связи с поздним созревaniem урожая губернии Северо-Запада были вынуждены отправить часть экспонатов с опозданием. Отдел животноводства не имел возможности принять сразу всех животных, поэтому губернии и республики были разделены на три очереди. Северо-западные губернии относились ко второй очереди, поэтому отправку животных начали только в конце августа — начале сентября [21; 22, с. 12].

Семнадцатого августа 1923 г. Президиум ЦИК СССР изменил название выставки, которая с этого момента официально именовалась Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставкой СССР [23]. Торжественное открытие состоялось 19 августа. С приветственными речами выступили Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, Г. В. Чичерин, Л. Б. Красин [24].

Двадцатого августа на выставке побывали первые 5 тыс. экскурсантов. В период с 19 августа по 3 сентября 1923 г. Всесоюзную сельскохозяйственную выставку посетили свыше 50 тыс. экскурсантов, из них из провинции прибыли более 22 тыс. человек; преобладали крестьяне (6277) и рабочие (5006) [25; 26]. Среди первых посетителей выставки были экскурсанты из Петроградской губернии. Первая группа из 300 чел. отправилась на выставку 17 августа, вторая — 20 августа, третья — 23 августа. Сложнее обстояла ситуация с отправкой экскурсантов из остальных губерний Северо-Запада. В частности, все экскурсанты из Череповецкой губернии были отправлены в Москву одним эшеломом 9 сентября [27; 28]. В Москву они прибыли 14 сентября, сделав остановку в Петрограде, где посетили местные музеи и выставки сельскохозяйственных орудий, а также прослушали лекции петроградских профессоров. В губернию 820 экскурсантов, включая 522 крестьянина, вернулись 22 сентября [29].

По прибытии в Москву экскурсанты делились на группы по 50 чел. во главе с групповодами из числа московских рабочих или партийных деятелей. На осмотр выставки отводилась первая половина дня, в среднем не более 4 часов, вторая половина была посвящена общению и братанию с рабочими, посе-

щению столичных музеев, публичных лекций и митингов. Из пяти дней, отведенных на осмотр, три дня экскурсанты осматривали павильоны по заранее определенному маршруту, остальные два могли проводить на выставке по своему усмотрению [30; 31].

По отзывам крестьян, посетивших столицу, главным недостатком выставки была нехватка времени на осмотр. Отмечалось, что обилие павильонов, не связанных с сельским хозяйством, загромождало выставку и не позволяло сосредоточиться на важных для крестьянина вопросах. Наиболее интересными были признаны отделы животноводства, кустарный и иностранный [32, с. 18—20; 33].

Экспонаты Северо-Западной области были представлены в 14 отделах выставки. Одна из крупнейших экспозиций размещалась в отделе животноводства, которое рассматривалось как основа развития сельского хозяйства области. На выставку было прислано 25 голов крупного рогатого скота, а также 10 лошадей из Череповецкой, Псковской, Новгородской и Петроградской губерний. От Валдайского уезда Новгородской губернии были отправлены овцы, от Старорусского уезда той же губернии — свиньи. Псковская губерния направила на выставку партию гусей и кур [7, с. 70, 77—78].

Премирование экспонатов животноводства второй очереди состоялось 15 сентября. Скот из северо-западных губерний был отмечен на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке наградами I, II, III степеней. Пришекснинские коровы из Починковской волости Череповецкой губернии были удостоены двух наград I степени и одной награды II степени. Первую премию получили также улучшенные рысаки Чуровского племенного рассадника Череповецкой губернии [34; 35, с. 23—25].

Животноводство Северо-Запада также было представлено на выставке графическими экспонатами, в том числе плакатами, содержащими результаты обследования области, проведенного Петроградским центральным сельскохозяйственным обществом с целью выявления районов с продуктивным и

улучшенным местным скотом. Было выделено три основных района, два из которых несколько лет подвергались целенаправленному агрономическому воздействию, в том числе Чуровский район Череповецкой губернии, и территории, слабо затронутые агрономической работой. В каждом из районов было обследовано от 60 до 100 хозяйств. Специальные диаграммы характеризовали землепользование, скот и скотные дворы, обеспеченность хозяйств лугами и пашней и т. д. Для обсуждения результатов обследования было созвано специальное заседание комитета скотоводства Московского общества сельского хозяйства [35, с. 10—11].

Графическими экспонатами, а также образцами и моделями Северо-Западная область была представлена в целом ряде отделов выставки. В подразделе сельскохозяйственной экономики научно-просветительского отдела были размещены карты и диаграммы, отражающие основные экономические показатели области.

Свои экспонаты представили опытные станции Северо-Запада, в том числе Новгородская сельскохозяйственная болотная опытная станция и Псковская районная опытная станция. В отделе земледелия были размещены присланные Череповецким ГЗУ образцы семян пяти главных сельскохозяйственных культур губернии урожая 1922 г. (ячмень, овес, рожь, лен, красный клевер). Наряду с семенами в экспозиции присутствовали образцы злаковых культур, картофеля, а также экспонаты по огородничеству и плодоводству, присланные крестьянскими хозяйствами [7, с. 34—36, 53—59].

Крупная экспозиция была подготовлена для кустарно-промышленного отдела выставки. Члены комитета разделили местные кустарные промыслы на пять групп, проанализировав их современное положение и перспективы развития. На выставке были представлены женские художественные промыслы (кружевной, косыночный, строчечный), гончарно-керамические, валяльный, кожевенно-пошивочный, а также гармонный. Всего 135 экспонатов кустарно-промышленного отдела [7, с. 117, 122—124].

В отделе кооперации выставлялись модели и образцы продукции, а также результаты работы сельскохозяйственных обществ, Союза сельхозкооперации Северо-Западной области (Трудсоюз), Петроградского единого потребительского общества и др. В отделе землеустройства и колонизации были представлены результаты исследования, выполненного по заданию Главного выставочного комитета в мае 1923 г. На примере Косицкой волости Новгородского уезда, находившейся на стыке трех губерний, был обобщен и проанализирован опыт социалистического землеустройства и его влияние на сельское хозяйство. Изготовлены план и модель района с рельефом местности, диаграммы, изображающие землепользование крестьян до и после землеустройства. Эта экспозиция была отмечена почетным дипломом I степени [7, с. 135, 142; 36, с. 10—11].

Первая всесоюзная сельскохозяйственная выставка завершилась 21 октября 1923 г. Вместо ожидаемых 120 тыс. крестьян-экскурсантов выставку смогли посетить только 100 тыс. Сказались недостаток средств и продолжавшийся сезон полевых работ. Во время выставки для 14 тыс. слушателей было прочитано 108 лекций, организовано 3 «суда» над коровой, кустарем и старой избой, 12 диспутов на злободневные темы, связанные с сельским хозяйством. Были организованы 12 сельскохозяйственных митингов, участниками которых стали 50 тыс. человек, и 20 политических митингов, на которых присутствовали 200 тыс. человек. Семьдесят экспертных комиссий, в которых находилось 300 специалистов, изучили более 8000 экспонатов, из которых 3000 были премированы [37; 38].

На организацию Первой всесоюзной выставки были брошены лучшие силы еще неокрепшей после Первой мировой и Гражданской войн страны. Споры о том, насколько оправданным было решение об организации такого масштабного и дорогостоящего мероприятия в условиях экономической разрухи и бедственного положения большинства населения, продолжались и в период подготовки выставки, и во время ее работы. Однако стоит признать, что выставка имела громадное просве-

тительское значение для тысяч крестьян, которые впервые за долгие годы смогли увидеть, каким может и должно быть отечественное сельское хозяйство.

Список источников и литературы

1. *Десятый* Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов : стенографический отчет с приложениями. М., 1923.

2. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 2 сент.

3. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 20 сент.

4. *Положение* о местных комитетах Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом. М., 1922.

5. *Вестник* Главного выставочного комитета Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом. М., 1923. Вып. 2.

6. *Бюллетень* Всероссийского совещания о сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. 1923. №2.

7. *Обзор-путеводитель* Северо-Западной области на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве в 1923 году. Пг., 1923.

8. *Вестник* Главного выставочного комитета Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом. М., 1923. Вып. 1.

9. *Хозяйственный обзор* Северо-Западной области за 1922—1923 годы. Л., 1924.

10. *Крестьянин и рабочий, кооператор и кустарь!* // *Известия* Псковского Губсоюза и Губсельсоюза. 1923. №2 (14).

11. *Коммунист*. 1923. 8 сент.

12. *Коммунист*. 1923. 10 авг.

13. *Коммунист*. 1923. 3 авг.

14. *Коммунист*. 1923. 14 сент.

15. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 31 авг.

16. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 28 сент.

17. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 22 авг.

18. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 18 авг.

19. *Вестник* Главного выставочного комитета Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом. М., 1923. Вып. 3.
20. *Коммунист*. 1923. 2 авг.
21. *Коммунист*. 1923. 12 авг.
22. *Обзор* деятельности губернского исполнительного комитета за 1923 год. Новгород, 1923.
23. *Правда*. 1923. 19 авг.
24. *Правда*. 1923. 20 авг.
25. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 19 авг.
26. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 5 сент.
27. *Коммунист*. 1923. 6 сент.
28. *Красная звезда*. 1923. 18 авг.
29. *Коммунист*. 1923. 28 сент.
30. *Коммунист*. 1923. 28 авг.
31. *Правда*. 1923. 30 авг.
32. *Вестник* псковской кооперации. 1923. № 19-20 (7-8).
33. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 18 сент.
34. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 21 сент.
35. *Леопольдов А. В.* Крупный рогатый скот на первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 года. Материалы для характеристики отдельных групп скота. М., 1924.
36. *Участие* губсоюза во Всероссийской с.-х. выставке // *Известия* Псковского Губсоюза и Губсельсоюза. 1923. № 3 (15).
37. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 21 окт.
38. *Известия* ЦИК СССР. 1923. 23 окт.

**Аграрная политика и восстановление
сельского хозяйства Ростовской области
после освобождения от фашистской оккупации**

Рассматриваются вопросы истории восстановления сельского хозяйства Ростовской области в первые годы после освобождения от немецко-фашистской оккупации, анализируются проблемы, противоречия и динамика восстановительных процессов, определяются некоторые особенности аграрной политики.

The article examines the issues of the history of the restoration of agriculture in the Rostov region in the first years after liberation from the Nazi occupation, analyzes the problems, contradictions and dynamics of the restoration processes, identifies some features of agrarian policy.

Ключевые слова: СССР, Ростовская область, восстановление сельского хозяйства, аграрная политика

Keywords: USSR, Rostov region, restoration of agriculture, agrarian policy

История сельского хозяйства и села в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы всегда привлекала внимание историков [1]. Существенный вклад в изучение проблемы внесли такие историки советского периода, как В. Т. Анисков, Ю. В. Арутюнян, М. А. Вылцан, И. М. Вол-

ков, И. Е. Зеленин и другие [2—9]. Изучение проблемы продолжилось и в современной России [10; 11]. В литературе обстоятельно изучены ход восстановления сельского хозяйства, его региональные особенности, этапы и результаты возрождения села, направления, формы и методы реализации партийно-государственной аграрной политики.

В советской литературе успехи восстановления сельского хозяйства рассматривались как свидетельство жизненной силы социалистической колхозно-совхозной системы, руководящей роли правящей партии, трудового героизма и самопожертвования крестьянства. В современной литературе ход и результаты восстановления сельского хозяйства, роль колхозной системы в военной экономике оцениваются, как правило, критично [12, с. 24]. Однако при этом нередко отмечается и роль колхозной системы в мобилизации ресурсов на нужды обороны [13, с. 541].

Последствия оккупации на Дону оказались тяжелыми. Сельское хозяйство понесло огромные потери в технике, резко сократились площади возделываемых земель, снизилась урожайность сельскохозяйственных культур, уменьшились поголовье и продуктивность скота. В той или иной степени были выведены из строя сельскохозяйственные предприятия, МТС, животноводческие постройки, жилые дома.

Общая сумма ущерба, причиненного гражданам, колхозам, государственным предприятиям, учреждениям и организациям местного подчинения, была определена в 13 млрд 435 млн 287,7 тыс. руб., из которых колхозам — в 8 млрд 640 млн 201,1 тыс. руб., прочим отраслям сельского хозяйства, находящимся в ведении ОблЗО, — в 22 млн 528,5 тыс. руб. [14, ф. 9, оп. 53, д. 22, л. 1—2].

В области было уничтожено 15,5 тыс. животноводческих построек, разграблено и отобрано у колхозов, отдельных граждан, предприятий и учреждений 960 тыс. т зерновых и незерновых продуктов, 345 тыс. голов крупного рогатого скота, 139 тыс. голов лошадей, 289 тыс. голов свиней, 820 тыс. голов овец,

2831 тыс. голов разной птицы, 61 тыс. пчелосемей. Оккупант-ами уничтожено и вывезено 72 тыс. разных сельскохозяйственных машин и орудий [15, с. 63]. Если на 1 января 1941 г. в МТС и совхозах Ростовской области насчитывалось 15 545 тракторов, то на 1 декабря 1943 г. — 11 473, а на 1 января 1944 г. — 12 664 [16, ф. Р-4034, оп. 8, д. 1, л. 169—170]. Масштабы сокращения поголовья скота по колхозам отражены в таблице 1.

Таблица 1

Численность скота по Ростовской области (в колхозах)

Дата	Крупный рогатый скот			Свиньи	Овцы и козы	Лошади	
	Всего	В том числе коровы	Волы			Всего	В том числе рабочие лошади
01.01.1941 г.	497 671	108 206	142 854	265 348	1 162 365	226 460	57 538
01.12.1943 г.	188 175	33 173	59 072	30 450	387 189	40 993	22 239
%	37,8	30,7	41,4	11,5	33,3	18,1	38,7

Источник: [16, ф. Р-4034, оп. 8, д. 1, л. 170].

Возрождение колхозов и совхозов области начиналось по мере изгнания фашистских оккупантов и в одно время с восстановлением органов советской власти, партийно-хозяйственного аппарата. На освобожденной территории избирались правления и председатели колхозов, проходило восстановление актов на вечное пользование землей.

Как отмечалось в агрономическом отчете Ростовского областного земельного отдела за 1945 г., в 1943—1944 гг. была проделана большая работа по восстановлению энергетической базы МТС и колхозов, однако производственные возможности сельского хозяйства не соответствовали довоенному уровню (табл. 2).

Таблица 2

**Основные энергетические и производственные ресурсы области
в 1945 г. в сопоставлении с довоенным периодом**

Ресурс	Наличие		1945 г., % к 1940 г.
	1940	1945	
Тракторы (физические)	12 481	9 358	76
тракторы в переводе на 15-сильные	16 300	11 436	70
в том числе гусеничные в переводе на 15-сильные	6 742	3 764	56
гусеничные тракторы, % к общему парку	41	32	—
Рабочие лошади	139 800	22 700	16
Рабочие волы	143 000	87 600	60
рабочее тягло в пересчете на лошадь	235 132	81 396	35
Комбайны в пересчете на 15-футовый	6 196	3 000	48
Трудоспособные колхозники	480 444	288 770	60

Источник: [16, ф. Р-4127, оп. 1, д. 254, л. 19].

Как видно из материалов таблицы, тракторный парк в 1945 г. по своей мощности составлял лишь 70% к довоенному уровню, а удельный вес гусеничного тракторного парка снизился с 41% в 1940 г. до 32% в 1945 г. Отметим также, что в период оккупации и военных действий тракторный парк был целиком выведен из строя и восстанавливался в значительной мере путем реставрации изношенных деталей.

Количество живой тягловой силы составляло (в пересчете на лошадь) 35% к довоенному уровню. При этом к худшему изменилось качество живой тягловой силы: лучшие лошади в начале войны были отправлены на фронт, а значительное количество лошадей было угнано немецкими оккупантами.

Область испытывала большие затруднения с рабочей силой. Если до войны количество трудоспособных колхозников

(16 лет и старше) составляло 480 тыс. человек, то в 1945 г. оно уменьшилось до 289 тыс. человек. При этом лучшее трудоспособное население находилось в армии, многие работали на восстановлении транспорта, угольной промышленности и др.

Нагрузка на одного трудоспособного в полеводстве повысилась: если в 1940 г. на одного трудоспособного колхозника приходилось 0,95 га пропашных трудоемких культур, то в 1945 г. — до 1,15 га.

Большим тормозом в проведении сельскохозяйственных работ в 1945 г. был недостаток инвентаря для тракторной и конной тяги. В период войны сельскохозяйственные машины и орудия в значительном количестве были разбиты и уничтожены [16, ф. Р-4127, оп. 1, д. 254, л. 19—20].

В результате показатели урожайности по основным сельскохозяйственным культурам в 1945 г. не были выполнены и намного отставали от довоенного уровня (табл. 3), что сказалось на выполнении государственных поставок, на создании общественных фондов и на выдаче хлеба колхозникам по трудодням.

Таблица 3

Урожайность по основным сельскохозяйственным культурам (1945)

Наименование культур	Урожай, ц с га				Урожай в 1945 г., % к 1940 г.
	1940	1944	1945		
			План	Факт	
Озимая рожь	11,6	11,5	8,0	6,6	57
Озимая пшеница	14,3	14,2	10,2	7,5	53
Яровая пшеница	10,1	11,0	7,1	7,5	74
Ячмень	15,5	12,4	9,2	7,9	51
Овес	12,0	10,4	8,0	7,0	62
Просо	11,1	5,1	7,5	4,8	43

Окончание табл. 3

Наименование культур	Урожай, ц с га				Урожай в 1945 г., % к 1940 г.
	1940	1944	1945		
			План	Факт	
Кукуруза	14,4	5,0	9,0	5,7	40
Средняя по зерновым	12,8	10,3	8,5	7,1	56
Подсолнечник	9,4	5,9	6,5	5,5	58
Лен масличный	5,2	4,1	3,8	3,8	73
Клещевина	5,7	2,4	4,0	2,0	35
Картофель	64,0	38,1	55,0	36,0	56

Источник: [16, ф. Р-4127, оп. 1, д. 254, л. 94].

Общий план сдачи зерновых культур государству был выполнен колхозами области только на 78%, вместо 730,673 тыс. т было сдано 571,985 тыс. т. Натуроплата МТС по государственному плану выполнена на 94,9%, то есть при плане 229,328 тыс. т сдано 217,698 тыс. т. По сведениям же годового отчета план натуроплаты был выполнен всего лишь на 89% — вместо 251,5 тыс. т, предусмотренных промфинпланом МТС, сдано 224,07 тыс. т [16, л. 94]. В 1946—1947 гг. состояние сельского хозяйства не улучшилось. Между тем в апреле 1944 г. постановлением облисполкома и бюро обкома ВКП(б) был утвержден перспективный план восстановления хозяйства Ростовской области, который предусматривал достижение в 1946 г. довоенных размеров полеводства и урожайности сельскохозяйственных культур, а также восстановление поголовья животных в 1947 г. Однако это решение выполнить не удалось.

Для более подробной характеристики состояния сельского хозяйства области к началу 1945 г. воспользуемся Сводным годовым отчетом 1839 колхозов (из имеющихся 1840) Ростовской области за 1944 г. В документе отмечалось, что вследствие мобилизации в армию и промышленность количество мужчин в трудоспособном возрасте с 49,3 тыс. человек в 1943 г. снизилось до 44,4 тыс. человек в 1944 г.; женщин соответ-

венно с 254,5 тыс. до 244,4 тыс.; общее количество работающих в 1944 г. составило 475,8 тыс. человек против 505,6 тыс. в 1943 г.

Однако количество выработанных трудодней с 89052 тыс. в 1943 г. возросло до 108 684,7 тыс. в 1944 г., а среднее количество трудодней на одного работающего колхозника со 176 увеличилось до 228, или на 22,8% [16, ф. Р-4034, оп. 8, д. 60, л. 2]. Причем выработало до 100 трудодней 27,3% колхозников в 1943 г. и 15,2% в 1944 г.; от 101 до 200 — соответственно 35,9 и 29,0%; от 201 до 300 — 20,5 и 27,3%; от 301 до 400 — 8,9 и 15,2%; свыше 400 — 7,4 и 13,3%. Таким образом, наряду со снижением числа колхозников с небольшой выработкой наблюдался относительный рост числа колхозников с более высокой выработкой. Общий рост производительности труда сопровождался сокращением числа трудоспособных колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней: в 1943 г. их было 66,6 тыс. человек, в 1944 г. — 26,6 тыс.

Колхозы области в 1944 г. получили урожай зерновых культур в 10,4 ц с га, сдали государству зерновых в размере 6734,6 тыс. ц против 2260 тыс. ц в 1943 г. Благодаря хорошему урожаю зерновых и росту численности продуктивного скота увеличились денежные доходы колхозов от растениеводства и животноводства: с 183 370 тыс. руб. в 1943 г. до 270 905,4 тыс. руб. в 1944 г. Средняя выдача на трудодень (без трактористов) составила в 1944 г. 930 г зерна против 183 г в 1943 г. [16, ф. Р-4034, оп. 8, д. 60, л. 2].

Однако в результате недополучения денежных доходов колхозы остались должны своим членам около 70 млн руб., а средняя выдача на трудодень составила всего 1 руб. 30 коп., оставшись почти на уровне 1943 г. Дополнительная оплата труда была начислена 9763 чел., или 2% участвовавших в работах [16, ф. Р-4034, оп. 8, д. 60, л. 3—4]. Аналогичные проблемы и трудности отмечались и в годовых отчетах 1945—1947 гг. [16, ф. Р-4034, оп. 8, д. 143].

Война потребовала напряжения всех сил страны, мобилизации людских и материальных ресурсов деревни в небывалых размерах, в том числе и потому, что враг захватил огромные

территории традиционно аграрных регионов. Главнейшей задачей аграрного сектора после освобождения от оккупации было производство как можно большего количества продовольствия и сырья. Вот почему сразу после освобождения аграрных регионов, к которым принадлежала и Ростовская область, перед их тружениками государство ставило огромные задачи по обеспечению армии продовольствием и фуражом, снабжению сырьем промышленности, созданию устойчивых государственных резервов хлеба и продовольствия.

Для решения этих проблем в условиях сокращения сельского населения, острого недостатка квалифицированных кадров агрономов, зоотехников и других специалистов, уменьшения численности продуктивного и тяглового скота, снижения уровня механизации и агротехники, сокращения посевных площадей, снижения урожайности и валового производства сельхозпродукции партийно-государственное руководство делало ставку на максимальное использование всех ресурсов колхозов, совхозов, сельского населения, а также организационно-хозяйственное укрепление хозяйств. Остановимся далее на вопросе об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и выполнении колхозниками обязательного минимума трудодней.

В постановлении облисполкома и бюро обкома ВКП(б) от 3 июля 1945 г. «О наличии в ряде районов крупных недостатков в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов» отмечалось, что трудовая дисциплина в ряде колхозов поставлена неудовлетворительно; в 1944 г. по колхозам не выработана обязательного минимума трудодней 10% всего количества взрослых трудоспособных колхозников. Многие колхозники, не выработавшие по неуважительным причинам минимума трудодней, к ответственности не привлекались.

Далее в постановлении отмечалось, что на 1 мая 1945 г. задолженность колхозов по отчислениям в неделимые фонды составила 14,9 млн руб. Имелись факты незаконного расходования средств из неделимых фондов. Во многих колхозах отмечен значительный перерасход трудодней на содержание административно-управленческого и обслуживающего персонала. Некоторые председатели колхозов незаконно расходовали

трудодни. Многие колхозники имели излишки земли под приусадебными участками. В колхозах не был наведен порядок в землепользовании, встречались многочисленные факты «разбазаривания» колхозных земель. Некоторые исполкомы райсоветов и райкомы ВКП(б) не следили за соблюдением устава сельхозартели и сами грубо нарушали его. Бывший председатель колхоза им. Сталина Сальского района без разрешения правления колхоза отпускал организациям и частным лицам поросят, овец, масло, вино, фрукты и другие продукты.

В постановлении отмечена необходимость установить контроль за охраной колхозной собственности, запретить незаконную продажу колхозами различным организациям и лицам материальных ценностей, обеспечить контроль за соблюдением норм приусадебных участков и поголовья скота в личном пользовании колхозников. Предлагалось неукоснительно привлекать к ответственности уличенных в хищении и порче социалистической собственности, самозахватах земельных участков, допускающих попустительство в нарушении устава сельхозартели и закона от 7 августа 1932 г. «Об охране социалистической собственности». Осуждалась как противозаконная практика организация за счет колхозов «подсобных» хозяйств районными организациями [14, ф. 9, оп. 1, д. 607, л. 11—12].

Как свидетельствуют архивные документы, отмеченные в постановлении недостатки были широко распространены на протяжении всех послевоенных лет, что, конечно, негативно сказывались на выполнении планов поставок государству продовольствия и сырья, на темпах восстановления сельского хозяйства. Нарушители действующего законодательства, Устава сельхозартели из числа и рядовых, и руководящих работников активно привлекались к партийной, административной и уголовной ответственности, но искоренить порочную практику не удавалось. Подпадающие под признаки нарушения определенных юридических и партийно-политических норм практики можно объяснить полуголодным существованием людей, не получавших адекватного вознаграждения за свой труд в условиях небывалого хозяйственного разорения и напряжения всех сил.

Возрождение сельского хозяйства в первые годы после освобождения области проходило невысокими темпами. Так, посевные площади в колхозах области в 1947—1948 гг. не достигли уровня 1940—1941 гг., за исключением существенного роста (140%) посевных площадей под картофелем в 1948 г. по сравнению с 1941 г. [16, ф. Р-4127, оп. 1, д. 728, л. 24], что вполне объяснимо возросшими продовольственными трудностями. Урожайность по всем зерновым, техническим культурам, а также картофелю в 1945—1947 гг. была ниже урожайности 1941 г., хотя и выше показателей крайне тяжелого 1943 г. [16, ф. Р-4034, оп. 8, д. 1, л. 66].

Таким образом, аграрному сектору Ростовской области за годы войны и оккупации был нанесен огромный ущерб. Несмотря на отдельные достижения в восстановлении сельского хозяйства, положительную динамику восстановления посевных площадей, поголовья скота, рост производства продукции, сельское хозяйство региона не смогло достичь довоенных показателей в растениеводстве и животноводстве к концу 1940-х гг.

Вместе с тем полагать, что в условиях разорения и запредельного перенапряжения сил селян колхозы и совхозы могли восстановить довоенные объемы производства уже в первые годы после войны, нет никаких оснований. В условиях разрушения производительных сил и продолжавшегося изъятия сельхозпродукции на нужды фронта, промышленности, городов, создания ядерного щита, поддержки государств-союзников, восстановление сельскохозяйственного производства не могло происходить быстрыми темпами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-09-43020: «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922—1991)».

Список источников и литературы

1. *Анисков В. Т.* Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне: историографический очерк. М., 1979.

2. *История советского крестьянства* : в 5 т. М., 1987. Т. 3 : Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945.

3. *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.

4. *Анисков В. Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Волгогда ; Ярославль, 1998.

5. *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 годах. М., 1972.

6. *Маркусенко И. С.* Колхозное крестьянство Ростовской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.

7. *Дубонос Д. И.* Деятельность Коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1945—1950 гг.). Ростов н/Д, 1970.

8. *Негодаев В. Ф.* Истоки возрождения : исторический очерк. Ростов н/Д, 1979.

9. *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР (1941—1950). М., 1969.

10. *Бондарев В. А.* Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краёв). Ростов н/Д, 2005.

11. *Хисамутдинова Р. Р.* Аграрная политика Советского государства после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Оренбург, 2003.

12. *Вылцан М. А.* Крестьянство России в годы большой войны 1941—1945. Пиррова победа. М., 1995.

13. *Мотревич В. П.* Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2021.

14. *Государственное* казенное учреждение Ростовской области «Центр документации новейшей истории Ростовской области».

15. *Ростовской области — 70 лет* : сб. док. Ростов н/Д, 2007.

16. *Государственный архив* Ростовской области.

Сталинский план преобразования природы и некоторые итоги его реализации

Рассматривается сталинский план преобразования природы как направление аграрной политики советского государства в первые послевоенные годы. Показаны масштаб проекта и раскрываются проблемы его реализации.

The article considers the Stalinist plan for the transformation of nature as a direction of the agrarian policy of the Soviet state in the first post-war years. The scale of the project is shown and the problems of its implementation are revealed.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, колхозы, МТС, севообороты, урожайность, орошение

Keywords: agrarian policy of the Soviet state; collective farms; MTS; crop rotations, yields; irrigation

Одной из основных несущих конструкций советской экономики послевоенного времени было сельское хозяйство. В значительной мере за счет перераспределения трудовых и материальных ресурсов деревни правительство получало возможность реализовывать масштабные социально-экономические проекты, поддерживать и укреплять статус СССР как военной сверхдержавы. В условиях послевоенного времени мобилизационные методы развития аграрного сектора экономики уже не давали ожидаемого эффекта; нехватку материально-техни-

ческих и финансовых ресурсов нельзя было подменить многочисленными директивами центральной власти. Данное обстоятельство в полной мере проявилось в аграрной политике коммунистической партии, во взаимоотношениях государства и колхозов. Намеченные параметры развития сельскохозяйственного производства в годы первой послевоенной пятилетки оказались невыполнимыми, между целями и средствами их достижения находилась целая пропасть.

В годы Великой Отечественной войны экономика страны работала в мобилизационном режиме. Советский Союз превратился в «военный лагерь». Государственная власть сумела добиться единства фронта и тыла, ценой неимоверных усилий населения была решена задача снабжения армии и флота вооружением, снаряжением, боеприпасами и продовольствием.

В послевоенное время советскому государству предстояло ответить на новый вызов: обеспечить поступательное социально-экономическое развитие страны в условиях исторического соревнования с ведущими державами Запада. Стратегию правительственного курса озвучил И. В. Сталин в феврале 1946 г. на встрече с избирателями Москвы. В ближайшую пятилетку предстояло восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и превзойти его, расширить производство предметов потребления, обеспечить подъем жизненного уровня трудящихся [1].

Экономическая политика правительства нашла свое выражение в четвертом пятилетнем плане развития народного хозяйства (1946—1950). Предусматривалось увеличить промышленное производство к концу пятилетки на 48% по сравнению с довоенным уровнем. Вложения в промышленную сферу определялись в сумме 157,7 млрд руб. В сельском хозяйстве к концу пятилетки намечалось превзойти довоенный объем производства на 27%. По плану капиталовложения государства в сельское хозяйство определялись в размере 19,9 млрд руб., а колхозов — 38 млрд руб. [2, с. 252, 254, 273—274].

Всего на развитие народного хозяйства в 1946—1950 гг. планировалось направить 215,6 млрд руб., из них 57,9 — в аграрный сектор. На первый взгляд, в условиях восстановительного периода доля инвестиций в сельское хозяйство — почти 27% — близка к оптимальной. Вот только вложения колхозов в объеме 38 млрд руб. — это произвольно установленные показатели. Реально такими финансовыми возможностями колхозы не обладали. Если же учитывать удельный вес государственных средств, запланированных на развитие сельского хозяйства, то они составляли лишь 11% от объема инвестиций в экономику страны. В правительственном курсе аграрный сектор в целом и колхозы в частности определялись как доноры, за счет перераспределения их ресурсов предполагалось решать приоритетные задачи в области внутренней и внешней политики.

В первые послевоенные годы колхозная деревня жила в муках. Нехватка рабочих рук, живого тягла, машин и почвообрабатывающих орудий ставила судьбу урожая в прямую зависимость от погодных условий. Примитивная агротехника не могла гарантировать даже простого воспроизводства. В 1946 г. разразилась настоящая катастрофа, когда сильнейшая засуха охватила основные житницы страны. В результате сбор зерна сократился даже в сравнении с 1945 г. почти на 20% [3, с. 100]. В стране начался массовый голод.

Для выработки антикризисных мероприятий по сельскому хозяйству в феврале 1947 г. созывается пленум ЦК ВКП(б), что уже само по себе стало чрезвычайным событием в общественно-политической жизни СССР. Выделяя зерновую проблему как главную, пленум определил ее решение в рамках улучшения работы машинно-тракторных станций (МТС). На них возлагалась основная ответственность за повышение культуры земледелия и увеличение производства сельскохозяйственной продукции на базе интенсификации труда. Речь шла о повышении качества обработки почвы, введении травопольных севооборотов, переходе к сортовым посевам, ликви-

дации засоренности полей, широком использовании удобрений и т. д. Но при этом одной из главных установок государственной политики было восстановление посевных площадей.

В итоге складывается парадоксальная ситуация: производственная система «МТС — колхозы» ориентировалась на интенсификацию земледелия при одновременном расширении пахотного клина. В реалиях колхозной деревни второй половины 1940-х гг. это была непосильная задача, и попытка ее решения заводила производственную систему в тупик. Совместная работа МТС и колхозов должна была строиться на основе договорных отношений, нацеленных на оптимизацию совместных усилий по обработке почвы. В действительности завышенные государственные планы работ не выполняли ни колхозы, ни машинно-тракторные станции. При данных обстоятельствах агротехника возделывания сельскохозяйственных культур отодвигалась на задний план, важнейшие операции, такие как предпосевное боронование почвы, культивация, лущение, обработка паров, выполнялись без соблюдения каких-либо сроков. В результате польза от такой работы была невелика [4, с. 9, 33, 35, 37].

Перед началом сезона полевых работ партийно-государственное руководство требовало от МТС и колхозов расширения посевной площади, а затем все внимание уделяло проведению уборочных работ и выполнению заданий по госпоставкам. При таком подходе главным критерием эффективности в деятельности тракторных бригад становился объем произведенных полевых работ, определяемый в гектарах условной (мягкой) пахоты. От этого зависело финансирование МТС и оплата труда механизаторов. На предпосевную подготовку почвы и уход за посевами сил не хватало. Судьба урожая во многом зависела от природно-климатических условий.

Средства массовой информации замалчивали ужасающие последствия неурожая 1946 г. Это была государственная тайна. И по сей день невозможно назвать точное число жертв массового голода 1946—1947 гг. В то же время неурожай 1946 г.

заставил руководство страны внести коррективы в аграрную политику. Принимались меры, призванные предотвратить неблагоприятные природно-климатические последствия за счет повышения культуры земледелия. Февральский пленум ЦК партии 1947 г. потребовал к началу 1950-х гг. во всех колхозах и совхозах ввести севообороты, улучшить обработку пахотных земель, использовать удобрения и т. д.

Засуха 1946 г. поразила один из самых благодатных районов России — Центральное Черноземье. Правительство пыталось создать своего рода гарантии для будущих урожаев. В 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление о развитии орошения и полезащитного лесонасаждения во всех центрально-черноземных областях — Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской. Через год подобный проект был принят в масштабах всей страны. Двадцатого октября 1948 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР».

Это был грандиозный проект, нацеленный на радикальное изменение условий ведения сельского хозяйства. Центральное место в нем занимало полезащитное лесоразведение и орошение. «Сталинский план преобразования природы» в 1949—1965 гг. предусматривал за счет государственного бюджета создать восемь лесных полос в степных и лесостепных районах общей протяженностью свыше 5300 км. В «план» по выращиванию полезащитных лесополос и строительству водоемов включались и колхозы: им предстояло посадить 3592,5 тыс. га, или 63 %, всех полезащитных лесонасаждений и построить 41 300, или 93 %, — прудов и водоемов [5, с. 80].

Однако колхозы не имели машин и механизмов и полностью зависели от машинно-тракторных и специализированных лесозащитных станций. Оплата тракторных работ по полезащитному лесоразведению производилась по государственным

расценкам. Но денег не имели даже относительно крепкие колхозы. В результате финансирование работ мелиоративных тракторных отрядов осуществляло само государство, выделяя колхозам целевые ссуды. Тем самым правительство принуждало колхозы финансировать реализацию «плана преобразования природы».

Реализация «плана преобразования природы» проходила в основном в 1948—1953 гг. В условиях ограниченности ресурсов страны это был крайне нерациональный и расточительный с финансово-экономической точки зрения проект. План был невыполним, так как в послевоенной стране для него не было средств. План был не нужен, поскольку не водный баланс определял уровень сельского хозяйства [6, с. 613]. Путем проведения разовых мероприятий было невозможно изменить климат и вывести из прорыва сельское хозяйство. Более того, исполнение правительственных директив нередко представляло собой борьбу с природой. В этом плане показательна ситуация в Тамбовской области.

Руководство Тамбовской области в лице секретаря обкома партии А. М. Школьников и председателя облисполкома П. Ф. Морозова в обращении в ЦК КПСС от 6 сентября 1954 г. (пусть задним числом) вынуждено было признать ошибочность проводимого ими в жизнь «плана преобразования природы»: «Как показала практика, орошаемое земледелие в Тамбовской области, в том виде как оно создано, совершенно неприемлемо, и оно себя не оправдало. ... На поливных землях колхозы получают урожаи такие же или даже ниже, чем на обычных землях. В то же время эксплуатация орошаемых участков обходится очень дорого — требуются дорогостоящее топливо, квалифицированные кадры, большие затраты на ежегодное устройство оросительной сети. Орошаемое земледелие потеряло всякое значение в глазах колхозников» [7, ф. 5, оп. 46, д. 22, л. 81].

Положение в Тамбовской области является прекрасным образчиком того, как в нищей послевоенной деревне «закапы-

вались в землю» колоссальные деньги без всякой надежды на отдачу. В колхозах области было «сдано» 27 тыс. га орошаемых земель, из которых почти половина никогда не эксплуатировалась вследствие ошибок, допущенных при проектировании и строительстве. Проектирование и строительство орошаемых участков велись наспех, неправильно производился отбор земель, допускались грубые ошибки в выборе способов полива, а главное — совершенно не принималась во внимание экономическая целесообразность поливного земледелия. Во многих колхозах для поливного земледелия отводились самые худшие и наиболее удаленные от населенных пунктов земли [7, ф. 5, оп. 46, д. 22, л. 82].

Итог предпринятых мер был печален. Более 12 тыс. га орошаемых участков оказались совсем непригодными для поливов из-за неровного рельефа, недостатка воды и прочих дефектов, 3 тыс. га не использовались из-за малой мощности насосных установок, а еще строительство 5,2 тыс. га было начато, но не завершено. Многие площади из оставшихся 7 тыс. га орошаемых земель также не использовались в силу большой удаленности от населенных пунктов, отсутствия механизированного полива и необеспеченности рабочей силой. В средней полосе России сама идея бороздкового полива посеваемых культур воспринималась колхозниками как абсурдная.

«План преобразования природы» предусматривал создание огромного количества прудов и водоемов. В колхозах Тамбовской области их было построено 626. Но каков был эффект? Оказывается, для хозяйственных целей могло быть использовано только 150 водоемов. Весенним паводком были разрушены 153 пруда; 78 стали непригодными из-за фильтрации (уходила вода), а 246 — из-за отсутствия водосбросов.

На строительство прудов и орошаемых участков колхозы Тамбовской области затратили только государственных средств 137,7 млн руб., в том числе 121,6 млн руб. за счет кредита Сельхозбанка и 16,1 млн руб. задолжали машинно-тракторным станциям. Создалась ситуация, когда колхозы не

смогли привлечь дополнительные заемные средства на развитие полеводства и животноводства. Многие колхозы были не в состоянии обслуживать долг. В 1954 г. задолженность колхозов по выплате процентов Сельхозбанку, образовавшаяся в связи со строительством водоемов и орошаемых участков, превысила 3 млн руб. [7, ф. 5, оп. 46, д. 22, л. 82—83].

Учитывая тот факт, что инициатива такого строительства исходила со стороны государства, а решения по реализации «плана преобразования природы» фактически носили директивный характер, руководители области пытались добиться списания образовавшихся долгов. Они обратились в ЦК КПСС с просьбой списать с колхозов убытки в размере 137,7 млн руб., понесенные в связи с претворением в жизнь этой программы [7, ф. 5, оп. 46, д. 22, л. 83—84].

В аграрной политике советского государства в первые послевоенные годы самое пристальное внимание уделялось восстановлению посевных площадей в колхозах и совхозах и подъему земледелия. Однако валовые сборы и урожайность зерновых культур росли медленно. Урожайность зерновых в колхозах страны была очень низкой, в среднем за 1948—1950 гг. она составляла 6,6 ц с га [8, с. 117].

До решения зерновой проблемы было еще далеко. Но в официальных данных того времени давались показатели урожайности и валового сбора зерновых с включением в них всевозможных потерь при уборке, которые базировались на так называемой «видовой урожайности», определявшейся на корню примерно за неделю до уборки сельскохозяйственных культур. Разрыв между биологической и амбарной урожайностью в то время был особенно велик, так как из-за недостатка рабочей силы и машин уборка затягивалась, значительная часть площадей убиралась с большим опозданием, когда зерновые уже начинали осыпаться. В итоге допускались большие потери зерна.

Использование показателей видовой урожайности на колхозных полях создавало видимость благополучия в главной

отрасли сельскохозяйственного производства. В 1948 г. ЦСУ СССР сообщило о сборе 7 млрд пуд. зерновых, что означало достижение довоенного уровня. Руководство страны сделало вывод о решении зерновой проблемы [9, с. 341]. В действительности среднегодовой валовой сбор зерна в 1949—1953 гг. составлял 4,9 млрд пуд., а рубеж в 7 млрд удалось перешагнуть лишь в 1956 г. [8, с. 157].

Производство зерна является базовой отраслью сельского хозяйства. Государственный план восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг. предусматривал значительное увеличение производства зерна с тем, чтобы к концу пятилетия довести годовой сбор зерна до 127 млн т при достижении средней урожайности в 12 ц с г [2, с. 273]. Вопрос увеличения урожайности и валового сбора зерна находился в центре внимания февральского пленума ЦК ВКП(б) 1947 г., занимал важное место в ряде последующих решений Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). В конце четвертой пятилетки сельское хозяйство страны почти достигло довоенного уровня по размерам посевных площадей под зерновыми культурами, но далеко отставало от него по объему валового сбора зерна. Даже в благоприятном по погодным условиям для многих областей 1950 г. было собрано зерна на 14,4 млн т меньше, чем перед войной [8, с. 148].

В аграрной политике советского государства первых послевоенных лет колхозы занимали центральное место. Иначе и быть не могло, так как колхозное производство — основа аграрного сектора национальной экономики. Правительственная политика в деревне носила мобилизационный характер. Ее концептуальной базой стало положение о безграничном запасе прочности колхозного строя и его неиссякаемых возможностях. Перераспределение ресурсов сельского хозяйства носило запредельный характер и не позволяло вести расширенное воспроизводство. Слабость материально-технической базы не позволяла перевести колхозное производство на индустриаль-

ные рельсы и обусловила низкую производительность труда. Сталинский план преобразования природы не мог изменить положение дел в деревне.

Список источников и литературы

1. *Сталин И. В.* Речь на предвыборном собрании избирателей сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. // Социалистическое сельское хозяйство. 1946. № 1-2.

2. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам* : в 5 т. 1917—1967 гг. : сб. док. за 50 лет. М., 1968. Т. 3 : 1941—1952.

3. *История советского крестьянства* : в 5 т. М., 1988. Т. 4 : Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 — конец 50-х годов.

4. *Андреев А. А.* О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б). М., 1947.

5. *Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР*. 1948. № 6.

6. *Аврех А. Л., Канищев В. А.* «Зеленая революция» или Напасть. Очерки по истории Сталинского плана преобразования природы в Тамбовской области. Тамбов, 2011.

7. *Российский государственный архив новейшей истории.*

8. *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 гг. М., 1972.

9. *Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам*. 1917—1957 годы. М., 1958. Т. 3 : 1946—1952 годы.

**Неквалифицированные работники
сельскохозяйственных предприятий
Центрального Черноземья
в условиях аграрной реформы 1990-х годов
(социально-экономический аспект)**

Анализируется социально-экономическое положение неквалифицированных работников сельхозпредприятий в годы аграрной реформы 1990-х гг. На основе статистических данных и результатов социологических опросов выявлены особенности воспроизводства данной социальной группы, а также изменения, произошедшие в структуре доходов неквалифицированных работников в пореформенный период.

The article is devoted to the analysis of the socio-economic situation of unqualified agricultural workers during the agrarian reform of the 1990s. On the basis of statistical data and the results of sociological surveys, the peculiarities of reproduction of this social group, as well as changes that occurred in the income structure of unskilled workers in the post-reform period are revealed.

Ключевые слова: аграрная реформа, Центральное Черноземье, сельскохозяйственные предприятия, фермерские хозяйства, неквалифицированные работники, воспроизводство социальной группы, доходы

Keywords: agrarian reform, Central Chernozem region, agricultural enterprises, farms, unskilled workers, reproduction of a social group, income

Социальная группа неквалифицированных сельскохозяйственных работников объединила в себе представителей массовых профессий, занятых физическим трудом в растениеводстве и животноводстве. Осуществление ручного труда, а также отсутствие каких-либо специальных знаний, умений, властных полномочий являются отличительными признаками данной социальной группы. Профессиональный состав группы характеризуется большим разнообразием, в него входят скотники, доярки, телятницы, свиноводы, птичники, пастухи, помощники комбайнера, прицепщики. Неквалифицированные сельскохозяйственные работники оформились в самостоятельную социальную группу в колхозно-совхозный период. Они гораздо дольше других категорий сельскохозяйственного населения сохраняли близость к традиционному крестьянскому образу жизни. Однако за время колхозно-совхозного строя в результате раскрестьянивания произошла их трансформация в группу наемных работников.

До начала реформы к неквалифицированным сельскохозяйственным работникам относились только работники колхозов и совхозов. В 1990-е гг. в связи с изменением структуры сельскохозяйственных товаропроизводителей данная социальная группа условно разделилась на две части: работники сельхозпредприятий и наемные работники фермерских хозяйств.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., доля неквалифицированных работников сельского хозяйства в общей численности сельского населения, занятого в экономике, составляла 15% [5, с. 12].

Воспроизводство социальной группы. В пореформенный период в сельхозпредприятиях произошло заметное уменьшение численности рабочих кадров массовых профессий. С 1990 по 2002 г. количество неквалифицированных работников сократилось в 1,9 раза (или на 48%) [3, с. 31]. Причинами сокращения стали, во-первых, уход части работников в фермеры, во-вторых, демографический фактор. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. значительная часть работников массовых профес-

сий вступила в предпенсионный возраст, вследствие чего ежегодно стали высвобождаться рабочие места. Об этом свидетельствует соотношение работающих и пенсионеров в сельхозпредприятиях Тамбовской области: если в начале 1990-х гг. оно составляло 1 : 1, то к 2000 г. это соотношение уже доходило до 1 : 3 или 1 : 4 [10, с. 42]. Однако восполнения данной социальной группы за счет притока молодых кадров не происходило, поскольку молодежь предъявляла более высокие требования к зарплате, условиям и уровню технической оснащенности труда, наличию возможных перспектив — удовлетворение этих потребностей в городе было более реальным. Еще одна причина сокращения численности неквалифицированных сельскохозяйственных работников заключалась в их низкой трудовой дисциплине. Результаты социологического обследования сельхозпредприятий и фермерских хозяйств ряда областей, включая Тамбовскую, показали, что в 2001 г. более 80 % всех увольнений постоянных работников и 20 % всех увольнений временных работников сельхозпредприятий составляли увольнения по причине низкой трудовой дисциплины (прогулы, пьянство, опоздания). В фермерских хозяйствах ситуация была диаметрально противоположна: здесь по той же причине было уволено 20 % от общего числа уволенных постоянных работников и более 80 % — от общего числа уволенных временных работников. Такое расхождение объясняется тем, что в сельхозпредприятиях в основном трудились постоянные, а у фермеров — временные работники.

Низкая трудовая дисциплина явилась также причиной частой сменяемости кадров и, как следствие, постоянной потребности сельхозпредприятий и фермерских хозяйств в неквалифицированной рабочей силе. В 2001 г. почти 60 % опрошенных руководителей сельхозпредприятий и фермеров Тамбовской области нуждались в найме неквалифицированных работников и лишь 10 % — в найме квалифицированных кадров [6]. Фермерские хозяйства чаще сельхозпредприятий нанимали неквалифицированных работников, так как рабочая

сила им требовалась лишь эпизодически для выполнения разовых несложных сельскохозяйственных операций. Поэтому при найме рабочей силы им важнее было своевременно и недорого нанять работников, пусть и худшего качества, тем более что всегда сохранялась возможность без особых проблем заменить одних работников на других. Избыток неквалифицированной рабочей силы, оформившийся в пореформенный период, легко позволял им это делать. Неквалифицированных работников увольняли, как правило, в первую очередь, а снова устроиться на работу им удавалось не сразу. «Теперь мало рабочих мест, где можно работать без образования, — сетовали сами работники, — а раньше был совхоз, леспромхоз, мехколонна» [4].

Удельный вес неквалифицированных рабочих сельхозпредприятий в общей численности механизаторских кадров в период с 1996 г. по 2001 г. практически не изменился и составлял примерно 40%. В структуре животноводческих кадров доля неквалифицированных работников была гораздо выше, поскольку эта отрасль была менее механизирована. В 1996 г. она равнялась 75%, а в 2001 г. увеличилась до 78,4% [6].

Доходы. В финансовом отношении неквалифицированные работники были одной из самых уязвимых социальных групп сельскохозяйственного населения. Основными источниками их доходов являлись заработная плата, доходы от ведения личного подсобного хозяйства, получение помощи от сельхозпредприятия, доходы от собственности, социальные пособия.

Значительную часть доходов неквалифицированных работников составляла зарплата. С этим источником были связаны две существенные проблемы. Первая из них заключалась в том, что размер зарплаты в рассматриваемый период был крайне низким. В пореформенный период по уровню оплаты труда (особенно это касалось рабочих профессий) сельское хозяйство находилось на последнем месте среди остальных отраслей социальной и экономической сфер. В 1999 г. средняя зарплата в сельском хозяйстве составила 57,4% от прожиточного уровня [2, с. 292], иными словами она даже не обеспечи-

вала биологического выживания работников. Не удивительно, что размером такой зарплаты работники были не удовлетворены. По данным социологического опроса в 2000 г. размер зарплаты устраивал лишь 3 % неквалифицированных работников [7, с. 294]. Второй проблемой, связанной с данным источником дохода, явились задержки по выплате и без того низкой зарплаты, которые носили повсеместный характер. При этом наметилась определенная тенденция: неквалифицированным работникам задерживали зарплату чаще и на бóльший период времени, чем квалифицированным рабочим. Лишь 3 % неквалифицированных работников получали зарплату своевременно, 31 % — с небольшими задержками, 51 % — с задержками на несколько месяцев, 15 % — на несколько лет [7, с. 294].

При таких условиях зарплата не перекрывала всех потребностей неквалифицированных работников, что вынуждало их искать дополнительные заработки. Для многих существенным подспорьем и спасением от нищеты становилось личное подсобное хозяйство (ЛПХ). Произведенная на личном подворье продукция позволяла кормить семью и получать хоть какие-то «живые» деньги от продажи скота, овощных и плодово-ягодных культур. Личное подсобное хозяйство имели и пополняли с его помощью бюджет семьи 88 % работников сельхозпредприятий, опрошенных в 1999—2000 гг. [7, с. 294].

Ведение ЛПХ не было бы таким эффективным, если бы не помощь со стороны сельскохозяйственных предприятий, как легальная, так и нелегальная. Легальная поддержка работников сохранилась со времен колхозно-совхозного строя. Она выражалась в предоставлении им возможности выписывать в сельхозпредприятия продукты питания, выделении транспорта для личных целей, продаже по льготным ценам мяса, молока, комбикорма и др. За годы реформы размеры легальной поддержки сельхозпредприятиями своих работников постоянно сокращались. Если в 1992 г. помощь оказывали все коллективные предприятия, то в 1994 г. — лишь 21 % сельхозпредприятий. В 1995 г. сократилось и количество видов поддержки

[1, с. 277]. Снижение объемов легальной поддержки компенсировалось увеличением размеров нелегальной помощи, проявлявшейся в виде «растаскиловки» (хищений). Ряд руководителей сельхозпредприятий не только не препятствовали, а, напротив, способствовали этому, исходя из принципа «берешь сам, делись с другими».

Получение работниками от сельхозпредприятия, легально и нелегально, незарплатных и социальных благ свидетельствует о псевдоэффективности ЛПХ. Система круговой поруки между работниками и руководителем сельхозпредприятия означала, что работники находились в положении социально-экономической зависимости от предприятия, которая иногда (особенно с конца 1990-х гг.) создавалась искусственно с целью подготовить благоприятные условия для концентрации собственности в руках руководителей. До этого невыплаты объяснялись тяжелым финансовым положением предприятия.

Совершенно новым источником пополнения семейных бюджетов неквалифицированных работников в пореформенное десятилетие стали доходы от реализации права собственности. Данный источник возник вследствие раздела земель и имущества сельхозпредприятий на паи, проведенного в рамках реорганизации колхозов и совхозов. Он представлял собой выплату каждым сельхозпредприятием своим работникам арендной платы за переданные ему в аренду земельные доли, либо выдача дивидендов за принадлежавшие им акции.

Изначально у работников существовало скептическое отношение к получению доходов от собственности. В силу особенностей мышления, сохранившихся с советских времен, им психологически было сложно его воспринять. В 1992 г. лишь 8% опрошенных работников сельхозпредприятий связывали рост благосостояния своей семьи с использованием земельной собственности и 73% — с увеличением зарплаты [1, с. 277], так как данный источник доходов был им более понятен. Постепенно по мере адаптации селян к новым экономическим

условиям ситуация стала меняться. После того как в 1993—1996 гг. неквалифицированные работники сельхозпредприятий получили документы на право собственности на свои земельные доли, у них появилась возможность реализации ряда прав: аренды, передачи в уставный фонд предприятия, продажи, передачи по наследству, дарения и др. [8, ст. 4191; 9, ст. 1026]. Большинство земельных долей использовалось коллективно путем сдачи их в аренду своему сельхозпредприятию. Размер арендной платы устанавливался по решению собрания трудового коллектива и был одинаковым для всех собственников земельных долей. Однако из-за убыточности большинства сельхозпредприятий размер арендной платы и дивидендов был невелик, к тому же эти выплаты носили натуральный характер. Поэтому, казалось бы, столь прогрессивный источник доходов как реализация права собственности на землю в реальности не приносил ожидаемых результатов.

Еще одним источником доходов неквалифицированных работников являлись социальные пособия (на детей, по инвалидности и др.). Данный источник, в силу малого достатка большинства семей работников сельхозпредприятий, имел широкое распространение. Однако размеры социальных пособий были небольшими. К тому же этот источник доходов зачастую носил кратковременный характер (как в случае получения пособия на ребенка).

Выше отмечалось, что из-за крайне низкой зарплаты многие работники были вынуждены искать дополнительные источники дохода (в 1999 г. их число соответствовало 74 % от общей численности работников) [2, с. 292]. Однако из-за ограниченности сфер приложения труда вне сельского хозяйства найти такие источники на селе, особенно неквалифицированным работникам, было практически невозможно. В результате данное стремление работников чаще всего оставалось нереализованным. Дополнительные заработки, которые немногим из них удавалось отыскать, носили либо сезонный, либо временный, но только не регулярный характер.

Низкий уровень доходов вынудил большинство неквалифицированных работников отказаться от ряда социокультурных благ. По сравнению с периодом до 1991 г. они реже стали ездить в город, практически прекратили пользоваться услугами домов быта, перестали посещать санатории и учреждения культуры.

Несомненно, что в пореформенный период существенно изменилась структура доходов неквалифицированных работников. Главным новшеством стало появление нового источника — доходы от реализации права собственности, — который по причине убыточности сельхозпредприятий и формального характера прав собственности владельцев земельных долей не смог оказать ощутимой поддержки работникам сельхозпредприятий.

Подводя итог, следует отметить, что и без того не самая благополучная социальная группа неквалифицированных сельскохозяйственных работников в пореформенный период претерпела ряд негативных изменений. Сокращение численности почти в 2 раза, старение и частая сменяемость кадров, ухудшение трудовой дисциплины свидетельствовали об очень низком уровне качественного состава данной группы. Лучшая часть молодежи старалась получить образование, чтобы пополнить собой ряды более успешных социальных групп или перебраться в город. Неквалифицированные сельскохозяйственные работники оказались самыми яркими представителями «сельской бедности» в широком значении этого слова — «бедность с точки зрения уровня доходов, бедность из-за недостаточного доступа к базовым общественным социальным услугам, бедность как следствие узости жизненных возможностей» [4].

Список источников и литературы

1. Великий П.П. Аграрная реформа и проблемы социального благополучия российского крестьянства // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000.

2. Винничек Л.Б., Федотова М.Ю., Зарук Н.Ф. Доходы сельского населения: проблемы и перспективы // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000.
3. Долгушкин Н.К. Трудовой потенциал российского села: состояние и перспективы. М., 2004.
4. Овчинцева Л.А. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. 2004. № 1.
5. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 17 т. М., 2005. Т. 9 : Занятия населения.
6. Сельская бедность и сельское развитие в России / Е.В. Серова, Т.В. Тихонова, И.Г. Храмова [и др.]. М., 2004.
7. Скобелин В.А. Доходы тружеников села: реальность и ожидания // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000.
8. Указ Президента РФ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» от 27 октября 1993 г. // Собрание актов президента и правительства РФ. М., 1993.
9. Указ Президента РФ «О реализации конституционных прав граждан на землю» от 7 марта 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 11.
10. Шалятина И.П., Карев В.Н. Современные особенности развития земельных отношений в сельском хозяйстве // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000.

ОБ АВТОРАХ

Александров Николай Михайлович, канд. ист. наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль.

E-mail: anm1812@mail.ru

Барина Екатерина Петровна, д-р ист. наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара.

E-mail: rfnz25@yandex.ru

Дианова Елена Васильевна, д-р ист. наук, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск.

E-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Дубман Эдуард Лейбович, д-р ист. наук, Самарский государственный университет, Самара.

E-mail: dubmane@mail.ru

Жданович Людмила Николаевна, канд. ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: lzhdanovich@mail.ru

Иванов Владимир Иванович, д-р ист. наук, Краснодарский социально-экономический институт, Краснодар.

E-mail: ivanovst@mail.ru

Кабытов Пётр Серафимович, д-р ист. наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Карпачёв Михаил Дмитриевич, д-р ист. наук, Воронежский государственный университет, Воронеж.

E-mail: m-karpach@mail.ru

Логунова Инна Викторовна, канд. ист. наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецк.

E-mail: inna.logunova12@gmail.com

Нарыкова Нина Михайловна, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург — Пушкин.

E-mail: narykova@yandex.ru

Наухацкий Виталий Васильевич, д-р ист. наук, Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону.

E-mail: naoukhatskiy@rambler.ru

Никулин Валерий Николаевич, д-р ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: nikuliny@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, д-р ист. наук, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа.

E-mail: mrodnov@ufanet.ru

Тагирова Лейла Факиловна, канд. ист. наук, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа.

E-mail: sleila.83@mail.ru

Томилин Виктор Николаевич, д-р ист. наук, Липецкий государственный педагогический университет, Липецк.

E-mail: tomlin58@mail.ru

Черкасова Марина Сергеевна, д-р ист. наук, Вологодский государственный университет, Вологда.

E-mail: mscherkasova@mail.ru

Научное издание

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 28

Под редакцией
Никулина Валерия Николаевича

Редактор *Ю. А. Манукян*. Корректор *М. А. Коньшен*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 11.10.2022 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,4
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Заказ 99

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6